

Волшебные
и страшные

Якопо Сильвестре

Blackbanshee

МИФЫ ЛЕСА

От феникса

до Игдрасиля

Перевод
Федора Каузова

МИО

Якопо Сильвестре

МИФЫ ЛЕСА

От феникса до Иггдрасиля

Иллюстрации Blackbanshee

Перевод с итальянского
Федора Каузова

Москва
МИФ
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

4 Предисловие

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕРЕВЬЯ

- 8 **Деревья: безмолвные стражи Природы**
- 11 **Ясень** Величественная мощь
- 14 **Иггдрасиль** Великий космический ясень и сила рун
- 20 **Небесное древо** *égig érö fa*
- 21 **Ореховое дерево** Греховный свет
- 23 **Сосна** Бессмертный гермафродит
- 25 **Дуб** Древний Отец
- 27 **Сейба** Крокодиловый мост
- 30 **Тис** Священная смерть
- 32 **Драконово дерево** Таинственный румянец
- 34 **Береза** Духовное сияние
- 36 **Грибы** Мистические обитатели лесного покрова

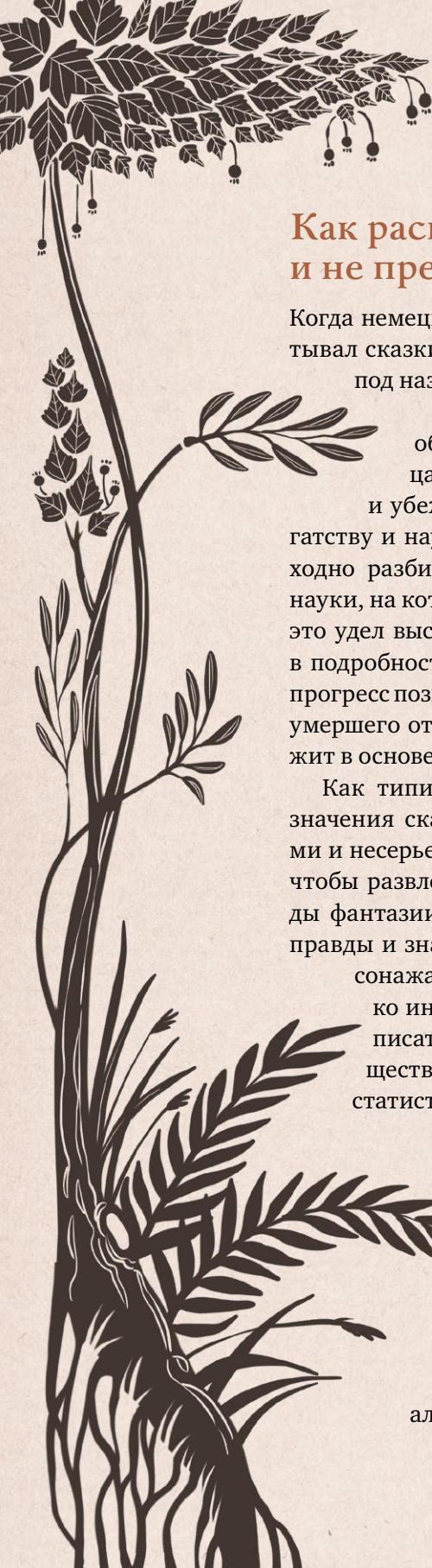
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБИТАТЕЛИ ЛЕСНЫХ ЗЕМЕЛЬ

- 42 **Волки** Дикая сущность
- 44 **Волки-оборотни и ликантропы**
- 47 **Волчьи шкуры** Отрывок из «Саги о Вэльсунгах»
- 56 **Волкодав по имени Гелерт**
- 60 **Зверь из Кузаго**
- 62 **Фенрир** Ужас богов
- 71 **Лисы** Мистическая плутовка
- 73 **Кицунэ**
- 75 **Хули-цзин и кумихо**
- 77 **Тануки**
- 78 **Тануки и Кицунэ**
- 84 **Кицунэ-но Ёмейри**
- 85 **Кван, Джамул и зима**
- 93 **Revontulet**
- 94 **Хурлубурлебуц!**
- 102 **Медведи** Могучие защитники
- 104 **Берсеркер**
- 107 **Бьорн, Бера и Бодвар Бьярки**
- 115 **Жан-Медведь**
- 131 **Олени** Буйная царственность

- 134 **Херн-Охотник**
- 149 **Птицы** Вестники свободы
- 151 **Сова Афины**
- 152 **Феникс**
- 154 **Хугин и Мунин**
- 155 **Сон Энгуса**
- 161 **Животные-гибриды**
- 163 **Единороги**
- 165 **Рогатые зайцы**
- 167 **Ворон вальравн**
- 168 **Кентавры**
- 170 **Волшебные и страшные лесные создания**
- 172 **Сквонк**
- 174 **Ходаг**
- 176 **Скрытень**
- 178 **Сплинтер-кот**
- 180 **Тапио**
- 182 **Леший**
- 184 **Папа Буа**
- 186 **Ши, или сиды** Маленький народец
- 190 **Народ мха**
- 192 **Дриады и Гамадриады**
- 195 **Кодама**
- 197 **Пэн-Хоу**
- 199 **Нанг Тани**
- 201 **Батибат**
- 203 **Ямауба**
- 205 **Лихо**
- 207 **Баньши**
- 209 **Пука**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ИСТОРИИ

- 215 **Аполлон и Дафна**
- 222 **Король Лаурин**
и Розовый сад
- 230 **Поль Баньян**
и Великий Снегопад
- 241 **Василиса Прекрасная**
- 256 **Пер Гюнт** Победитель троллей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как распознать Циглера и не превратиться в него

Когда немецкий писатель Герман Гессе собирал и обрабатывал сказки и легенды своей страны, он создал историю под названием «Человек по имени Циглер».

Образ Циглера довольно сложный. Речь идет об обычном для своего времени человеке конца XIX столетия: ленивом, лишенном ценностей и убеждений и верном лишь двум религиям — богатству и науке. Нет, Циглер не ученый, который превосходно разбирается в науках, ему достаточно знать, что науки, на которые государство тратит огромные деньги, — это удел высокообразованных скучных людей. Не вникая в подробности, он убежден, что медицинский и научный прогресс позволит ему избежать участи собственного отца, умершего от рака. Циглер боится смерти, и этот страх лежит в основе его слепой веры в цивилизацию.

Как типичный современный человек, он не придает значения сказкам и легендам, считая их бессмысленными и несерьезными историями, которые только и годятся, чтобы развлекать дураков. Для него они всего лишь плоды фантазии, незначительные и бесполезные, лишенные правды и знания. Дальнейшая судьба этого унылого персонажа не является предметом нашей книги, однако интересно заметить, как его образ, наделенный писателем всеми пороками современного ему общества, остается удивительно похожим и на средне-статистического человека нынешней эпохи, которого мы встречаем везде и всюду. Все чаще мы слышим от «прогрессивных» родителей, что их дети не верят ни в рождественского деда Баббо Натале, ни в ведьму Бефану, и это подается как признак смывленности и острого ума.

Все чаще праздники и традиции, которые столетиями играли важнейшую роль в культуре, превращаются в коммерциализированные бледные подобию самих себя.

Так, ирландская Oíche Shamhna («ночь Самайна») трансформировалась в Хеллоуин, американский праздник, посвященный ужастикам и страшным нарядам, и утратила свое первоначальное значение самого темного дня года, когда духи могут свободно входить в наш мир. В других случаях эти древние праздники и обычаи просто высмеиваются или принижаются без желания разобраться в их настоящем символическом значении.

Единственный способ избежать распространения этой страшной эпидемии банализации — докопаться до самой сути старинных историй и традиций.

Читайте, учитесь, давайте себе свободу верить в невероятное и ошибаться. И не превращайтесь в Циглера, ибо это означает конец.

Разговоры о лесе

Если замки и крепости в сказках почти всегда олицетворяют собой непростой характер и духовный облик их владельцев, то леса символизируют жизненный путь.

Пройти через лес означает познать самого себя, побывав в ином мире, полном развилочек, мрачных троп и коварных существ, а еще залитых солнцем чудесных безмятежных полей.

Белоснежка теряется в лесу, и на языке иносказания это означает, что ее жизнь меняется радикальным образом, оставляя героиню в смятении и растерянности. Однако даже в самой сложной и безнадежной ситуации всегда найдется кто-то, кто будет готов пригреть ее и помочь ей, если, разумеется, она того заслужит.

Подобное случается и с другими известными сказочными персонажами, например с Гензелем и Гретель или Мальчиком-с-пальчиком, но и то, что происходит с поэтом Данте в мрачном лесу из его всемирно известной «Божественной комедии», не сильно отличается от этого сюжета.

В более поздние времена, если точнее, в середине XIX века, поэт и философ Генри Дэвид Торо написал в своей книге «Уолден, или Жизнь в лесу» знаменитую фразу: «Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил»*.

В своей книге, с которой многие из вас знакомы благодаря известному фильму «Общество мертвых поэтов», Генри Торо рассказывает о двух годах жизни, проведенных им в маленькой хижине в лесу, на берегу пруда Уолден, куда он отправился, чтобы познать подлинные отношения между человеком и природой. Несмотря на возможную притягательность идеи

* Г. Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», перевод З. Е. Александровой. *Прим. пер.*

уединиться и жить в лесу, с практической точки зрения мне, признаюсь, было бы сложно ее реализовать, учитывая мой малоподвижный образ жизни. Предположу, что в этом я не одинок. Однако многие из моих самых ярких и наполненных восторгом воспоминаний связаны с лесными приключениями: я карабкался по густым ветвям деревьев, обнаружил уже поросший зеленью заброшенный дом, нашел в росистой траве иголку ежа и слышал в зарослях кустарника хрюканье кабана.

В глазах нашего ленивого общества эксперимент Генри Дэвида Торо, без сомнений, выглядит довольно-таки радикальным, однако даже простая прогулка может благотворно повлиять на связь между человеком и природой. Изменения в этих отношениях должны происходить постепенно.

Когда ты чувствуешь себя подавленным, гонимым и отвергнутым миром, полным искусственности и лицемерия, наступает время вернуться к истокам жизни. Время вернуться в лес.

Вероятно, человек никогда не сможет до конца понять, что такое лес, так же как никогда не сможет до конца постигнуть жизнь.

Но не следует прекращать попытки сделать это.

Как читать эту книгу

В книге, помимо множества любопытных фактов и информации, вы найдете большое количество сказок, легенд и мифов в моем переложении.

Моя главная цель заключалась в том, чтобы эти истории показались читателям интересными и захватывающими, но в то же время не утратили своего исходного смысла.

Все сказки, мифы и легенды поданы в прозаической форме, с сохранением их особенностей, но в виде рассказов.

По этой причине, если какая-то из легенд вас особенно заинтересует и вы захотите в нее углубиться, советую вам обратиться к ее оригинальной версии, чтобы отделить от нее мои авторские добавления.

Со временем истории трансформируются, и в этой книге вы найдете рассказы, вариации которых столь разнообразны, что практически невозможно добраться до их настоящей и оригинальной версии. Так что моя работа заключалась также в выборе лучшего варианта той или иной истории, при этом я всегда держал в уме принцип невмешательства.

Принцы и принцессы, которых мы хотим отблагодарить

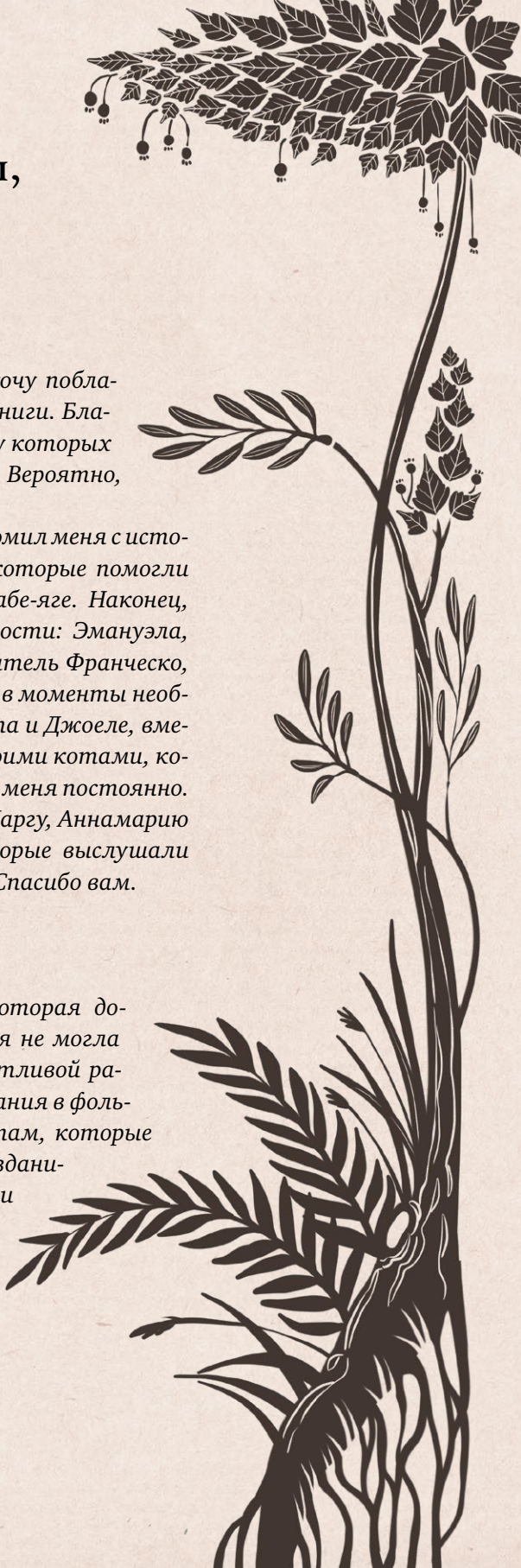
Якопо Сильвестре

Есть очень много людей, которых я хочу поблагодарить за помощь в создании этой книги. Благодарю Сильвию, Габриеле и Томмазо, у которых я ~~укра~~л одолжил два сборника сказок. Вероятно, они больше никогда их не увидят.

Благодарю Андреа, который познакомил меня с историей зверя из Кузаго. Елену и Ольгу, которые помогли мне узнать любопытные факты о Бабе-яге. Наконец, последние по списку, но не по значимости: Эмануэла, без чьей помощи я не был бы здесь; учитель Франческо, который вел меня и делился советами в моменты необходимости, а также Раффаэле, Роберта и Джоеле, вместе со всей моей остальной семьей и моими кошками, которые поддерживали и поддерживают меня постоянно. Кроме того, я обязан поблагодарить Маргу, Аннамарию и всю команду редакции ReBelle, которые выслушали мои безумные идеи и поверили в меня. Спасибо вам.

Марга Бьяцца

Спасибо команде редакции ReBelle, которая доверила мне этот проект: о большем я не могла и просить! Спасибо Якопо и его кропотливой работе, которая приумножила мои познания в фольклоре. Спасибо Маки и всем моим кошкам, которые были, есть и будут. И спасибо всем создателям, которые живут за завесой: с вами всегда здорово работать.

Часть первая

Деревья: безмолвные стражи Природы

Эти молчаливые хранители покоя и благополучия окружают нас всегда и везде. Их корни уходят вглубь земли и становятся венами и артериями, которые поддерживают, питают и обеспечивают жизнь на нашей планете.

Тысячелетиями они согревают нас, дарят прохладу жарким летом, их древесина оберегает от ненастий. Они украшают собой пейзажи, делают города зелеными, дают кров множеству живых существ...

Деревья

Деревья — бесконечный источник чудес для тех, кто обладает чуткостью, чтобы слушать и познавать их. Твердые и неподвижные создания, полная противоположность нам — людям, постоянно находящимся в движении, деревья могут казаться застывшими элементами пейзажа, что в наших глазах делает их еще более загадочными, будто бы пришельцами с другой планеты. Такое ощущение возникает, поскольку нам прекрасно известно, что в отличие, например, от гор деревья бездвижны лишь на первый взгляд и мы имеем дело с живыми существами: как и животные, они дышат, питаются и воспроизводят потомство. С любой точки зрения дерево — живой организм, который играет ключевую и «активную» роль в окружающем нас мире природы.

Время для этих великанов течет совершенно иначе, нежели для нас: срок их жизни исчисляется веками, благодаря чему они превращаются в древесные монументы, способные объединять целые поколения. Год за годом дерево повторяет один и тот же устоявшийся жизненный цикл: весной цветет, летом растет и крепнет, осенью сбрасывает листву, а зимой словно засыпает непробудным сном. Непрерывный круговорот смерти и возрождения, который повторяется столько лет, сколько нам, людям, не стоит и надеяться прожить. Наука утверждает, что деревья не способны мыслить, однако я не стал бы заявлять это со всей уверенностью.

Безмолвный страж природы, дерево — одно из самых таинственных существ для человека, настолько, что вокруг него возник настоящий культ. С глубокой древности деревья и кустарники считались жилищами божественных духов, мудрыми хранителями секретов жизни, центром вселенной и мостами между земным и небесным мирами. Связанный с ними символизм не ограничен временем и пространством: у каждой великой цивилизации, от Месопотамии до Египта, от Индии и Китая до Греции и Рима, мы обнаружим традиции, священные тексты, космологические и теологические воззрения, мифы, легенды и сакральные изображения, связанные с деревьями и существами, что таятся среди ветвей и стволов.

Наши отношения с деревьями представляют собой уникальный симбиоз, над которым не властно время: с Древа познания, обычно изображаемого в виде яблони, и началась человеческая история, какой мы ее знаем; а у подножия другого дерева, платана, как описывает Платон в своих «Диалогах», Сократ и Федр вели беседу. И что, как не деревья, неизменно создает образ идиллической сельской жизни, во все времена воспеваемой поэтами, от Вергилия до Леопарди.

Эти архетипы хорошо укоренились и в современной поп-культуре, в фэнтези-книгах, фантастических фильмах и видеоиграх: достаточно вспомнить Древобрада из толкиновского «Властелина колец», персонажа, который олицетворяет борьбу с индустриализацией, или Великое Дерево Деку из серии видеоигр «Легенда Зельды» — старое мудрое существо, сопровождающее героя Линка в походе против зла; не забудем и о Бабушке Иве из «Покахонтас», а также о симпатичном древоподобном персонаже по имени Грут из «Стражей Галактики».

Однако, несмотря на все вышесказанное, очень часто мы забываем о важности деревьев: снова и снова рубим их, сжигаем, обстригаем и придаем им искусственные формы. Но даже когда мы так поступаем, истории и рассказы о них по-прежнему остаются с нами. На следующих страницах мы познакомимся с самыми известными легендами о деревьях и существах, обитающих среди них. Возьмите фонарь, и отправимся вместе под свод темных ветвей, чтобы извлечь из глубины на свет все их тайны: нас ждет путешествие в мир, который кажется таким знакомым, но который нам еще только предстоит узнать.

Это любопытно

Голодное дерево в Дублине. Это дерево словно явилось со страниц сказок: огромный платан, посаженный примерно в 1930 году в парке Кингс Инн, за долгие годы так сильно врос в чугунную скамейку, что кажется, будто он собирается ее проглотить.

Тюрьмное дерево в Австралии. Этот гигантский баобаб, полый внутри, известен тем, что в 1890 году являлся временной тюрьмой для австралийских аборигенов. Рассказывают, что внутри него стояла клетка площадью тридцать квадратных метров, в которой находилось около тридцати человек.

Пушечное дерево. Такое название (в английском: Cannonball tree) дерево получило из-за формы своих плодов, которые напоминают пушечные ядра. Когда они под тяжестью собственного веса падают на землю, то производят шум, похожий на звук выстрела.

Ясень

Величественная мощь

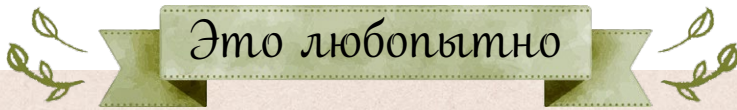
Ясень — изумительное лиственное дерево, которое растет по всей Европе, в частности в Центральной и Северной Италии. Он принадлежит к большому семейству маслиновых (Oleaceae) и может достигать более тридцати метров в высоту. У него гладкая кора угольно-серого цвета и очень ценная древесина: упругая и гибкая, но вместе с тем крепкая и прочная. Ясень растет, пуская корни во все стороны и препятствуя росту других растений рядом с собой. По этой причине вокруг него образуется пустое пространство, где он величественно возвышается в гордом одиночестве. Неудивительно, что благодаря такому выдающемуся облику ясень и по сей день во многих культурах считается священным и важным деревом.

Его научное название *Fraxinus*, по одной из версий, происходит от латинского слова *fragor*, что означает «шум, грохот». Все потому, что древние греки, а затем и римляне считали ясень священным деревом Посейдона, который был богом не только морей, но и землетрясений и прочих природных катаклизмов. Говорят, что до появления Аполлона именно Посейдон раскрывал будущее Дельфийскому оракулу: прорицатель призывал божественные молнии с помощью ветви ясеня, а затем считывал знаки судьбы по охваченной огнем ветке.

Так что культ ясеня имеет очень древнее происхождение: например, кельты считали его символом возрождения и источником чудесных исцелений.

Существовала традиция давать его сок новорожденному ребенку и сжигать ясеневые ветви в комнате, где тот спал. В английском Селборне был такой ритуал: в стволе молодого ясеня прорубали большую продольную щель и перед рассветом трижды проводили через нее детей, больных грыжей или рахитом, без одежды. После того как ритуал завершался, проем замазывали глиной, а сам ствол связывали: считалось, что ребенок излечится от грыжи, только если щель затянется. Те, кто выздоравливал, должны были впоследствии присматривать за деревом, чтобы его никто не срубил: бытовало верование, что отныне жизнь ребенка неразрывно связана с ним. Ясень считался эффективным средством и от змеиных укусов: сок его листьев пили или прикладывали к ране.

Древнегреческий поэт Гесиод утверждал, что третье поколение людей, поколение бронзового века, появилось на свет из ясеней. Он описывал их как могучее и повергающее в ужас племя, поклонявшееся Аресу — богу войны: мужчины этого рода владели несокрушимым оружием из бронзы и древесины ясеня и беспощадно бились на поле боя. От Греции до Скандинавии это дерево было символом бесстрашных воинов, которые стоят на страже своего народа. Ирландцы изготавливали из древесины ясеня троны и посохи друидов, а также оружие для молодых воинов: юноши получали ясеневые копья, чтобы преодолеть ритуальные испытания. Из ясеня было изготовлено и копьё Ахилла, которое он получил от своего учителя — кентавра Хирона. Именно этим оружием легендарный сын Пелея сразил могучего Гектора — главного защитника Трои.

В кельтской культуре ясень также был одним из знаков зодиака. Своими характеристиками он наделял тех, кто родился с 25 мая по 3 июня и с 22 ноября по 1 декабря. Рожденные под знаком ясеня свободны духом, их сложно укротить, они постоянно стремятся к независимости как в физическом, так и в ментальном плане. Таким людям нравятся новые вызовы и изменения, их нелегко чем-то испугать, а все жизненные трудности они встречают с неизменным оптимизмом.

Лущенные семена ясеня можно добавлять в салаты, а из отвара его коры получается мочегонное средство. Сама же кора обладает сильными вяжущими свойствами, поэтому в прошлом использовалась при лечении болезней печени и ревматизма. Помимо этого, ее применяют как жаропонижающее средство, при воспалениях, вызванных мочепочечными инфекциями, а также чтобы вывести кишечных паразитов и при лечении малярии.

Когда речь заходит о ясене как о священном дереве, в первую очередь, конечно, вспоминают древнескандинавскую мифологию. Именно там мы встречаем знаменитый образ гигантского и бессмертного ясеня Иггдрасиля, космического древа, которое соединяет девять миров, защищая их и сохраняя вселенское равновесие.

В прошлом ясеневым деревьям придавали такую важность, что в 665 году н. э. христиане вынуждены были жечь их в попытке искоренить языче-

скую веру. Однако многие из тех древних традиций выжили даже в христианском мире. Так, в Средние века существовал обычай бросать в очаг ясеневое полено, чтобы изгнать демонов и прочих зловредных духов.

В славянской охранительной магии ветки и щепки ясеня широко использовались как оберег против нечистой силы, а в различных районах Европы еще и как обереги во время морских путешествий. Так многие священные ясени из Ирландии со временем были вывезены эмигрантами в Америку по частям.

А в некоторых районах Италии сохранился обычай ставить к приходу весны «Майские деревья» — длинные столбы из ясеня, украшенные разноцветными лентами. Во время праздничных торжеств мужчины и женщины берутся за эти ленты и, танцуя вокруг столба, сплетают из них прекрасные узоры. Символика этой традиции связана с сельскохозяйственными обрядами плодородия и пастушьими искупительными ритуалами.

Иггдрасиль

Великий космический ясень и сила рун

*«Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно».**

Корни Иггдрасиля

Расположенный в самом центре мироздания, этот гигантский ясень защищает богов и людей и невероятным образом соединяет небеса и землю. Иггдрасиль не обычное дерево, как все остальные: он могуч и величественен. Это самый изумительный и прекрасный ясень, который когда-либо существовал и будет существовать на земле, поскольку он вечен, как сама жизнь.

Ствол Иггдрасиля стоит на трех могучих корнях, которые так глубоко уходят в землю, что достигают трех подземных миров.

Первый корень проникает в самые глубинные подземелья (есть версии, что он тянется до Хельхейма — мира мертвых). Под ним обитает огромный чудовищный змей Нидхёгг, который постоянно подтачивает его вместе с бесконечным множеством других змей.

Второй корень, наоборот, устремляется к Йотунхейму, миру, населенному великанами, и достигает колодца Мимир, чьи воды наделяют каждого, кто отведал их, величайшими знаниями и мудростью. Вход в него охраняет

* «Старшая Эдда» — «Прорицание вёльвы», перевод А. Корсуна. *Прим. пер.*

VEÐRFÖLNIÐ

DAINN + DURATHROK

RAATATOSKA

DAINN + DUNEYRA

NIÐHOGG

NIÐHEIMR

JOTUNHEIMR

MIDGARDR

одноименный великан Мимир — единственный, кто способен черпать из источника благодаря волшебному рогу Гьяллархорну. Божественный страж позволил испить из колодца лишь Одину, которому пришлось дорого заплатить за это: отец богов пожертвовал глазом, оставив его в качестве платы.

Третий корень Иггдрасиля достигает Мидгарда, мира людей, и погружается в священный колодезь Урд, возле которого каждый день боги держат совет. Перед этим источником находится волшебное жилище, где обитают три мудрые девы, норны, божества, похожие на мифических древнеримских парки. Они проводят свои дни, вырезая руны на деревянной доске, тем самым создавая линии судьбы людей и богов. Зовут их Урд, Верданди и Скульд (соответственно Судьба, Становление и Долг). Из волшебного источника они достают белую глину и свежую воду и орошают ими ствол Иггдрасиля, чтобы он не засох и не погиб. Помимо них рядом с колодезем обитают два прародителя лебедей — птиц, которые считаются божественными за свою чистоту и белоснежное оперение.

Создания, которые населяют Космическое древо

Кроме того что Иггдрасиль поддерживает девять миров, он является обиталищем различных существ, которые его оберегают и получают от него жизненную силу. На самых высоких ветвях примостилась гигантская орлица*. Некоторые видят в ней мудрую птицу Хрёсвелг — хранительницу древнейших секретов. Ее взор постоянно устремлен к горизонту, чтобы вовремя оповещать богов о внезапном появлении врагов, а взмах ее крыльев рождает ветра в человеческом мире. На ее клюве сидит ястреб по имени Ведрфельнир: вместе два хищника олицетворяют собой наивысший духовный подъем. Как мы уже знаем, под корнем Иггдрасиля ползает ужасный змей Нидхёгг, который неустанно подтачивает священное древо.

По стволу Иггдрасиля снует туда-сюда белка Рататоск, которая передает орлице и змею вести и зловредные оскорбления друг от друга.

* В русском классическом переводе «Младшей Эдды» О. А. Смирницкой — орел. *Прим. пер.*

Четыре священных оленя — Даин, Двалин, Ду-нейр и Дуратрор — бродят вокруг дерева и подскакивают вверх, чтобы сорвать его листья. На ветвях Иггдрасиля отдыхает Видопнир — золотой петух, чья песнь возвестит о конце света. Когда это случится, листья великого дерева задрожат, что будет знамением грядущего конца времен, Рагнарёка, который утянет за собой все сущее. Из-за всех этих созданий, живущих среди его корней и ветвей, Иггдрасиль давно бы погиб, если бы не норны, которые постоянно ухаживают за ним, поливая водой из священного источника.

Девять миров

Древнескандинавская космология разделяла мироздание на девять частей. В центре находился огромный ясень

Иггдрасиль, он соединял своими ветвями и корнями девять миров, что расходились от него в разные стороны.

Великий ясень не только выполнял роль стержня, но и являлся мостом, по которому обитатели разных миров могли попасть из одного мира в другой. Боги Асгарда, кроме того, имели право пользоваться для своих путешествий Биврёстом — переливающейся на свету волшебной дорогой, которую мы, люди, зовем радугой.

Вот эти девять миров:

МИДГАРД: мир людей, наш мир.

АСГАРД: жилище могучих божеств асов и верховного бога Одина.

ВАНАХЕЙМ: мир ванов — чувствительных божеств плодородия.

ЙОТУНХЕЙМ: пустынные земли, где живут йотуны — уродливые и злобные великаны.

АЛЬВХЕЙМ: королевство светлых альвов, цветущие земли, населенные духами природы.

СВАРТАЛЬВХЕЙМ: обиталище карликов, которые создают свои творения в недрах гор.

МУСПЕЛЬХЕЙМ: один из двух первозданных миров, полностью охваченный пламенем. Здесь великан Сурт ожидает конца света, чтобы очистить мироздание своим огненным мечом.

НИФЛЬХЕЙМ: второй из первозданных миров, беспрерывно продуваемый ледяными ветрами и полностью покрытый льдом.

ХЕЛЬХЕЙМ: темный мир мертвых, неизвестный высшим мирам. Здесь Хель, дочь Локи, властвует над душами тех, кто не отдал с честью свою жизнь в битве.

Согласно древнескандинавской мифологии, все миры обречены сгореть под пламенным мечом великана Сурта, когда наступит Рагнарёк — конец богов.

Из всего человеческого рода уцелеют только мужчина Лив и женщина Ливтрасир (Жизнь и Жажда Жизни), которым будет суждено заново заселить опустевшую землю. Они укроются в роще Ходдми-мир, которую некоторые считают не чем иным, как самим Иггдрасилем.

Один и руны

Когда мир еще был молодым и пророчества норн молчали о Рагнарёке, бог Один жаждал знаний.

Деревья

Чтобы отпить глоток из источника Мимира, он пожертвовал своим правым глазом и начал видеть то, что никогда бы не смог разглядеть своим обычным зрением... однако и этого ему было мало.

Отец всех богов желал большего, такого, чего нельзя ни потрогать, ни увидеть. Он жаждал проникнуть в самую суть жизни и мироздания. Так Один достиг Космического дерева, приник к его коре и почувствовал, как под ней пульсирует сок, обладающий волшебной силой.

Тогда, еще больше укрепившись в своем желании, Один решил принести себя в жертву великому ясеню. Так он и сделал: привязал веревку с петлей к одной из его ветвей и продел в нее свою голову, а затем, проткнув себе бок копьем, остался висеть на дереве.

Его мучил голод, но никто не принес ему хлеба. Его мучила жажда, но никто не принес ему воды.

Были лишь он и дерево. Один, принесенный в жертву самому себе, и яшень как безмолвный свидетель этого.

Девять дней и девять ночей провисел бог на ветви, пока наконец-то перед его глазами не возникло нечто: из-под корней дерева появились невиданные чудесные символы (всего их было двадцать четыре), которые вихрем кружились вокруг него, освещая лицо переливающимся светом. Один набрался мужества и крепко схватил их.

В тот же миг он почувствовал, как огромная живительная сила дерева потекла по его венам, и тогда же веревка лопнула, и Один рухнул наземь, крича от радости.

С того дня космический яшень стал называться Иггдрасилем, что означает «Виселица Игга» (последнее есть не что иное, как одно из множества имен Одина), а сам бог получил способность читать и понимать руны. В своем величии он наделил этим даром и людей, даровав нам, таким образом, возможность толковать их, чтобы предсказывать будущее. Однако обратите внимание: руны вовсе не простая вещь и даже сам Один никогда не может быть уверенным, что полностью понимает их смысл. Не исключено, что только норны обладают такой способностью. Или это под силу вообще лишь великому Иггдрасилю.

Небесное древо

*égig érő fa**

В венгерской традиции существует Древо жизни, очень похожее на Иггдрасиль, столь же магическое, хотя и менее известное. Рассказывают, что оно находилось на вершине мира и своими ветвями оберегало и солнце, и луну.

Под корнями этого древа обитали змеи, черви и жабы, тогда как на вершине его восседала мифическая хищная птица Турул, похожая на ястреба и ставшая важным символом страны. Самая величественная из ее многочисленных статуй в Венгрии находится рядом с городом Татабанья. Воздвигнутая в 1907 году, она является, вероятно, самой огромной скульптурой птицы в Европе: только размах ее крыльев достигает более пятнадцати метров.

Забраться на мифическое древо могли лишь избранные, талтоши, которые в венгерском фольклоре выполняли роль шаманов. Согласно легендам, они с рождения были отмечены каким-нибудь необычным знаком, являясь на свет уже с зубами, лишним пальцем, волосами на теле или другими особенностями. Они дольше других младенцев кормились грудью, были немногословными, замкнутыми, держались всегда в стороне, однако обладали огромной силой. В некоторых регионах талтоши должны были также пройти испытание, например в Нагисалонте (сегодня — румынский город Салонта) — взобраться на скалу, а в венгерском округе Хайду-Бихар — залезть на дерево. Рассказывали, что талтош мог добраться до птицы Турул и отправить ее в полет, чтобы разузнать все, что ему надо.

* Произносится приблизительно как «игиг ирё фа». Прим. ред.

Ореховое дерево

Греховный свет

Ореховое дерево благодаря его прямому стволу и густым ветвям, усеянным плодами с изысканным вкусом, легко представить символом изобилия и света. Со временем о нем и его плодах появилось много легенд, которые прежде всего были связаны с женщинами и ведьмами. Самая популярная история — это, без сомнений, легенда об ореховом дереве из итальянского города Беневенто.

В VII веке это место было населено лангобардами, которые проводили под тем деревом свои зловещие языческие обряды. Местный епископ с неприязнью относился к этим ритуалам и потому убедил герцога Беневенто под предлогом защиты Лангобардского королевства от вторжения византийцев с корнем вырвать то дьявольское дерево, дабы Господь помог правителю защитить город. Когда византийская армия действительно сняла осаду с Беневенто, то ли из-за божественного провидения, то ли, что вероятнее, из-за скорого прибытия подмоги с Севера, горожане уверились, что дерево поистине было источником несчастий. Однако когда древо выкорчевали, на том же месте снова взошел росток ореха, и некоторые приверженцы старых верований снова стали проводить там свои «демонические» ритуалы.

С тех пор и возник слух, что в ночь праздника Рождества Иоанна Крестителя* тысячи ведьм со всего света слетаются под это дерево возле реки на великий шабаш. Орех из Беневенто и правда рос неподалеку от реки Сабато (изначально — Sabatus). От ее названия и возникла случайная ассоциация с ведьмовскими шабашами. Намного позже, в XVII веке, и второе дерево погибло, однако слухи о колдовских празднествах под орехом в Беневенто глубоко укоренились в местных народных легендах.

Люди очень боялись ведьм и колдуний. Считалось, что они могут провоцировать выкидыши или уродства у новорожденных. Верили, что ночью ведьмы способны проскальзывать под дверьми. Из-за этого их даже называли Janare, от латинского слова Janua («дверь»). Правда, согласно отдельным исследованиям, это название имеет античные корни и происходит от дианарий — жриц богини Дианы, для которых древнеримский император Диоклетиан воздвиг храм.

* Ночь на 24 июня по григорианскому календарю. Аналог праздника Ивана Купалы.
Прим. науч. ред.

Говорят, если Janare ночью вотрет в свои подмышки (по другой версии, в грудь) магическую мазь, то сможет летать, используя метлу в качестве скакуна. Перед тем как подняться в воздух, она должна была произнести следующую фразу:

«Nguent’ ‘nguent’, mannam’ a lu noc’ e’ Benivient’, sott’ a l’acqua e sott’ o vient’, sott’ a ogn’ mal’tiemp’». («Мазь, мазь, отнеси меня к ореху из Беневенто, под водой, на ветру и в любое ненастье».)

В ночь Рождества Иоанна Крестителя нужно было держать перед дверью мешочек с солью или метлу, чтобы ведьма, не устояв перед искушением сосчитать все крупинки соли или все щетинки у метлы, застряла на пороге до самого восхода солнца. Существовали и разновидности Janare, среди которых были так называемые Башмачницы: по ночам они мучили людей, громко топая в деревянных башмаках по проулкам Беневенто. Среди прочих была и ведьма по прозвищу Длиннорукая — мертвая женщина, упавшая в колодец, которая утаскивала туда любого, кто к нему приближался. Убеждение, что ведьмы для своих шабашей предпочитали ореховые деревья, было распространено по всей Италии: легенда гласила, что церковь Санта-Мария дель Пополо в Риме воздвигли на месте, где рос орех, вокруг которого тысячи демонов плясали по ночам. А народная молва в Болонье и тосканской Пешии гласила, что ведьмы шепчутся или спят под кронами ореховых деревьев. Связь между этим растением и «миром ада» привела к появлению зловещей символики, которая впоследствии нашла отражение в отдельных приметах: например, некоторые крестьяне верили, что, если уснуть под ореховым деревом, можно проснуться с сильной головной болью или горячкой, а если орех прорастет в хлеву, то все животные в нем обречены зачахнуть.

Nocillo: ведьмовской ликер. Жители Беневенто творчески подошли ко всем этим историям и создали ликер Nocillo, который производится с помощью очень сложного ритуала: орехи для него собирают исключительно в ночь Сан-Джованни, между 23 и 24 июня, собственно, во время знаменитого шабаша ведьм.

Сосна

Бессмертный гермафродит

Как вечнозеленое растение, сосна часто ассоциируется с бессмертием: это дерево излучает безмятежность и силу благодаря ярко-зеленой кроне и хвойному аромату. Сосновая шишка из-за содержащихся в ней семян является символом благополучия и изобилия, плодородия и силы возрождения.

Великую сосну особенно почитают в восточном фольклоре и верованиях. Восемь бессмертных Учителей, практически божественные фигуры в китайском даосизме, которые представляют собой различные общественные архетипы, питались исключительно смолой и иглами сосны, чтобы сохранить бессмертие.

В Японии и поныне во время Дня поминовения усопших украшают сосны фонариками. Считается, что это дерево находится между миром живых и миром мертвых и защищает от злых духов и несчастий, поскольку древесина сосны отлично подходит для того, чтобы приютить kami — божественных духов из синтоистской традиции. Еще несколько десятилетий назад на японских свадьбах невеста и жених заключали свой союз перед двумя сосновыми ветвями, которые были символом и пожеланием новоиспеченным супругам постоянства и долгих лет совместной жизни.

В западных странах сосну тоже часто ассоциировали с вечной жизнью и силой. Первоначально в христианстве это дерево было демонизировано как растение, связанное с языческими божествами. Однако со временем оно стало частью христианской религии и символом Рождества.

В одной христианской легенде рассказывается, как Сиф, сын Адама и Евы, попросил у архангела Михаила дать ему что-то, что принесло бы облегчение больному отцу. Архангел предрек скорую смерть Адама, но вместе с тем дал три семени от Древа познания и велел положить их ему под язык, когда он умрет. Так Сиф и поступил. После того как Адам был погребен, из его тела проросло растение, образованное из трех деревьев: кедра (Отец), кипариса (Сын) и сосны (Святой Дух). Из сосны, по легенде, Моисей сделал свой посох, под сосной укрывался Давид, когда сочинял псалмы, а его сын Соломон использовал сосновый ствол как колонну для своего храма в Иерусалиме.

Другой особенностью сосны является ее однодомность: это растение-гермафродит, на котором растут как женские, так и мужские шишки.

Это свойство нашло отражение во фригийской легенде о возникновении первой на свете сосны. Рядом с Пессинунтом, священным городом богини Кибелы, покровительницы леса и животных, возвышалась скала под названием Агдос, которая являлась одним из воплощений самой богини. Однажды Зевс прибыл в те края и устроился на этой скале на отдых, да так там и заснул. Пока он спал, его семя пролилось на Агдос и оплодотворило ее. Спустя десять месяцев скала родила Агдистиса — лесное существо, которое было гермафродитом. Этот полубог-получеловек так сильно устрасил богов своей двойной природой, что Дионис оскотил его. От оскотления появилось миндальное дерево, плод которого съела нимфа, забеременела и родила божественного Аттиса.

Аттис подрос и стал прекраснейшим охотником, пробудив пламенную страсть у Агдистиса, который после оскотления сохранил лишь свою женскую натуру. Агдистис постоянно сопровождал Аттиса на охоте, проводя с ним все дни напролет. Однажды Мидас, царь Пессинунта, увидел Аттиса и настолько был сражен его красотой, что тут же решил выдать за него свою дочь. Отвергнутая Агдистис впала в ярость и внезапно появилась на свадьбе Аттиса и царской дочери, играя на священной флейте: звуки этой музыки свели с ума всех, кто был на празднике, включая Аттиса, который в безумии оскотил себя и умер, истекая кровью.

Когда Агдистис осознала, что натворила, она превратила тело Аттиса в первую сосну на земле.

Сосны Изогнутого леса. В Польше находится Изогнутый лес, именуемый также Нове-Чарново. Речь идет о сосновом боре, который состоит из четырехсот деревьев с такими искривленными стволами, что можно подумать, будто они разлеглись на земле в ожидании кого-то.

Никто не знает точно, почему они имеют такую странную форму, поэтому остается только гадать, стала причиной тому снежная буря или это человеческих рук дело.

Дуб

Древний Отец

Некотрые виды дубов, как, например, дуб черешчатый, могут достигать тридцати пяти метров в высоту и сохранять питательные вещества в своих корнях более двух тысяч лет. Неудивительно, что во многих культурах дуб считается разумным и древним созданием, к которому относятся с глубоким почтением и уважением, словно к мудрому дедушке.

И во времена Древней Греции, и в современном католическом мире дуб считается общепризнанным царем деревьев, символом долголетия, величия и силы. Греки верили, что в дубах обитают дриады и гамадриады. Первых часто представляли в виде цикад (цикад называли *dryokoitai*, то есть «те, кто спит в дубах»), они были нимфами, которые обитали в деревьях, но при случае могли их покидать. Гамадриады (от слова *hama* — «вместе»), напротив, были связаны со своими древами и никогда их не оставляли, умирая вместе с ними (мы подробнее поговорим об истории этих волшебных созданий в следующих главах).

Римляне вручали в качестве награды венок из дубовых ветвей тому, кто показал свою доблесть в битве, защитив от гибели гражданина. Почитали это огромное и величественное дерево и кельты. Для них дуб являлся хранителем мудрости предков, а срезать его ветви было позволено лишь опытному друиду и только с помощью золотого серпа.

В католицизме дуб ассоциируется с образом Мадонны*. Связь между ними настолько сильна, что в прошлом в различных уголках Апеннинского полуострова почитали «дубовую Мадонну».

Одна такая история родилась в окрестностях Монтепульчано, где находится святилище Мадонны. Некий Антонио ди Джулио Росси, проезжая через заросли, был сброшен с коня 6 июня 1690 года. Ему казалось, что вся эта местность кишит демонами, и тогда он поставил в углубление дуба глиняную статуэтку Мадонны. Вскоре там стали происходить чудесные исцеления, и дуб превратился в популярное место паломничества, а монахи-иезуиты возвели рядом с ним небольшую церквушку, освященную в 1699 году.

Во многих знаменитых мифах и легендах Великобритании присутствует дуб.

Рассказывают, что тайный лагерь Робин Гуда находился именно внутри гигантского дуба, который и по сей день жив-здоров в Шервудском лесу.

Часто упоминается дуб и в цикле легенд о короле Артуре. Считается, что мифический остров Авалон был покрыт священным дубовым лесом, а знаменитый королевский круглый стол, символ мудрости и смирения, был сделан из массива дуба.

В Винчестерском замке находится круглый стол диаметром около шести метров и весом почти две тонны; поверхность его состояла из ста двадцати одного дубового бруска, взятых как минимум от семи разных деревьев.

К сожалению, этот стол с именами короля Артура и его двадцати четырех рыцарей не является оригиналом из VI века. Скорее всего, это просто копия, которую, вероятно, в 1290 году заказал король Эдуард Первый: не желая смириться с невозможностью найти оригинальный стол, английский монарх решил таким образом оживить легенду об Артуре.

* В итальянском языке само слово «дуб» — *quercia* — женского рода, что усиливает связь именно с образом женщины или девушки. *Прим. пер.*

Сейба

Крокодиловый мост

Сейба, или, как еще ее называют, капок, — дерево, которое распространено прежде всего на двух американских континентах, где многие цивилизации доколумбовой эпохи почитали его как священное растение.

Она может достигать в высоту семидесяти метров и имеет гладкий ствол, верхушка которого разделяется на множество ветвей.

Согласно фольклору карибского острова Тобаго, когда-то давно существовал ужасный демон по имени Базиль, который беспрепятственно бродил по миру. Однажды он повстречал бедного плотника и замыслил его убить. Тогда мужчина, чтобы оттянуть время, предложил построить ему великолепный дом. Базиль согласился, и плотник построил ему жилище в глубине леса внутри гигантской сейбы. Однако, как только демон вошел в дом, находчивый мужчина тут же наглухо запер его там. С тех пор это дерево зовется замком дьявола, и рассказывают, что Базиль по сей день заперт в нем.

Населявшие Мексику ацтеки принимали сейбу за гигантского крокодила, вероятно, из-за ее твердой коры, напоминающей чешую. Из-за этого дерево часто ассоциировалось с Сипактли, женским божеством в виде полурыбы-полукрокодила, которую убили и разорвали на части бог Кетцалькоатль вместе со своим братом Тецкатлипокой, чтобы создать из ее тела землю.

Сейба была одним из самых важных символов в культуре индейцев майя. Там она занимала такое же священное положение, как Иггдрасиль в мировосприятии древних скандинавов, и была описана под именем *Yaxche* в мезоамериканском эпосе «Пополь-Вух». Легенда гласит, что, когда боги создали мир, на четырех концах света они посадили по одному дереву сейбы: красную на востоке, черную на западе, желтую на юге и белую на севере. Четырем древам было предназначено держать небесный свод, однако боги осознали, что нужно еще как-то соединить землю с небом.

Так появилась пятая сейба, точно посередине. Она была такой огромной и пышной, что своими корнями достигала *Xibalba*, царства мертвых, а ветвями касалась небесного свода.

Это дерево поддерживало мировой порядок, и души умерших могли подниматься по нему на небо или спускаться в глубины царства мертвых, да и сами боги использовали его, чтобы спускаться в земной мир.

Эта легенда и расположение пяти легендарных деревьев *Yaxche* находили свое отражение и при строительстве храмов майя, которые часто имели четыре стороны и основание в форме квадрата.

В 1955 году сейба была объявлена национальным деревом Гватемалы из-за сильного влияния, которое она оказала на традиции и культуру индейцев майя. И по сей день в центре многих поселений и маленьких деревушек Мексики и других стран, территории которых в древности были населены цивилизацией майя, можно обнаружить огромные сейбы.

Плоды сейбы представляют собой длинные капсулы эллиптической формы, с закругленными краями, твердые на ощупь. Своим внешним видом они напоминают крупные палки колбасы, висящие на дереве. Эти плоды содержат растительную ткань — шелковистый пушок (обычно его называют карок), в котором находятся семена. Весной плоды раскрываются, и ветер разносит пушок всюду вместе с семенами. Даже после нескольких месяцев в воде эти волокна не утяжеляются и способны удерживать на плаву предметы, вес которых в тридцать — тридцать пять раз превышает их собственный. Эксперименты показали, что двести — триста граммов карок достаточно, чтобы удержать на поверхности воды человека среднего роста. Таким образом, мы могли бы назвать его предшественником современных спасательных жилетов.

Тис

Священная смерть

Тис способен прожить более двух тысяч лет и когда-то был более распространен, чем в наши времена.

За свою крепкую и гибкую древесину он высоко ценился среди оружейных мастеров: из него изготавливали копья, стрелы и прежде всего луки.

Тут стоит вспомнить, что само название этого дерева происходит от греческого слова *Тохон*, или «лук», и имеет ту же этимологию, что и прилагательное «токсичный» (ядовитый). Почти любая часть тиса, за исключением красной оболочки темного семечка, ядовита для людей и домашних животных, поскольку содержит таксин — один из самых сильных природных ядов, алкалоид, способный вызывать смертельный коллапс сердечно-сосудистой системы. Еще в 300 году до н. э. древнегреческий философ и ботаник Теофраст сообщал в своих текстах об опытах с ядом тиса: имелись подтверждения, что некоторые животные, съедавшие его листья, были обречены на немедленную смерть. Среди животных наиболее чувствительны к таксину лошади, тогда как олени, по всей вероятности, могут питаться самыми ядовитыми листьями тиса без какой-либо угрозы для себя. Человеку тоже не стоит шутить с этим деревом. В частности, опасность может исходить от семян, которые вызывают диарею, расширение кровеносных сосудов с последующей гипотермией и снижение сердечного ритма вплоть до полной остановки сердца. В прошлом масло из тиса использовалось в том числе в медицинских целях, чтобы прервать беременность. Так что нет ничего удивительного в том, что в большинстве культур тис считается Древом смерти. В Великобритании и по сей день существует традиция высаживать тисы вокруг кладбищ, поскольку они якобы защищают души усопших.

Древние греки почитали тис как священное дерево Гекаты — богини тьмы и некромантии. Римляне, чей пантеон унаследовал это божество, приносили ей в жертву черных быков, украшая их шеи тисовыми ветками. Даже эринии, персонифицированный образ мести в греко-римской мифологии, использовали факелы из тиса, чтобы пугать смертных, которых преследовали.

Самым древним из известных деревянных изделий является тисовое копье, обнаруженное в Клэктоне, в графстве Эссекс, оно относится приблизительно к 150 тысячелетию до н. э. Другое копье из тиса, возраст которого датируется примерно 90 тысячелетием до н. э., было найдено в ребрах скелета мамонта в Нижней Саксонии.

В Средние века тис стали воспринимать как дерево, связанное с колдунами и ведьмами, и считалось, что языческие боги являются еретикам с факелами из тисовой древесины.

Тис упоминается и в двух пьесах Шекспира: в «Макбете» три ведьмы изготавливают из него волшебное зелье, а в «Гамлете» в ухо отца главного героя вливается смертельный яд, добытый именно из тиса*.

Хоть тис и высокотоксичен, в 1960-е годы в его листьях обнаружили вещество, которое показало себя эффективным в лечении рака яичников. Как это часто бывает что в фольклоре, что в науке, у дерева оказалась двойная природа, тесно связанная как со смертью, так и с жизнью.

Именно из тиса изготовлен лук знаменитого Этци, «ледяного человека», чьи мумифицированные останки были обнаружены в 1991 году неподалеку от ледника Симилаун, на границе Италии и Австрии. Речь идет о мужчине, который жил в период между 3300 и 3100 годами до н. э. и чье тело сохранилось благодаря особым климатическим условиям внутри ледника. Рост Этци — один метр пятьдесят пять сантиметров, и весь он покрыт татуировками, по своему расположению схожими с теми, что используются в традиционной китайской медицине. Размер его тисового лука при этом достигает одного метра восьмидесяти сантиметров.

* У Шекспира: «With juice of cursed hebenon in a vial». В русских переводах упоминаются белена, белладонна или просто «ужасный яд». *Прим. ред.*

Драконово дерево

Таинственный румянец

Архипелаг Сокотра — подлинный природный рай, затерянный в Индийском океане. Здесь обитает множество видов животных и растений, которые не встретить ни в одном другом уголке мира.

Одним из них является драконово дерево, необычное растение с гладким и упругим стволом, верхушка которого образует огромное зеленое гнездо из тысячи ветвей. Такое своеобразное строение кроны, напоминающее вывернутый наизнанку зонт, со стороны может показаться нелепым и бесполезным, однако в действительности оно имеет ключевое значение для жизни дерева. В период муссонных ветров облака висят высоко в небе над архипелагом, и только благодаря форме своих ветвей драконово дерево может получать из них необходимую влагу и передавать ее вниз по стволу.

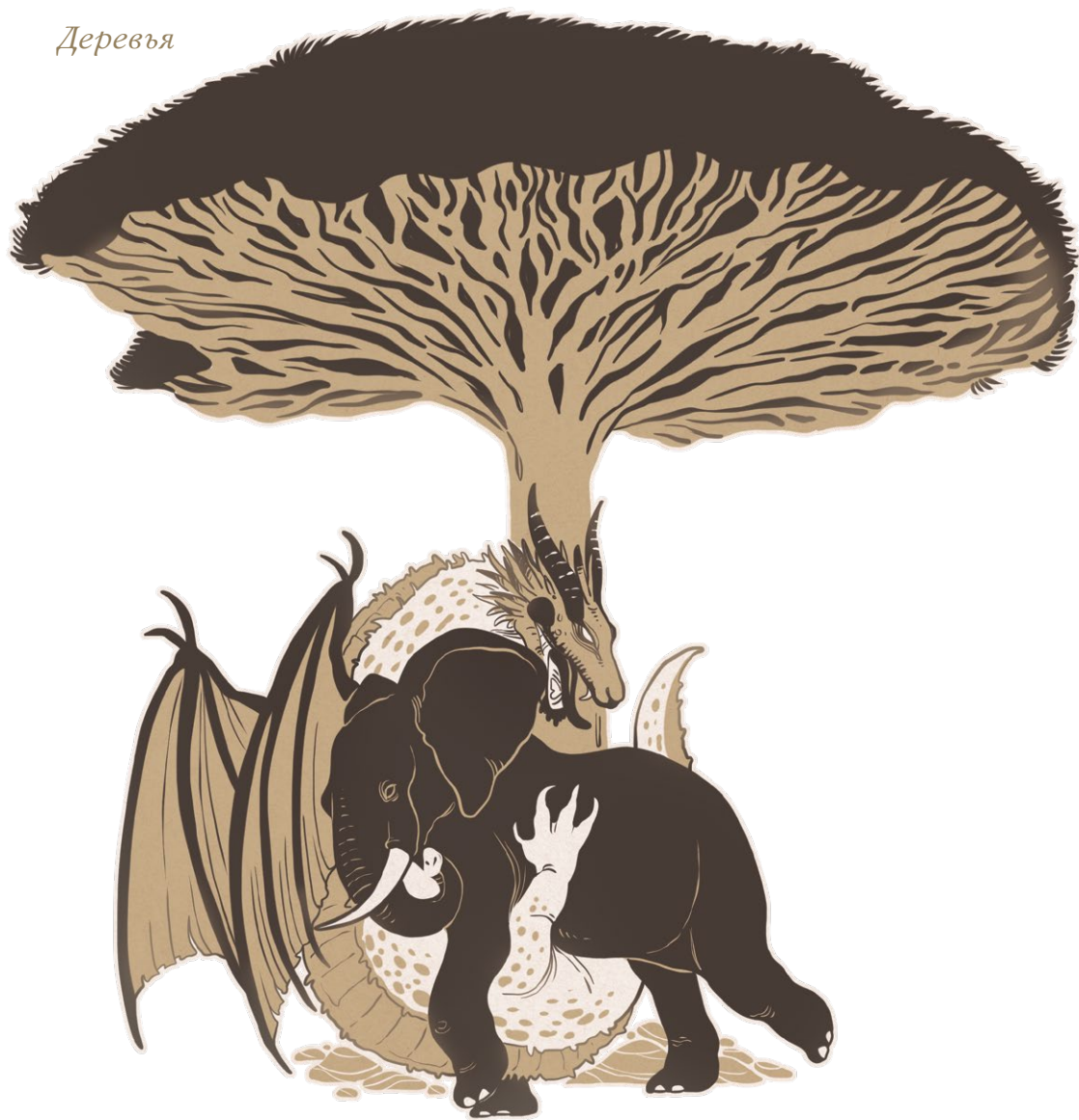
Броское название этого растения, овеянное волшебством, связано с древней легендой коренных жителей архипелага.

Согласно ей, давным-давно на острове обитал гигантский дракон. Однажды чудовищная рептилия затеяла поединок со слоном. Обуянные неистовой яростью, противники бились не на жизнь, а на смерть и нанесли друг другу множество кровавых ран.

Никто не знает, чем закончилась битва, однако с уверенностью можно сказать, что с тех пор ни одного дракона на Сокотре не видели. Говорят, что из крови, оросившей землю, появились ростки, которые под воздействием магической силы дракона превратились в гигантские деревья. Так их и прозвали драконовыми деревьями, или деревьями из драконьей крови.

Происхождение этой истории, очевидно, связано с ярко-красным цветом смолы драконова дерева. Коренные жители острова использовали это вещество в большинстве ритуалов и традиционных заговоров, чтобы обрести магическую силу, которую древесный сок, согласно легенде, таил в себе.

Помимо приписываемых ей магических свойств, смола драконова дерева обладает также лечебными свойствами: ее использовали как зубную пасту и при лечении ревматизма. Кроме того, она оказалась превосходным

материалом для многих изделий и применялась в качестве лака, помады и клея для керамических предметов. Когда остальной мир открыл для себя затерянный архипелаг Сокотра, многие умельцы стали использовать «кровь дракона» в своем ремесле.

Французские скрипичные мастера оценили цвет и стойкость лака, получаемого из смолы, и использовали ее для покраски струнных инструментов. К сожалению, драконовы деревья очень чувствительны к погоде, и изменения климата серьезным образом сокращают их численность, что в будущем может привести к их полному исчезновению.

Береза

Духовное сияние

Глядя на «низкую» березу, высота которой редко достигает и тридцати метров, и на ее хрупкие и podatливые ветви, кажется странным, что кто-то воспринимал ее как космическое древо, удерживающее мир.

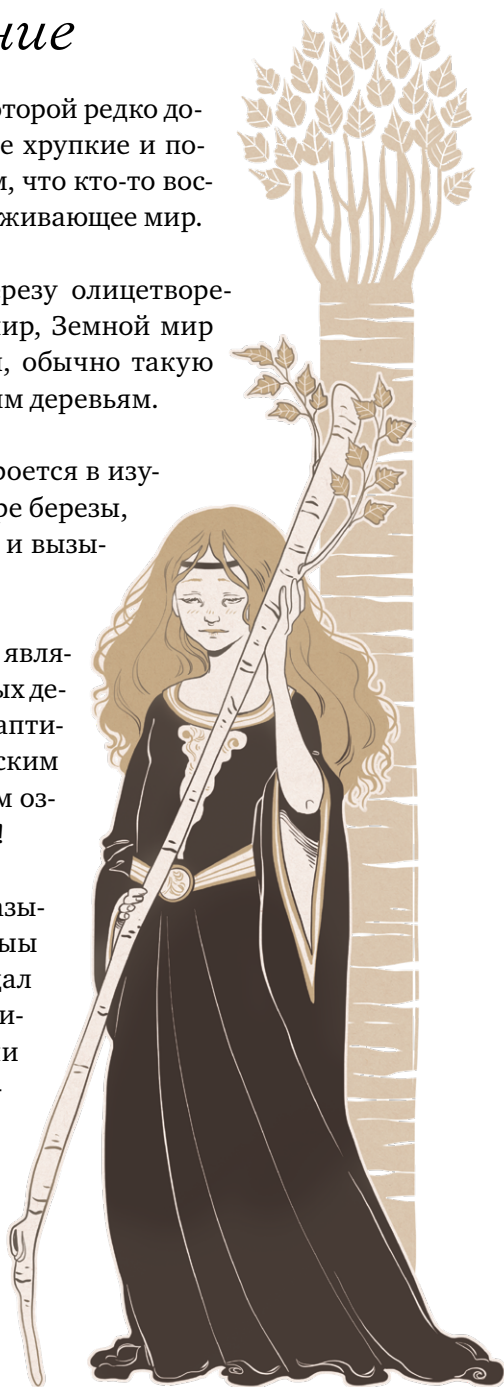
Однако сибирские шаманы считали березу олицетворением моста, соединяющего Небесный мир, Земной мир и Подземный мир, хотя, как мы видели, обычно такую роль отдавали куда более величественным деревьям.

Причина этого символизма, вероятно, кроется в изумительной белизне и почти неземной ауре березы, которые делают ее облик таинственным и вызывают уважение.

Более того, несмотря на хрупкость, береза является одним из самых древних и выносливых деревьев в мире, она с легкостью смогла адаптироваться к самым разным климатическим условиям. Не всегда быть самым большим означает быть самым мудрым или могучим!

Шаманы с северо-востока России рассказывали, что когда великий бог Юрюнг Айы Тойон, верховный властитель мира, создал первого шамана, то поставил в его жилище березовое дерево с восьмью длинными ветвями, на которые, в свою очередь, положил восемь гнезд. В этих гнездах затем появятся на свет и окрепнут восемь детей Творца, что символизировало связь земного и божественного миров.

Шорские шаманы употребляли сушеные мухоморы, обладающие сильными галлюциногенными свойствами,

а затем отправлялись к березе и проводили в трансе около нее многие часы, вызывая божественных духов и души умерших. В частности, у бурятов будущий шаман должен был пройти следующий обряд инициации: ему требовалось свалить березу и установить ее ствол внутри своей юрты. После этого старый шаман проводил ритуал очищения дерева, вырезая на нем сакральные символы. Затем будущий шаман заходил внутрь и начинал медитировать, чтобы вызвать духов.

У славян береза использовалась как символ возрождения в народных и религиозных весенних праздниках, поскольку она зацветала одной из первых после зимы. Весной по традиции посреди сельской площади устанавливали огромный березовый столб, вокруг которого целый день водили хороводы. Ночью же дерево сжигали, а оставшиеся от него угли разбрасывали по земле. Этот обряд повторялся раз в год, чтобы изгнать русалок — духов прудов и озер. По легенде, когда лед сходил с водоемов, эти сверхъестественные создания выходили в белых одеяниях на сушу и подкарауливали в березовых рощах случайных путников. Горемыки, которые поддавались русальим чарам, становились их пленниками и умирали.

Если мы отправимся дальше на запад, то и там обнаружим любопытную и разнообразную символику, которая окружает это дерево. В древнем руническом алфавите футарке, наиболее распространенном у викингов, каждая руна ассоциируется с каким-то словом: так, восемнадцатой руной в нем является В — Berkana, или береза. По представлениям скандинавов, это дерево было крепко связано с женственностью и родами. Так же, как и буква В внешне имеет отдаленное сходство с фигурой беременной женщины. Береза олицетворяла женскую трицу древнескандинавского пантеона, сочетая в себе свежесть Фрейи, самой прекрасной богини Асгарда, мудрость и опыт Фригги, супруги Одина, и мрачность Хель — дочери Локи и владычицы подземного мира.

Как и на славянских землях, в Европе береза символизировала скорый приход весны. Кельты посвящали дерево Бригите — богине света, вдохновения и очищения. Богиню изображали с березовым посохом, которым она возвращала мир к жизни после зимы. Поэтому в Ирландии был обычай прогонять веточками березы дух уходящего года из своих домов. Обычным делом был и настой из березового сока, которым отмечали приход теплого времени года.

Невозможно оставаться равнодушным к великолепию березовой рощи. Глядя на утопающие в лучах света белоснежные стволы, легко представить, какой магической силой обладает это с виду хрупкое дерево.

Грибы

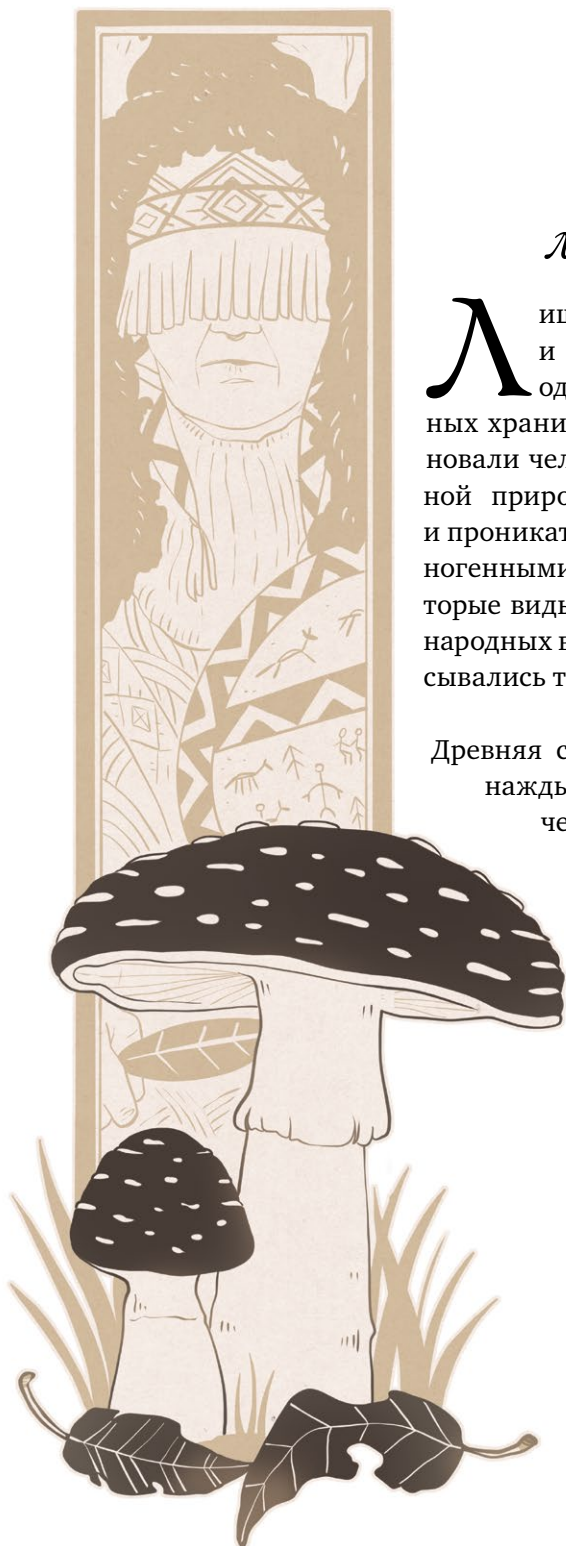
Мистические обитатели лесного покрова

Лишенные хлорофилла, корней, листьев и семян, грибы, без сомнения, являются одними из самых странных и невероятных хранителей леса! С древних времен они волновали человеческое воображение своей загадочной природой, способностью распространяться и проникать везде и всюду, ядовитыми и галлюциногенными свойствами, которыми обладают некоторые виды. Все это превратило грибы в объекты народных верований и легенд, где им часто приписывались темные и сверхъестественные силы.

Древняя скандинавская легенда гласит, что однажды могучий конь Одина Слейпнир, измученный сумасшедшей скачкой, изрыгнул наземь кровавую пену. Попадая в почву, слюна скакуна дала начало грибам багряного цвета.

Можно предположить, что речь шла о красных мухоморах — грибах, которые, пожалуй, больше других окружены ореолом таинственности: нередко им приписывают магические свойства из-за их сильного галлюциногенного воздействия.

Ацтеки и майя называли галлюциногенные грибы *teonanácatl*, что означало «плоть бога»: и по сей день они считаются священными из-за своих наркотических свойств и используются шаманами во время спиритических ритуалов.

Для коренных сибирских народов мухоморы тоже были священными грибами, которые использовали во время церемоний и праздников, а также чтобы погружаться в транс во время лечебных практик, контактировать с душами умерших и толковать сновидения. Первоначально это было исключительное право шаманов, но впоследствии из-за ослабления их власти и угасания шаманизма взаимодействовать с галлюциногенными грибами стали и другие члены племени.

Коренные жители Сибири обнаружили, что моча людей, которые съели мухоморы, тоже обладала психоактивными свойствами, и создали безумный обычай пить собственную или чужую мочу после поедания этих грибов, чтобы продлить их воздействие.

В бретонских легендах встречается поверье, что грибы растут и распространяются из-за дьявола, который в облике жабы скачет по лесу и отдыхает на них во время остановок. Кстати, в Великобритании демон иногда изображался в виде жабы, восседающей на мухоморе как на троне.

В Древнем Риме грибы, хоть и ценились высоко в кулинарии, считались в первую очередь символом смерти. Существует немало историй, как мифических, так и реальных, которые связаны с их зловещей символикой.

Рассказывают, к примеру, что император Клавдий так любил грибы, что, собственно, и умер из-за них: его супруга Агриппина, которая знала о кулинарных пристрастиях мужа, отравила его ядовитыми грибами, чтобы посадить вместо него на трон своего сына от первого брака, Нерона.

Согласно католической легенде, грибы появились из крошек, оброненных на землю Христом и Святым Петром, когда они шли через лес и делили друг с другом две краюхи хлеба. Одна из них была светлая и дала начало съедобным грибам, вторая — темная, от нее и пошли грибы ядовитые.

Некоторые грибы из-за их странной и вызывающей формы носят колоритные фольклорные названия. Например, индейцам мапуче из чилийского Сантьяго и другим народам грибы *Xylaria polymorpha* более известны как «пальцы мертвеца», поскольку своим внешним видом они напоминают фаланги, торчащие из земли.

Канун Иванова дня, 23 июня, у некоторых северных народов ассоциировался не только с ведьмами, но и с грибом «масло тролля», способным указать на троллей поблизости. В Швеции в эту ночь разжигали костры из деревьев девяти разных пород и кидали в них «масло тролля», чтобы остановить злых духов, бродивших по земле.

Встречались поверья, что в грибах скрываются души умерших. Сибирский народ орочи верил, что усопшие воскресают в виде грибов на луне. В мифологии индейского племени сапотеков — что грибы появляются в том месте, куда упала звезда или ударила молния.

Ведьмины круги

На протяжении тысячелетий считалось, что неожиданное появление круга из грибов указывает на присутствие магических сил. Предполагалось, что такие круги возникают по ночам и перемещаются из одного места в другое без каких-либо причин.

О грибных кругах существует множество легенд, однако большинство из них повествует о феях, эльфах и прочих крошечных фольклорных созданиях, танцующих внутри колец, которые считались порталами между нашим миром и волшебной страной.

Деревья

Гэльские легенды рассказывают о людях, которые забредали в ведьмовские круги после того, как слышали доносившуюся из них музыку. Околдованные мелодией, они танцевали там без усталости или попадали в Страну фей, где не испытывали больше ни жажды, ни голода. В волшебной стране они могли танцевать годами, считая, что прошло всего несколько дней, а когда возвращались, падали, окаменев, на землю, если не успевали тут же что-нибудь съесть.

На шотландском острове Скай бытует верование, что если войти в ведьмин круг, то станешь невидимым для тех, кто находится снаружи. В Йорке, напротив, считают, что увидеть фей можно, только если obeжать круг изнутри определенное число раз, обычно три или девять.

Люди часто сторонятся ведьминых кругов. Еще в конце XIX столетия жители английского Шропшира остерегались хоронить умерших в тех местах, где появлялись круги из грибов. А в Уэльсе верили, что любого, кто отважится вступить в такое кольцо, будут преследовать неудачи.

Часть вторая
*Обитатели
лесных земель*

Волки

Дикая сущность

Серый, загадочный и довольно устрашающий, волк — весьма распространенный по всему миру зверь, которого любят и порой ненавидят. Со временем он приобрел славу вечно голодного и опасного хищника, и его архетипический образ представляет дикую и неукротимую сторону природы, которая постоянно угрожает человеку. В действительности в естественной среде волк редко без причины нападает на людей, если не брать в расчет такие исключения, как жеводанский зверь* и итальянский зверь из Кузаго (о нем мы подробнее поговорим чуть позже).

Несмотря на то что подобные случаи редки, во многих сказках волк — злой персонаж, который воплощает в себе все черты безжалостного и кровавого убийцы.

Всем, конечно, хорошо известна сказка о Красной Шапочке в той версии, что изложена братьями Гримм. Однако немногие знают, что первым эту народную сказку записал француз Шарль Перро, который как минимум на столетие опередил немецких собирателей фольклора.

В его *Le Petit Chaperon Rouge* нет никакого счастливого финала, а волк — что не слишком завуалировано автором — приходит изнасиловать несчастную Красную Шапочку. В морализаторской части своей истории писатель советует девочкам, особенно миловидным и красивым, никогда не доверять словам незнакомцев, потому что за пленительными речами доброжелательных юношей может скрываться волчья суть.

Итак, волк становится метафорой той жестокости, что скрыта в человеческой натуре и беззвучно притаилась в обществе. Образ, который за много столетий до этого уже присутствовал в разных традициях по всему миру. Одним из первых мифических ликантропов был, конечно, Ликаон, властитель греческой Аркадии — региона Центрального Пелопоннеса. В «Метаморфозах» Овидия рассказывается, как Зевс превратил его в волка за крайнюю жестокость.

* Волк-людоед, нападавший на людей на севере французского графства Жеводан в 1764–1767 годах и убитый серебряной пулей. *Прим. науч. ред.*

Спустя столетия у скандинавских правителей ценились как элитные войска воинов-ульфхеднары. Эти бойцы облачались в волчьи шкуры на голое тело и употребляли перед битвой галлюциногенные грибы, чтобы войти в транс, благодаря чему не испытывали никакого страха. Ульфхеднары любили сражаться стаями. Можно предположить, что именно такой тип языческих военных практик, который был впоследствии демонизирован христианством, привел к растущей популярности историй о волках-оборотнях в Средние века. Например, архиепископ Олав Магнус рассказывал о волках-оборотнях, нападавших на дома людей.

Позже образы ликантропов и волколаков вобрали в себя различные черты и других монстров, например вампиров, и утратили свой первоначальный вид.

Волк предстает не только свирепым убийцей, но и существом, которое очень тесно связано со своей стаей и семьей. «Сила волка находится в его стае, а сила стаи — в волке», — говорит Редьярд Киплинг, автор «Книги джунглей», истории о младенце Маугли, подобранном и воспитанном волчьей семьей. Этот персонаж не единственный пример доброжелательности волков. Так, вспомним и о Ромуле и Реме, которых вскормила волчица.

Более того, лучший друг человека — собака — происходит именно от волка. Ей, верному товарищу, не важны ни социальное положение, ни род занятий хозяина. В прошлом именно собак использовали как защиту от тех же волков. Например, ирландских волкодавов, среди которых, без сомнений, выделяется легендарный Гелерт. О нем я расскажу вам вскоре.

Возможно, волк не так уж и отличается от человека. И не исключено, что именно по этой причине мы так сильно его и боимся.

Волки-оборотни и ликантропы

Дикий волк сам по себе может быть опасным зверем, и страшно представить, что произойдет, если к его природным инстинктам добавить еще и коварство человеческой натуры. Люди, способные превращаться в волков (одни благодаря магическим способностям, другие из-за божественного наказания), встречаются в многочисленных легендах и рассказах по всему миру.

Эти существа чаще всего делятся на две отдельные категории:

1. Волки-оборотни — это люди, на которых наложено ужасное проклятие, из-за чего они каждое полнолуние превращаются в волков и испытывают непреодолимую жажду крови.

2. Ликантропы — это существа, способные по своему желанию принимать облик волка или человека. Часто ликантропы обладают непомерным коварством и жестокостью убийцы.

В Средние века фиксировали целые эпидемии ликантропии, которые распространялись от поселения к поселению и заканчивались резким вмешательством инквизиции и казнями на кострах.

Ликантропы и оборотни описываются как огромные, невероятно сильные волки, куда более опасные, нежели обычные звери. Распознать их в человеческом обличье непросто. Самыми общими признаками являются: слишком густые брови, налитые кровью глаза, необычайно вытянутые клыки, указательный палец более длинный, чем средний, и особый аппетит к сырому мясу.

Помимо сверхъестественной силы эти существа обладали еще и бессмертием. Считалось, что защититься от них помогает только серебряное оружие, и лучше бы оно было благословлено священником.

Для этого отлично подходит меч, но сразить оборотня можно и на расстоянии серебряными стрелами или пулями. Отдельные растения тоже считаются отличным средством против оборотней, особенно аконит, который по-английски так и называется wolfsbane («волчий яд»).

В древности считалось, что превратиться в ликантропа можно с помощью языческих ритуалов, однако со временем куда популярнее стала версия, что ликантропия передается через укус, примерно как в случае с зомби.

Но иногда волками-оборотнями становились куда более загадочным и зловещим образом, нежели из-за «простого» заражения. Например, странный случай произошел в 1685 году в немецком Ансбахе, небольшом поселении южнее Нюрнберга, где волк разорвал на куски нескольких местных жителей. Тут же распространился слух, что жуткие убийства совершил не обычный волк, а оборотень, в чем никто не сомневался: как раз незадолго до происшествий скончался Михаэль Лейхт, бургомистр Ансбаха (в те времена эта должность была чем-то средним между мэром и коронованным правителем), которого местные жители ненавидели за то, что он годами тиранил их и обманывал. Поговаривали, что жестокий наместник в действительности избежал смерти, а его душа вселилась в тело волка.

Местные охотники соорудили так называемый колодец для волков (по-немецки Wolfsgrube) — ловушку для диких зверей, которая представляла собой замаскированную ветками и соломой яму с каменными стенами, глубиной около трех-четырех метров. На дно такой западни кидали

свежее мясо или чаще всего привязывали живую приманку, например овцу, поросенка или гуся. Волк, учуяв запах добычи, крутился вокруг соломённого настила до тех пор, пока не падал в колодезь, где оказывался в ловушке. В тот раз в качестве приманки использовали петуха.

Волк провалился в яму и был убит охотниками. Однако по-настоящему зловещие события произошли после этого. С мертвого животного содрали шкуру и надели на него мужской наряд, а на морду натянули деревянную маску с париком. Затем тушу протащили через все селение, а после вздернули на виселице на вершине холма. С тех пор в Ансбахе больше никто не встречал никаких оборотней.

Волки-оборотни очень популярны в массовой культуре и часто встречаются в современных фэнтези-произведениях. В «Гарри Поттере» те, кто был укушен оборотнем в зверином обличье, заражались ликантропией и превращался в волка каждое полнолуние. Если же оборотень кусал кого-то, будучи в человеческом обличье, укушенный начинал испытывать лишь отдельные звериные инстинкты, например непреодолимую страсть к сырому мясу.

Иногда образ волков-оборотней вдохновлял авторов на создание собственных фантастических существ. Например, Акира Торияма для своей знаменитейшей манги «Жемчуг дракона» (Dragon Ball) придумал расу сайянов, которые во время полнолуния могли превращаться не в волков, а в огромных обезьян.

Волчьи шкуры

Отрывок из «Саги о Вёльсунгах»

Давным-давно на землях Гунналанда высился величественный и прекрасный дворец. Внутри него находился самый роскошный зал, о котором только можно было мечтать. В центре зала рос пышный дуб Брансток. Этот великолепный дворец принадлежал конунгу Вёльсунгу, сильному и достойному мужу, потомку конунга Рерира и самого Одина. Вёльсунг женился на Хльод, которая родила ему одиннадцать детей, в том числе и двух близнецов: красивейшую и хитроумную Сигни и Сигмунда — могучего и мужественного воина, равного по силе своему отцу, а то и превосходящего его.

Шли годы, дети Вёльсунга выросли, и слава о красоте Сигни росла вместе с ней. Так что однажды у ворот королевского дворца появился претендент на ее руку.

Звали его Сиггейр, и был он конунгом Готланда и великим завоевателем. Был этот муж сильным и хитрым и казался идеальной парой для Сигни, и все, начиная с Вёльсунга и Сигмунда, с воодушевлением приняли его предложение о женитьбе. Все, кроме самой Сигни, но ее мысли и чувства никого не волновали.

По случаю помолвки устроили пышный праздник. Пир шел горой, столы ломились от яств, а пиво и мед текли рекой, так что гости опьянели настолько, что заснули мертвецким сном. В этот самый момент из угла поднялся старец, который целый праздник сидел в стороне от всех, и направился к дубу, росшему в центре зала.

Голова старца была покрыта широким черным капюшоном, на лице его росла пышная длинная борода, а правый глаз закрывала повязка. С гулким хохотом, который разнесся по всему дворцу, старик обнажил свой меч и с силой вонзил его в дуб Брансток, после чего превратился в ворона и, взмахнув крыльями, унесся прочь из дворца.

Когда утренние лучи солнца осветили главный зал, Сигмунд, сын Вёльсунга, проснулся после безмятежного сна. Все вокруг еще спали, и, когда он с хрустом разминал свою шею, пытаясь унять головную боль после попойки, он вдруг заметил меч, торчащий из ствола дуба.

Это был огромный, прекрасно выкованный меч, и Сигмунд не мог вспомнить, чтобы прежде видел его у кого-то из воинов своего отца. Охваченный любопытством, он разбудил остальных, чтобы узнать, кому принадлежит этот дивный клинок, но его хозяин так и не обнаружился.

— Ладно, не вижу причин, почему мы должны оставлять его здесь! — прогудел воин с длинными густыми усами, которого звали Йорик, и схватился за рукоять диковинного меча, чтобы вытащить его из ствола. Однако сколько он ни пытался, ему это так и не удалось.

Остальные воины тоже пытались вытащить по очереди застрявший клинок, и никто не мог сдвинуть его хоть немного. Когда же сам Сиггейр, стряхивая пот с белоснежной бороды, сдался перед зачарованным мечом, дошла наконец-то очередь и до Сигмунда.

Юный воин стиснул зубы и напряг все мускулы, ожидая, что клинок придется тянуть с огромной силой, но неожиданно, едва он прикоснулся к рукояти меча, тот с легкостью выпал из ствола дуба, словно вода, что сочится из расщелины в скале.

На мгновение в зале воцарилось молчание, которое тут же было нарушено радостным гвалтом. Сигмунд поднял меч над головой, и все поняли, что клинок теперь заслуженно принадлежит ему. Только Сиггейр считал успех сына Вёльсунга нечестным: ему было очевидно, что юноша сумел вытащить застрявшее оружие лишь потому, что сделал это после всех остальных. Сиггейр отвел юного воина в сторону и сделал ему предложение: «Взамен этого меча я готов дать тебе золота в три раза больше, чем он весит!»

— Ну уж нет! — усмехнулся в ответ Сигмунд, опьяненный победой. — Ты не купишь золотом то, чего не смог добыть честью, конунг Сиггейр!

Эти слова так сильно задели самолюбие Сиггейра, что он поклялся отомстить Вёльсунгу и его наглым детям. С такими черными мыслями он сел на свой корабль вместе с невестой и вернулся в Готланд.

Прошло несколько месяцев, жизнь текла своим чередом, но однажды в земли Гунналанда явился посланник Сиггейра, который сообщил, что его правитель объявил о своей свадьбе с Сигни и приглашает конунга Вёльсунга со всеми его детьми в Готланд, где он с радостью оплатит им за все, что они предложили ему в прошлую встречу.

Предвкушая изобильное пиршество, Вёльсунг с детьми скоро отправились в путь, однако им было неизвестно, что Сиггейр на самом деле вовсе не собирался устраивать для них праздник: вместо яств и питья правитель Готланда приготовил острые клинки, чтобы, как он считал, свершить справедливую месть. По счастью, Сигни узнала о коварных планах жениха и направилась в порт, чтобы предупредить отца и братьев, которые должны были приплыть туда на своих кораблях.

Когда Вёльсунг с сыновьями прибыли на место, Сигни бросилась им навстречу и рассказала о намерениях Сиггейра, умоляя родных поскорее отплыть обратно.

Однако конунг Вёльсунг поднял голову к небесам и со смехом произнес: «Да услышат мои слова все девять миров. Еще до своего первого вдоха я дал себе зарок, что никогда и ничего не испугаюсь: ни пламени, ни лезвия меча, — и ни за что не отступлю перед лицом опасности. Так я поступал всегда, вплоть до сегодняшнего дня. Возможно, я уже стар, дочь моя, и свою жизнь мне следовало бы ценить больше, чем славу, но я не хочу, чтобы распространилась весть, что мои сыновья убежали в страхе перед лицом смерти. В ста битвах сразился я за свою жизнь, и в ста из них я одержал победу. Так что, говорю тебе, мы храбро выступим и сегодня и не убоимся смерти, даже если она нам суждена».

Сигни поняла, что решение отца не изменить, потому что Вёльсунг был воином с твердыми принципами, готовый умереть с честью.

Вскоре последовала жестокая сеча. И хотя соратники Вёльсунга в десять раз уступали своей численностью армии Сиггейра, каждый из воинов короля Гунналанда бился, не щадя ни себя, ни врагов, так что каждый из них восседает теперь в Вальгалле вместе с Одним.

Когда и сам Вёльсунг достойно пал смертью храбрых, от его немалой дружины осталось лишь десять его сыновей.

— Он мой! — ухмыльнулся Сиггейр, пытаясь вырвать меч из ножен Сигмунда. В ответ юноша плюнул в лицо правителю Готланда. Оскорбленный Сиггейр немедленно приказал казнить строптивца, но едва его приказ попытались исполнить, как появилась Сигни, которая обратилась к жениху: «Муж мой, не предавай их легкой смерти на поле битвы. Давай еще немного развлечемся, прежде чем убивать их...»

— Должно быть, ты безумна, раз увещаешь меня предать твоих братьев мучительной смерти, — со вздохом ответил Сиггейр, однако не согласиться с новоявленной супругой он не мог: сыны Вёльсунга заслуживали еще немного страданий.

Так, десятерых пленных воинов привели в лес. Там их привязали к деревьям, и каждую ночь приходила волчица и раздирала на части одного из несчастных братьев, а другие слушали, как она грызет кости убитого.

Девять ночей приходила волчица, и девять братьев Сигмунда были безжалостно растерзаны ею. Наконец наступила десятая ночь, а с ней пришел и черед младшего сына Вёльсунга. Волчица подошла к нему и приблизила свою страшную морду к его лицу. Тогда Сигмунд вонзился зубами в ее язык и с силой вырвал его из пасти. Затем он вцепился мертвой хваткой в тело волчицы и, утянутый ею, освободился от пут. После этого Сигмунд голыми руками сразился со зверем: обычный человек не продержался бы и пяти минут, но сын Вёльсунга вышел из схватки победителем, проломив волчице голову. После чего скрылся в лесу.

Шли годы, и Сигни тайно замышляла отомстить мужу, когда узнала, что Сигмунд не погиб и теперь живет в лесу по соседству с королевским дворцом.

Она решила, что наконец-то пришел час воздать Сиггейру по заслугам. Конечно, осуществить задуманное только вдвоем с братом не получится, и им понадобятся союзники. Сначала она подумала про своих детей, рожденных от Сиггейра, но те были слабыми и робкими, недостойными зваться внуками конунга Вёльсунга. Кроме того, Сигни сомневалась, что они готовы убить своего отца.

Тогда Сигни обратилась за помощью к юной заклинательнице Вёльве: «Великая волшебница, могла бы ты создать иллюзию и дать мне твой облик?»

Вёльва улыбнулась и кивнула в ответ. Затем она произнесла магическое заклинание и превратила Сигни в себя, а сама обернулась королевой Готланда. В таком обличье дочь Вёльсунга пришла к брату и попросила разрешения остаться с ним на ужин.

За беседой и шутками они разделили вкусную трапезу. После ужина Сигмунд, не догадываясь, что перед ним его сестра, предложил ей возлечь с ним, на что Сигни ответила согласием.

От их связи родился мальчик Синфьетли, который, когда ему исполнилось тринадцать лет, был в десять раз доблестнее всех сыновей Сиггейра. В нем текла истинная кровь Вёльсунгов, и никто не мог бы остановить его. Когда он достаточно повзрослел, Сигни отправила его к Сигмунду, чтобы тот сделал из него настоящего воина. При этом ни тот ни другой не знали, что на самом деле приходится друг другу отцом и сыном.

Синфьетли был ловким юношей. Он рос, испытывая особенную ненависть к Сиггейру, которого считал своим отцом, и очень сильно любил мать. Та всегда заботилась о нем больше, чем о его сводных братьях, так что он не колеблясь согласился на ее просьбу отправиться к Сигмунду. Каждую ночь Синфьетли с настоящим отцом, вооруженные мечами и щитами, нападали на отдельные отряды Сиггейра и уничтожали их целиком, наводя панику среди воинства. Однажды в лесу они наткнулись на чью-то хижину. Пол в ней был запачкан кровью, а посередине лежали две истерзанные волчьи туши.

— Что будем делать? — спросил Синфьетли у отца.

— А чего ты хочешь? Снимем шкуры и завернемся в них, раз снаружи стоит такой холод, — отвечал Сигмунд.

Так они и поступили: содрали с мертвых волков шкуры, сделали из них накидки и облачились в них. Но едва они надели их на себя, как почувствовали, что по их спинам пробежал холодок. С беспокойством отец с сыном переглянулись и вдруг заметили, как с их внешностью начали происходить изменения: глаза пожелтели, клыки вытянулись, а волчья шерсть намертво приросла к их собственной коже. Спустя мгновение они превратились в самых настоящих волков.

Отец с сыном обнюхали и признали друг друга. Несмотря на звериный облик, они по-прежнему могли общаться, а вой и рык в их собственных ушах звучали как вполне понятные фразы и слова. Немного времени потребовалось им, чтобы привыкнуть к своему новому обличку, и уже скоро они ощутили, как ими овладевает голод: им требовалось отведать крови.

— Когда наткнешься на отряд, — пролаял Сигмунд, — завой так громко, как только сможешь, и я немедленно примчусь к тебе на помощь.

Синфьетли кивнул, и они разбежались в разные стороны. Мчаться по лесу с волчьей скоростью и ощущать мощь и ловкость своих четырех лап, пока

свежий бодрящий ветер ласкает густой мех, было по-настоящему упоительно.

Наконец Синфьетли обнаружил лагерь воинов. Он громко завыл, и через мгновение Сигмунд оказался рядом.словно яростный порыв ветра, они так стремительно и неотвратно вцепились в глотки врагов, что несчастные даже не успели их толком и разглядеть.

Спустя несколько минут все солдаты лежали, растерзанные, на земле вокруг. Синфьетли чувствовал, как слюна наполняет его пасть. Ему хотелось еще и еще новой крови. И, ничего не сказав другу, он снова кинулся в чащу. Его глаза безумно сверкали в поисках врагов, и когда Синфьетли наконец-то обнаружил еще один лагерь, то уже собрался было радостно завывать... Но сдержался. Ему не хотелось, чтобы Сигмунд отнял у него добычу.

В этом лагере было куда больше воинов, чем в предыдущем, но Синфьетли это не волновало. Горячая кровь солдат лилась по лесной траве так же мощно, как и адреналин по его венам. Когда последний солдат был убит, Синфьетли, мокрый от пота, зашелся в радостном вое. Тут же из зарослей выпрыгнул Сигмунд.

— Я же сказал, чтобы ты меня предупредил! — бешено прорычал он. — Впредь не смей больше нарушать мои приказы!

— Почему? — недовольно спросил Синфьетли. — Ты разве не видишь, что я только что сделал? Нет в мире существа, которое способно одолеть меня. Так зачем мне следовать твоим глупым приказам, старик? Юнец еще не успел закончить фразу, как Сигмунд бросился на него. Они бились с такой яростью, что на этом фоне битва между двумя воинствами могла показаться сущим пустяком. Огонь ярости и спеси распалял Синфьетли, однако у его отца было нечто большее — опыт, которого юному воину еще не хватало.

Обманным прыжком Сигмунд отступил в сторону и тут же вонзил клыки в шею Синфьетли. Молодой волк пошатнулся: из его горла хлестала кровь, которая смешивалась с кровью растерзанных солдат, и спустя мгновение он без чувств распластался на земле. В молчании Сигмунд смотрел на тело Синфьетли, а затем отвернулся от него. Юноша не подчинился ему и не заслужил жалости и снисхождения. Он как был, так и остался змеенышем из выводка Сиггейра.

— Отец... — простонал Синфьетли, собрав остатки сил. И нет такого отца, который бы не узнал своего сына, просящего о помощи.

Внезапно вся правда открылась Сигмунду: вот почему тогда давно та молодая ведунья возлегла с ним, вот почему Синфьетли так внешне на него похож. Не издав ни звука, он взвалил тело сына себе на спину и отнес его в свое жилище. Там день за днем Сигмунд выхаживал его, хотя оба еще оставались в волчьих обличьях. Отец находил лечебные травы, срывал их зубами, пережевывал и затем со всей нежностью прикладывал к ранам сына.

Прошло больше недели, прежде чем Синфьетли открыл глаза. И однажды, на рассвете, молодой волк снова поднялся на ноги, полностью выздоровев. Молча отец с сыном поглядели друг на друга, а затем обнялись, осознав, что снова вернулись в человеческое обличье. Они вкусили опьяняющую и дикую ярость волка и едва не стали зависимы от нее, однако сумели ее укротить и запрятать внутрь себя.

Кроме того, Сигмунд, прежде считавший себя уже закаленным в боях и опытным воином, в облике волка прошел в тот день свой обряд инициации, потому что человек, который не умеет контролировать собственную ярость, всего лишь обезумевший зверь.

Вместе Сигмунд и Синфьетли отправились к замку Сиггейра, и даже бог Тор не смог бы их остановить. Тайком они проникли внутрь и вступили в бой со стражей. Много крови пролилось в ту ночь, и немало воинов отправилось в Вальгаллу к Вёльсунгу, который, без сомнений, с наслаждением наблюдал за решительностью своих наследников, творящих месть.

В главных покоях замка еще спали, поскольку все происходило глубокой ночью. Только Сигни бодрствовала, ибо годами она ждала, когда свершится возмездие. Меч Одина, того самого длиннородого одноглазого старца, который вонзил его когда-то в дуб во дворце Вёльсунга, сверкал в темноте, словно серп луны в беззвездную ночь, в ножнах убийцы отца Сигмунда.

— Просыпайся, король Сиггейр! — загремел Сигмунд, забирая себе клинок.

Сиггейр тут же очнулся и, едва взглянув в лицо сына Вёльсунга, понял, что пришел его конец. Тем временем Синфьетли схватил факел и кинул его на грудь покрывал, отчего вспыхнуло пламя, которое вскоре охватило

весь дворец. Юноша собирался увести мать, но Сигни вцепилась в руку ненавистного мужа и неподвижно сидела возле него.

— Всю свою жизнь я потратила на то, чтобы добиться твоей смерти, муж мой, — произнесла она спокойным голосом, — и вот наконец-то моя месть свершится. Думаю, что будет правильным умереть вместе с тобой. Никогда я не была верна тебе, но сейчас, в самый мрачный час, я хочу остаться возле тебя.

Сиггейр печально улыбнулся и обнял жену, а огонь тем временем охватил покои. Так была отмщена смерть короля Вёльсунга.

О том, что случилось после, рассказано во многих историях. Сигмунд вернулся в родные земли и стал могучим и мудрым королем, победив в бесчисленных битвах. В жены он взял деву Боргхильду, которая родила ему двух доблестных сыновей, достойных рода короля Вёльсунга. Синфьетли продолжил идти по пути воина и стал одним из самых прославленных полководцев, каких только знали северные земли.

Несмотря на все последующие приключения, ни Сигмунд, ни Синфьетли никогда не забывали о тех днях, когда они стали единым целым со своей дикой природой, и о том, как сумели ее усмирить.

История о конунге Вёльсунге и его потомках взята из «Саги о Вёльсунгах» — легендарной саги, изложенной в прозе неизвестным исландским автором. Из этого эпоса происходит немецкая поэма, которую композитор Рихард Вагнер успешно адаптировал в музыкальную драму из четырех частей — «Кольцо Нибелунгов», где появляются знаменитые персонажи, такие как герой Зигфрид, валькирия Брюнхильда и дракон Фафнир. Частью этого произведения стала и знаменитейшая композиция «Полет валькирий».

Многие архетипические образы и сюжеты, представленные в оригинальной истории о Вёльсунгах, позже использовались при создании мифов о короле Артуре, в которых присутствуют, например, меч в камне, очевидно напоминающий меч Сигмунда, и появление на свет рыцаря Мордредра от кровосмесительной связи короля Артура с собственной сестрой Морганой.

Волкодав по имени Гелерт

Рассказывают, что много-много лет назад, когда Британия еще была населена доблестными полководцами и волшебными созданиями, жил в ней храбрец Лливелин, снискавший славу одного из лучших охотников во всем Уэльсе. Лливелин был не просто охотником, а правителем королевства Гвинедд и большим другом Джона Безземельного — короля Англии.

Именно английский король и подарил Лливелину в награду за службу и дружбу Гелерта. Но кем был этот Гелерт? Речь шла об охотничьем псе, или, вернее, лучшем охотничьем псе, который когда-либо жил в зеленых землях Британии! На британских островах не было недостатка в ирландских борзых, способных загонять волков, но Гелерт превосходил их всех и мощью, и сообразительностью, и решительностью. Все его тело покрывала густая шерсть, серая, как облако в отблесках полной луны, она придавала ему одновременно величественный и дикий внешний вид. Что уж говорить о его глазах: они были исполнены нежности и дружелюбия, когда Гелерт бродил по замку в поисках внимания и ласки. Но едва пробивал час охоты, они превращались в раскаленные угли, мечущие искры в поисках несчастной жертвы, которую преследовал хозяин. Но не важно, мчался ли он по лесу за волками или ждал заслуженные сочные куски мяса в королевском дворце, в глазах Гелерта всегда можно было увидеть одно и то же чувство — преданность.

Однажды Лливелин охотился со своей сворой псов, но, вопреки обыкновению, без Гелерта. На самом деле с того момента, когда у правителя Гвинедда появился на свет сын Давид, верный пес послушно сидел рядом с детской колыбелью и никогда от нее не отходил. Конечно, пес Гелерт не умел разговаривать, но он умел выразить свои желания и намерения не хуже некоторых людей — так король сразу понял, что его верный друг хочет охранять покой новорожденного первенца. Лучшего стража для своего ребенка Лливелин не смог бы найти, однако именно в тот день что-то беспокоило его мысли.

Когда король оставлял Давида в колыбельке в саду под присмотром служанки, он заметил нечто странное во взгляде Гелерта. Было что-то пугаю-

щее в его глазах, настолько, что впервые в жизни Лливелин почувствовал необъяснимую тревогу по отношению к своему верному псу. В надежде избавиться от этого неприятного чувства король устремился в лес на охоту. К слову, в те дни ходили слухи, что вокруг замка бродит огромный страшный волк, который наводит ужас на местных жителей. Вот Лливелин, чья жажда славы обычно превышала страх, и вознамерился убить дикого зверя, чтобы волчья голова стала трофеем в честь рождения сына. После бесчисленных ложных следов и бесплодных поисков король Гвинедда так и не подобрался к зверю, а солнце тем временем уже достигло зенита. Прославленный охотник стер пот со лба и понял, что теперь чувствует себя еще более встревоженным и подавленным, чем при отъезде из дома. Поэтому он позвал всех собак и направился обратно в замок, ясный и величественный силуэт которого вырисовывался за ветвями деревьев.

Едва Лливелин достиг своих покоев, как услышал знакомый лай Гелерта. Мгновение спустя он увидел, как огромный пес бежит к нему навстречу. Это было необычно, поскольку тот никогда не отходил так далеко от маленького Давида. И тут разум Лливелина охватил ужас, поскольку он заметил, что с клыков пса сочится алая кровь. В безумии король устремился в сад, лихорадочно разыскивая сына.

Вся земля во дворе, как и зубы Гелерта, была в крови, там же лежало растерзанное тело служанки, на чьей шее зияли страшные раны. В беспокойном воображении короля вновь и вновь возникала окровавленная пасть Гелерта, и он в отчаянии заглянул в колыбельку. Она была пуста. Дрожащей рукой Лливелин провел по одеяльцу, которое еще несколько часов назад сжимал его ненаглядный Давид: теперь оно лежало смятое и окрашенное все в тот же нестерпимо алый цвет, что преследовал его с момента возвращения в замок. Почему же он не доверился своей интуиции? Почему не отдал Гелерта от сына, когда сердце советовало ему сделать это? Лливелин услышал, как по каменному полу двора стучат когти его пса, и тут же обернулся, очнувшись от своих горестных раздумий. Гелерт был рядом и, глубоко и размеренно дыша, спокойно смотрел на хозяина, словно ничего и не произошло.

Возможно, пес просто обезумел и потерял голову оттого, что столько времени сидел без движения у колыбели, и его охотничий инстинкт взял верх над преданностью. Было ошибкой назначать его стражем ребенка, думал Лливелин, доставая из ножен меч. Каким бы верным ни был Гелерт, он все равно оставался зверем. В последний раз король утонул в глазах своего лучшего охотничьего пса. И все-таки собака, которая не подчиняется,

должна быть наказана. Разум Лливелина охватила ярость, и он вонзил клинок в сердце пса.

Гелерт взвыл, но не сдвинулся с места. Он оставался преданным королю даже сейчас: никогда бы он не возмутился решением своего хозяина и всегда был рядом с ним, даже если это означало его собственную гибель. Пока умирающий пес хрипло скулил, иной звук достиг ушей удивленного Лливелина — звонкий, пронзительный и родной плач ребенка. Его ребенка!

Король вскочил на ноги и, ведомый детским криком, словно ищейка, идущая по следу, углубился в сад, где остановился перед кустом, спрятанным в тени деревьев. Там, среди зеленых ветвей, он обнаружил плачущего Давида, который был цел и невредим. Лливелин поднял его и крепко прижал к себе, мысленно прощая, как младенец оказался здесь. А затем он увидел его.

Огромного и ужасного, словно целое воинство, готовое к битве, с шерстью черно-серого цвета, будто дым от горящего поселения, и клыками, длинными как охотничьи ножи. Лливелин уже собирался было достать меч из ножен, как вдруг понял, что огромный волк мертв. На гор-

ле зверя зияла смертельная рана, которую, без всяких сомнений, нанесли ему крепкие клыки ирландского волкодава. Когда король понял, что случилось на самом деле, его пробил озноб, и он тут же метнулся к истекающему кровью Гелерту.

Но было уже слишком поздно. Когда Лливелин подбежал к псу, тот уже испустил дух. Король проклинал свой меч и самого себя. Это волк растерзал служанку и пытался убить его наследника, а не Гелерт! Пес же, наоборот, унес младенца в безопасное место, чтобы после храбро сразиться с диким зверем, которого в итоге смертельно ранил и тем самым спас дитя. Еще раз волкодав продемонстрировал Лливелину всю свою преданность, а тот... тот убил его.

Король нежно гладил безжизненное тело Гелерта, оплакивая своего самого верного друга, и в этот момент почувствовал, что его собственная душа умерла. С тех пор никто во всем Уэльсе ни разу не видел улыбки на лице Лливелина.

В память о верном Гелерте король воздвиг склеп на месте слияния двух рек — Гласлин и Колвин, вокруг которого возникла деревня, известная и по сей день под названием Беддгелерт, то есть «Могила Гелерта». В жизни самого Лливелина после было много других охотничьих псов, некоторые из них были смыслеными, другие быстрыми, но ни один из них не смог сравниться своей преданностью и сообразительностью с Гелертом-Волкодавом.

Это любопытно

Хотя и нет неопровержимых доказательств того, что эта история правдива, но сами персонажи — Лливелин, его сын Давид и пес Гелерт — реально существовали. Лливелин был значимым для истории Уэльса правителем, другом, а затем врагом английского короля Джона Безземельного, а Давид, первенец Лливелина, женился на королевской дочери.

Гелерт же действительно был ирландским волкодавом, или по-английски wolfhound.

Эта порода была известна еще в 300 году до н. э. кельтским народам, которые использовали псов для охоты на волков или крупных животных, например на оленей и ланей, а также в военных сражениях. В Средневековье волкодавы всегда ассоциировались с аристократией, так что даже существовал закон, запрещающий простолюдинам их разводить: этим правом обладала только знать. Могила Гелерта действительно можно найти в валлийском городке Беддгелерт, и если вы окажетесь там, то вспомните об этом бесстрашном и преданном псе!

Зверь из Кузаго

Пятого июля 1792 года в Кузаго, в окрестностях Милана, десятилетний мальчишка Джузеппе Антонио Гауденцио, сын местного пастуха, отправился искать заблудившуюся корову, и с тех пор живым его больше не видели. На следующий день было найдено его обезображенное тело, а рядом с ним паслась целая и невредимая корова, которую, по всей вероятности, мальчик все-таки сумел отыскать.

Спустя несколько дней после этого происшествия на троих мальчишек, которые пасли овец в районе Лимбиате, внезапно напал огромный страшный зверь. Они стремглав понеслись прочь и чудом спаслись на верхушке дерева, где и ждали, пока зверь не уйдет. Однако когда они спустились на землю, тот оказался рядом и разорвал на куски самого младшего мальчика по имени Карло. К счастью, крестьяне, которые находились поблизости, услышали детские вопли и, примчавшись на помощь, обратили неведомое существо в бегство. Вновь зверь проигнорировал скот и предпочел напасть на детей, тем самым выказав свой явный интерес к человеческой крови.

В последующие месяцы загадочный волк убил еще нескольких детей и подростков, став ужасом миланских лесов. Некоторые люди поговаривали, что нападения совершает не обычный волк, а очень опасный экзотический зверь — гиена! Об этом заговорили неслучайно: в те дни в Милан приехал цирк некоего Бартоломео Каппеллини, где публике демонстрировали несколько гиен, сидящих в клетке. Одна из них неожиданно исчезла из цирка, но хозяин продолжал всех уверять, что зверь просто умер от недуга и уже покоится в земле. Несмотря на все оправдания, когда количество смертельных нападений увеличилось, Каппеллини поспешил сняться с места и уехать в регион Венето, где вскоре его следы и затерялись.

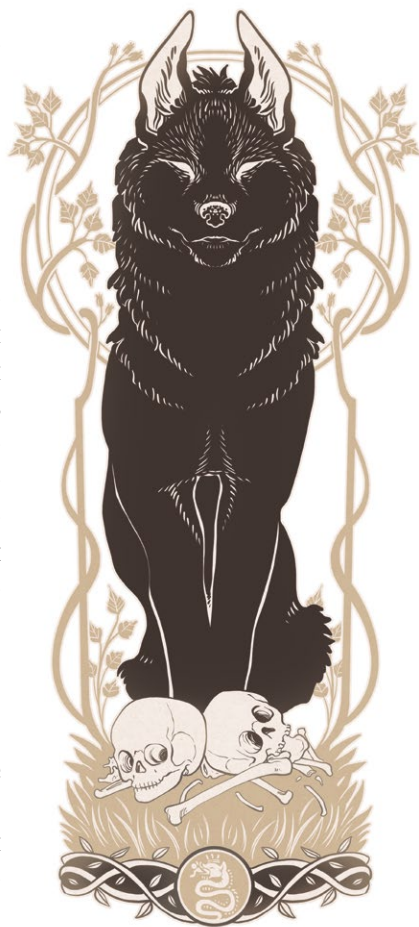
Тем временем население окрестностей Милана охватила настоящая паника, а за голову убитого зверя была назначена награда порядка ста пятидесяти золотых монет. Крестьяне и профессиональные охотники собрали несколько отрядов, чтобы отыскать опасного зверя, но каждый раз, когда его замечали, от страха мужчины не могли либо нажать на спусковой крючок, либо попасть в цель.

Из-за этого некоторые местные жители стали верить, что зверь был не кем иным, как настоящим демоном, посланным в качестве предзнаменования бедствий и обладающим страшной колдовской силой.

Хотя официальные лица продолжали считать, что речь идет о волке, на опознавательных листовках изображали морду ужасной голодной гиены. Однажды два священника придумали план, как изловить демона, чтобы доказать факт колдовства. Для этого вырыли множество ям, рядом с которыми в качестве приманки привязали домашний скот. Завидев добычу, зверь жадно бросился на нее и провалился в одну из ловушек, где в итоге его насмерть забили камнями местные жители.

Когда труп зверя достали из ямы, все увидели, что это огромная волчица со стертыми клыками, чье тело было испещрено шрамами. Некоторые сначала с сомнением восприняли известие, что пойманный хищник и был тем самым Зверем из Кузаго, наводившим ужас на всю округу. Однако когда нападения на людей прекратились, даже самым ярым скептикам пришлось согласиться. Тело волчицы изучили, забальзамировали и годами выставляли в университете Павии. Однако уже давно оно загадочным образом пропало из университетских стен, и неизвестно, где находится сейчас. Хотя в те времена ученые определили пойманного зверя как волчицу, ее истинная природа до сих пор остается предметом споров.

Кажется маловероятным, что на самом деле это была гиена: они не бывают настолько крупными и чаще всего питаются падалью. Учитывая, что такие размеры нетипичны и для итальянских волков, наиболее близкой к правде выглядит версия, что каким-то загадочным образом в окрестностях Милана появилась североευропейская волчица. Возможно, холодные зимы заставили хищницу охотиться на детей и подростков, поскольку их было легче поймать, нежели овец и коров, что и объясняет ее необычное людоедское поведение. Или причина не только в этом?

Фенрир

Ужас богов

В обычный день, не отличимый от множества других, Локи бесцельно бродил по миру великанов. За последнее время чего он только не натерпелся: жизнь в Асгарде была для него чередой постоянных насмешек и косых взглядов со стороны остальных богов, что, конечно же, не слишком его радовало. «Будто это моя вина», — размышлял Локи наедине с собой и усмехался, поскольку отлично знал, что это была именно его вина.

В таких размышлениях он брел по бесконечным землям великанов, пока его внимание неожиданно не привлекла возвышавшаяся над пустошью огромная груда золы и угольев, на верхушке которой покоилось огромное сердце лилового цвета. То было сердце злой великанши Ангрбоды. Как оно оказалось на этой куче угля, оставалось загадкой для Локи, однако, учитывая, что сам он уже весьма проголодался, а найденное сердце еще слабо пульсировало, бог-изгнанник проглотил его за раз. В тот же миг Локи почувствовал, как к нему возвращаются силы, а его щеки наливаются румянцем. Однако чуть погодя его живот начал расти без остановки, пока бог не исторг из себя трех монстров.

Когда вóроны донесли Одину о случившемся, тот не особо удивился: он уже привык к безумным выходкам Локи, которого не стоило недооценивать. Что на самом деле его беспокоило, так это непосредственно чудовищное потомство Локи: Один не был в восторге от того, что порождения коварного бога будут свободно перемещаться по всем девяти мирам и везде сеять ужас и разрушение. Поэтому он созвал самых достойных богов и, назначив военачальниками своих сыновей Тора и Тюра, отправил их в Йотунхейм, чтобы пленить потомство Локи. Бесстрашный отряд богов спустился в мир монстров и не без труда схватил и привел трех чудовищ, закованных в цепи, в Асгард к трону Одина.

Первого из детей Локи звали Йормунганд. Это был самый огромный змей, которого Один когда-либо видел. Чудовище продолжало расти, так что Тору то и дело приходилось ослаблять цепи, чтобы монстр их не порвал. Извивавшееся кольцами тело Йормунганда было мощным как корни дуба, а из пасти его стекала мерзкая лиловая слюна, такая ядовитая, что прожигала полы Асгарда.

Второе дитя было девочкой. С правой стороны она выглядела как прелестная девчушка с длинными светлыми волосами и алыми губами, а слева — как отвратительный разлагающийся труп. Таким образом, она была наполовину живой, а наполовину мертвой. Третье дитя Локи напоминало самого настоящего волка с серым мехом и янтарными глазами, а единственным его отличием от обычного зверя было то, что он очень хорошо разговаривал на человеческом языке. В первую очередь Один занялся Йормунгандом, который своим все ускоряющимся ростом пугал его больше остальных.

— Тор, возьми этого змея и скинь его в море Мидгарда. Будем надеяться, что оттуда он больше никогда не покажется на свет, — приказал Отец богов, и Тор подчинился.

Боги видели, как змей погружался в морскую пучину, но продолжал при этом удлиняться: за короткое время он вырос так сильно, что смог обвить собой, как живым кольцом, целый мир, ухватив себя за кончик хвоста. С того самого дня Йормунганд был прозван Змеем Мидгарда. Затем наступила очередь девочки. Прежде чем вынести свой приговор, Один решил задать ей несколько вопросов.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил он ее.

— Я отзываюсь на имя Хель, Отец всего сущего, — отвечала она.

Ее правый глаз мерцал волшебным изумрудным цветом, как у Локи, тогда как раздутый белесый левый глаз прогнил почти насквозь.

— Кто ты такая, девочка? Женщина или мертвец? — снова спросил Один.

— Полагаю, я — это я, не более и не менее того, Отец всего сущего. Надеюсь, что это вас не беспокоит, — отозвалось дитя Локи.

Один криво усмехнулся: девочка была умна и воспитанна, в отличие от собственного отца, но верховный бог знал, что полностью доверять ей нельзя.

— Нарекаю тебя Хель, королевой мертвых, — наконец произнес Один. — Ты будешь править подземным миром Хельхеймом, а души усопших, которые там находятся, станут твоими подданными.

Девочка с воодушевлением поблагодарила Одина и, пока другие боги сопровождали ее в подземное царство, продолжала улыбаться, словно

получила в награду наилучший подарок, о котором только могла мечтать. Перед тронем Одина остался лишь говорящий волк, который отзывался на имя Фенрир. В Асгард он попал волчонком, но так же, как и его брат-змея, быстро вырос и всего за несколько дней стал большим и крепким взрослым волком. Все боги боялись его. Все, кроме Тюра.

Тюр и Фенрир стали большими друзьями. Бог приносил волку сырое мясо, и вместе они играючи боролись на лугах Асгарда, пока силы не оставляли их. Фенрир был лучшим другом, который когда-либо был у Тюра, и вдвоем они могли болтать часами напролет. Однако чем больше времени проходило, тем огромное и страшнее становился Фенрир. И когда волк стал размером с целый дом, Один, который никогда не упускал его из виду, приказал позвать Тюра и других обитателей Асгарда.

— Я посоветовался с рунами, — прогремел голос Отца богов, — и выяснил, что Фенрир несет смертельную угрозу всем нам. Поэтому мы должны заранее обезопасить себя от него.

— Отец, — возразил Тюр, — Фенрир умен и добр, он ни за что не восстанет против нас.

— Напомнить тебе, чей он сын? — отвечал Один. — Именно то, что он умен, и беспокоит меня. Когда Фенрир станет таким мощным, что одной лапой сметет Асгард, тогда мы будем в огромной опасности.

Тюр воздел руку, чтобы возразить, но тут же опустил ее. Его отец, как всегда, был прав.

— У Фенрира есть слабое место, — наконец произнес Тюр, — его непросто обмануть, однако он никогда не откажется от состязания. Давайте предложим ему следующее: пусть он попробует выбраться из клетки, которую невозможно разрушить? Он точно согласится, и мы заточим его в ней.

Узнав об этой слабости Фенрира, боги долго обсуждали, что же делать, и в итоге решили пленить волка. В горнилах Асгарда разожгли огонь и выковали такую тяжелую и крепкую цепь, которую даже Тор разорвал бы с огромным трудом. Один нарек ее Лединг. Удовлетворенные результатом, боги отправились на поиски зверя.

— Здравствуй, Фенрир, — произнес Один, когда они его нашли, — ты и на самом деле очень вырос, и, как мы знаем, твоя сила тоже растет

Обитатели лесных земель

с каждым днем. Поэтому мы хотели бы предложить тебе поединок!

— Что за поединок? — ответил волк, польщенный комплиментами.

— Тюр утверждает, что ты способен разнести в щепки любые путы, вот мы и сковали цепь, которую даже сами не можем разорвать, — продолжил Один, — сомневаюсь, что и тебе это по силам!

С дикой улыбкой Фенрир взглянул на цепь и проговорил: «Тут и делать нечего! Свяжите меня!» Тор с Тюром тщательно связали волка.

— Посмотри-ка на меня! — гордо прошептал Фенрир, как только Тюр к нему приблизился.

Но бог не улыбался, как обычно, во время их игр. Один взмахнул копьем, дав начало поединку. Волк сжал пасть, напряг все мышцы, а затем выпрямился. Нужно ли говорить, что цепь мигом разлетелась на тысячу кусочков? Фенрир победно завыл, а затем мрачно посмотрел на Одина: «Я разорвал ваши путы и выиграл поединок. Смотрите, не забудьте об этом».

— Мы не забудем об этом, Фенрир. Мы не забудем, — только и пробормотал Отец богов.

На следующий день Тюр был печальнее прежнего. Он принес волку груды мяса, но совсем не хотел играть с ним.

— Ты видел, с какой легкостью я освободился? — спросил Фенрир, пытаюсь понять, почему его лучший друг имел такой поникший вид.

— Ага, ты был превосходен! — ответил молодой бог.

— Я смог бы разорвать любую цепь! Если у них только хватит мужества снова меня испытать... — воскликнул волк.

Тюр вздохнул и ласково погладил Фенрира по морде.

— У них хватит, мой хороший Фенрир, — произнес бог и добавил: — я поставил бы на это свою правую руку.

И действительно, пока Тюр разговаривал в лесу с Фенриром, в кузнях Асгарда ковали новую цепь, еще более крепкую, чем Лединг. Каждое кольцо в ней весило как обломок скалы, и никто из богов, даже Тор, не смог растянуть и разорвать ее. Днями напролет ковалась эта цепь. Наконец она была готова, и Один нарек ее Дроми. Фенрир дремал на поляне, когда Один вновь предстал перед ним вместе с другими богами.

— Что вам еще нужно? — фыркнул Фенрир.

— Восхитись ею, — отвечал Один, показывая волку новую цепь. — Это самая крепкая цепь из всех, какие видел мир. Даже сильнейший из нас не разорвет ее, а самый могучий из великанов не сможет ее и поцарапать, ибо она крепка как гора. Даже ты не сумеешь высвободиться из этих пут. Фенрир внимательно осмотрел цепь: она выглядела по-настоящему огромной и мощной, но спесь взяла над ним верх.

— Великой будет твоя слава, если тебе это удастся, — продолжил Один, видя, что волк все еще сомневается, — тебя признают сильнейшим существом всех девяти миров, о тебе будут говорить повсюду, и никто не осмелится сомневаться в твоей мощи.

— Согласен! Думаю, я смогу разорвать ее! — ответил на это Фенрир.

И снова боги заковали его в цепь.

Фенрир напрягал свои мускулы, распрямлялся и бросался из стороны в сторону, но Дроми, казалось, не поддавалась. Тор посмотрел на Одина: на лице Отца богов промелькнула улыбка, и остальные боги были уже

готовы облегченно выдохнуть. Волк взглянул на Тюра, который печально качал головой, и тоже принялся трясти своей головой, словно желая вызвать землетрясение. Фенрир так сильно сжал зубы, что от них полетели искры, и, издав яростный рев, порвал цепь на тысячу кусков. Задыхаясь, волк жадно глотал воздух, но при этом ликовал как сумасшедший.

Мокрый от пота, он с яростью посмотрел на всех богов, но никто из них не радовался его победе, даже Тюр, все они пребывали в молчаливой задумчивости. Даже Один, верховный бог, тот, кто постиг руны и испил из Мимира — источника мудрости, казалось, не мог вообразить цепь, способную пленить огромного волка. Отец богов понял, что нужно обратиться за помощью к самым опытным кузнецам, не думая о цене. Тогда он отправил за Скирниром — посланником бога Фрейра.

— Иди, Скирнир, — сказал ему Один, — пересеки Биврёст, доберись до Свартальвхейма и поговори там с лучшими гномами-кузнецами, каких только найдешь. Попроси их сковать цепь, которую нельзя будет разорвать. Какую бы цену они ни запросили взамен, заплати им и принеси мне эту цепь.

Скирнир подчинился — такова была его служба — и отправился в мир гномов. Хотя гномы и относились к богам без особой симпатии, но работа есть работа: выслушав Скирнира, они запросили по-настоящему огромную плату, которую тот без лишних споров им отдал.

Так была выкована цепь Глейпнир, которая внешне казалась всего лишь тонкой золотой струной — изумительной ручной работой гномов, но даже самое сильное создание всех девяти миров не смогло бы ее разорвать. Создана она была из шести различных материалов: шума кошачьих шагов, женской бороды, корней скалы, медвежьих сухожилий, дыхания рыбы и птичьего молока. И если все эти ингредиенты кажутся вам абсурдными и невероятными, это нормально, поскольку с того самого дня, когда они были залиты в цепь, они навсегда исчезли из нашего мира. Когда Фенрир увидел Глейпнир, он не сдержал смеха.

— Вы что, совсем спятили? — фыркнул волк. — Я разорвал цепь, которая могла бы удержать скалу, а теперь вы хотите сковать меня этой золотистой ленточкой, которая только и годится, чтобы связывать пряди волос?

— Неужели ты боишься, Фенрир? — усмехнулся Тор, поглаживая свои усы.

— Следи за своими словами, асгардец! — огрызнулся волк. — Я уже дважды доказал, что сильнее любого из вас, этого разве мало, чтобы перестать шутить со мной?

— Тогда почему ты не попробуешь еще раз, великий волк? — спокойным голосом произнес Один, пытаясь утихомирить страсти.

— Потому что я не доверяю тебе! Все в Асгарде знают, как ты хорош в обмане! — ответил на это Фенрир.

— Мы не хотим тебя обмануть, Фенрир, — парировал Один, — если ты не сможешь сам высвободиться из этой ленточки, мы тут же развяжем тебя, так что не беспокойся на этот счет.

— Здесь воняет колдовством, и у меня есть предчувствие, что вы не собираетесь меня освободить, если я не порву эту ленту... Но поединок есть поединок, и я не желаю, чтобы кто-то говорил, что Фенрир испугался! — заявил волк.

— Ты сделал правильный выбор, — заключил Один.

— Не празднуй победу раньше времени, Отец сущего, — произнес Фенрир, — я не доверяю вам и хочу гарантии.

— Мы слушаем тебя, — отвечал Один.

— Один из вас положит мне в пасть свою правую руку. Я зажму ее клыками, не поранив. Если я не смогу разорвать ленту и вы не захотите освободить меня, то я откушу руку, — выдвинул свое предложение Фенрир. — Итак, кто из вас согласится на это?

Боги озирались друг на друга, присвистывали и в сомнениях почесывали бороды: разумеется, никто не хотел добровольно предлагать себя, потому что все хорошо знали, какой конец ожидает руку в этом случае.

— Я, — раздался наконец чей-то голос.

Взглядом, полным горечи, Фенрир посмотрел на толпу, чтобы увидеть, что именно Тюр сделал шаг вперед. Бог положил запястье в зубастую пасть волка, и зверь тут же замкнул ее с такой осторожностью, что на руке Тюра не появилось ни единого отиска. Затем остальные боги связали

Фенрира, и, когда все было готово, Один взметнул вверх свое копьё. Тогда Фенрир со всей силой напряг свои мускулы, затем зарычал и выпрямился, однако чем сильнее он пытался высвободиться, тем крепче Глейпнир стягивала его тело, врезаясь в шерсть и плоть.

Вначале боги молча и с осторожностью взирали на происходящее, не испытывая никакого воодушевления, но, когда из пасти обессилевшего волка стала капать слюна, несколько издевательских смешков пробежало по толпе. Затем отдельные насмешки превратились в хихиканье, пока наконец все боги не принялись хохотать от удовольствия, видя, что зверь по-прежнему не может высвободиться из пут. Фенрир взглянул на Тюра, который стоял с безутешным видом, поскольку прекрасно знал, что боги вовсе не собирались освободить волка.

— Как было сказано, так пусть и будет сделано, — прошептал другу Тюр.

Тогда Фенрир сжал свои челюсти и откусил кисть юного бога. Тюр не издал ни крика, ни стона и лишь отшатнулся от волка, обхватив окровавленную культю другой рукой.

— Один! Ты проклятый лжец! — прохрипел Фенрир, с чьей морды капали слезы. — Я хотел быть вам союзником, а вы поступили со мной таким образом, мерзавцы!

Тогда боги привязали другой конец Глейпнир к скале, навсегда обездвижив волка. Все это время Фенрир продолжал свою горестную речь: «Вы вынудили меня покалечить моего единственного друга, и за это я вам отомщу. Помни об этом, старик, мои клыки будут последним, что разглядит твое трусливое око! Ты можешь попробовать остановить меня, но ты не сможешь остановить Судьбу!»

Устав от тирад волка, Тор раскрыл волчью пасть мечом и вбил свой клинок в небо Фенрира. После боги покинули волка, оставив его в одиночестве с разверзнутой во всю ширь пастью. Из крови и слюны, которая непрерывным потоком текла изо рта Фенрира, образовалась целая река под названием Ван. Фенрир останется у той скалы до тех самых пор, пока не пробьет час Рагнарёка — время заката богов. Однако это будет уже совсем другая история.

Лисы

Мистическая плутовка

Старая народная пословица гласит: «Лис гордится тремя вещами: ухом, которое слышит кротов под землей, хвостом, которому нет равных, и хитростью, с помощью которой он обманет любое животное». Она очень хорошо описывает особенности этого удивительного животного, которое является героем сказок, басен, легенд и... самой ужасной напастью для куриц!

Действительно, лиса — один из самых хитрых и предприимчивых зверей в природе. Удивительная способность адаптироваться к любой среде — от леса до сельской местности и даже к городу — делает ее весьма заметным и распространенным представителем животного мира, хотя она и ведет преимущественно ночной образ жизни. Это грациозный и симпатичный зверь среднего размера, который относится к семейству псовых. У нее тонкая удлинённая морда, прямые заостренные уши, как правило, черные с внешней стороны. Ее лапы короткие, но ловкие и пружинистые. Заметной особенностью лисы является ее густой и пышный мех, цвет которого меняется в зависимости от времени года.

Из-за своей крадущейся и путаной манеры передвигаться, а также из-за ущерба, который она причиняет крестьянам, лиса часто ассоциировалась с хитростью и обманом. Древнегреческий автор Эзоп воплощал в образе лисы архетип лукавства, представляя ее плутовкой, но вместе с тем и простачкой и нахалкой. В его баснях, нередко заимствованных из устного фольклора, мы видим, как лиса обманывает других зверей, чтобы утолить голод или просто ради развлечения. Однако часто ее козни оборачиваются против нее же самой, как в истории «Лиса и Журавль». Успех Эзоповых басен сделал образ лисы-плутовки популярным во всем мире, от Северной Европы до Дальнего Востока.

В Японии дух кицунэ, изображаемый в виде лисицы, первоначально был связан с богиней Инари, но в дальнейшем смешался с Эзоповой версией и разделился на два вида: добрых лис, по-прежнему связанных с Инари, и злых лис, обманывающих несчастных людей.

Примером влияния Эзопа на японскую культуру является легенда «Тануки и Кицунэ», которую вы найдете на следующих страницах.

В «Романе о Лисе» (Roman de Renart), сборнике средневековых французских историй, в которых основные персонажи средневекового общества представлены в образах антропоморфных животных, главный персонаж по имени Ренар — это именно лис. Крайне хитрый и болтливый, Ренар представляет собой очень легкомысленного и неоднозначного дворянина, который порой предстает как вершитель правосудия, а иногда как неприятнейший эгоист. Уолт Дисней хотел создать анимационную версию «Романа о Лисе», но в итоге проект трансформировался в знаменитую адаптацию «Робин Гуда», главный герой которой представлен именно в виде антропоморфного лиса.

Из-за своего ночного образа жизни и сладострастного облика лиса вызывает стойкие эротические ассоциации. Достаточно вспомнить, что английское прилагательное foxu («лисий») — эвфемизм слова «сексуальный» (sexy). В китайских рассказах лисы, приняв человеческое обличье, часто вступают в плотские отношения с главным героем. Изначально они делают это, чтобы обмануть его, но в итоге нередко влюбляются сами. Вероятно, императорские писатели использовали такие истории, чтобы выразить разочарование в слишком строгих нравах, присущих обществу той эпохи.

В некоторых культурах лиса считается загадочным и мудрым созданием, которое, в отличие от волка и медведя — слишком мощных и свирепых, является безмолвным посредником между природой и человеком. Такой образ лисы встречается крайне редко, чему виной популярность басен Эзопа. Образ лиса-посредника можно найти преимущественно в культурах некоторых индейских племен доколумбовой эпохи, как в случае с Кваном — серебряным лисом.

У лис есть интересный способ избавляться от блох. Зажав палку в зубах, животное заходит в воду: блохи перепрыгивают с тела на палку, после чего лиса выпускает ее изо рта и тем самым освобождается от назойливых насекомых.

В Белоруссии в честь лисы выпустили монету. На ее поверхности отчеканена рельефная голова животного с глазами из миниатюрных бриллиантов. Номинал монеты — пятьдесят белорусских рублей.

Кицунэ

Кицунэ определенно является одним из самых известных фольклорных существ Японии, а может, и самым известным. В японской мифологии это существо с внешностью лисы, наделенное большим умом и способное жить очень долго, благодаря чему его сверхъестественная сила со временем возрастает.

Лисы — одни из самых древних животных в японском фольклоре, они упоминаются в легендах и историях более чем тысячелетней давности. Их можно разделить на две категории: божественные кицунэ (мёбу) и обычные, или лесные, кицунэ (ногицунэ).

Божественные кицунэ являются посланниками Инари — богини (ками) риса и плодородия, а также сельского хозяйства, промышленности и, собственно, самих лис — и связывают человеческий мир и мир богов. Эти создания стремятся помогать людям и защищать важные для них места от злобных существ и духов. Изображения и статуэтки божественной кицунэ можно найти в синтоистских святилищах, воздвигнутых в честь богини Инари, по всей Японии. Ногицунэ, напротив, постоянно издеваются и подшучивают над людьми, порой строят против них козни. Они также могут завладеть душами живых и таким образом управлять человеком, обманывать и обкрадывать его.

Кицунэ — удивительные существа, которые умеют менять свой облик и обладают большой магической силой. Рассказывают, что чаще всего они превращаются в прекрасных дев, чтобы завлечь юношей, но также они могут принять облик любого человека или предмета.

С каждым столетием своей жизни кицунэ обретает все большую мудрость, и у нее растут все новые хвосты. Примерно к тысячелетнему возрасту хвостов становится девять, а шерсть меняет свой цвет на белый или золотистый. Такая девятихвостая лиса (по-японски

она зовется «кьюби но кицунэ», или просто «кьюби») приобретает магические способности невероятно разрушительной силы. Некоторые легенды рассказывают, что единственный способ убить тысячулетнюю кицунэ — отрезать все ее хвосты.

Кицунэ способны создавать блуждающие шарообразные огни, как правило, красного или оранжевого цвета, которые называются «кицунеби». Волшебные лисы выдыхают их из своей пасти и следуют за ними на очень близком расстоянии, делаясь невидимыми, так что со стороны может казаться, будто по воздуху летит один лишь шар. Кицунэ создают такие огни как в одиночку, так и целой группой, чтобы осветить темные места или коварно привлечь внимание людей.

Существует также понятие кицунэ-цуки, которое обозначает обычное для японского фольклора, но вместе с тем ужасное явление, когда человек становится одержим духом кицунэ. Волшебные лисы могут вселяться в свою жертву и питаться ее жизненной силой.

Излюбленной добычей кицунэ были девушки, и, когда в деревне у кого-то вдруг проявлялись симптомы одержимости, вся семья бедной жертвы считалась проклятой и превращалась в изгоев. Всем членам семейства строжайше запрещалось вступать в брак с кем-либо, кроме членов другой «проклятой» семьи.

Лечением одержимых часто занимались буддийские монахи, владевшие техниками экзорцизма. Однако порой случалось так, что люди в порыве ненависти к «проклятым» жестоко убивали или сжигали несчастных на костре.

Здесь стоит отметить, что все психические заболевания до открытий современной медицины считались не чем иным, как проявлением кицунэ-цуки.

Хули-цзин и кумихо

В Китае кицунэ называют хули-цзин (狐狸精) — это духи, в которых после смерти превращаются обычные лисы. Китайские аналоги кицунэ тоже часто принимают облик молодых женщин с сильной сексуальной энергетикой, чтобы погубить богатых мужчин и даже самих императоров.

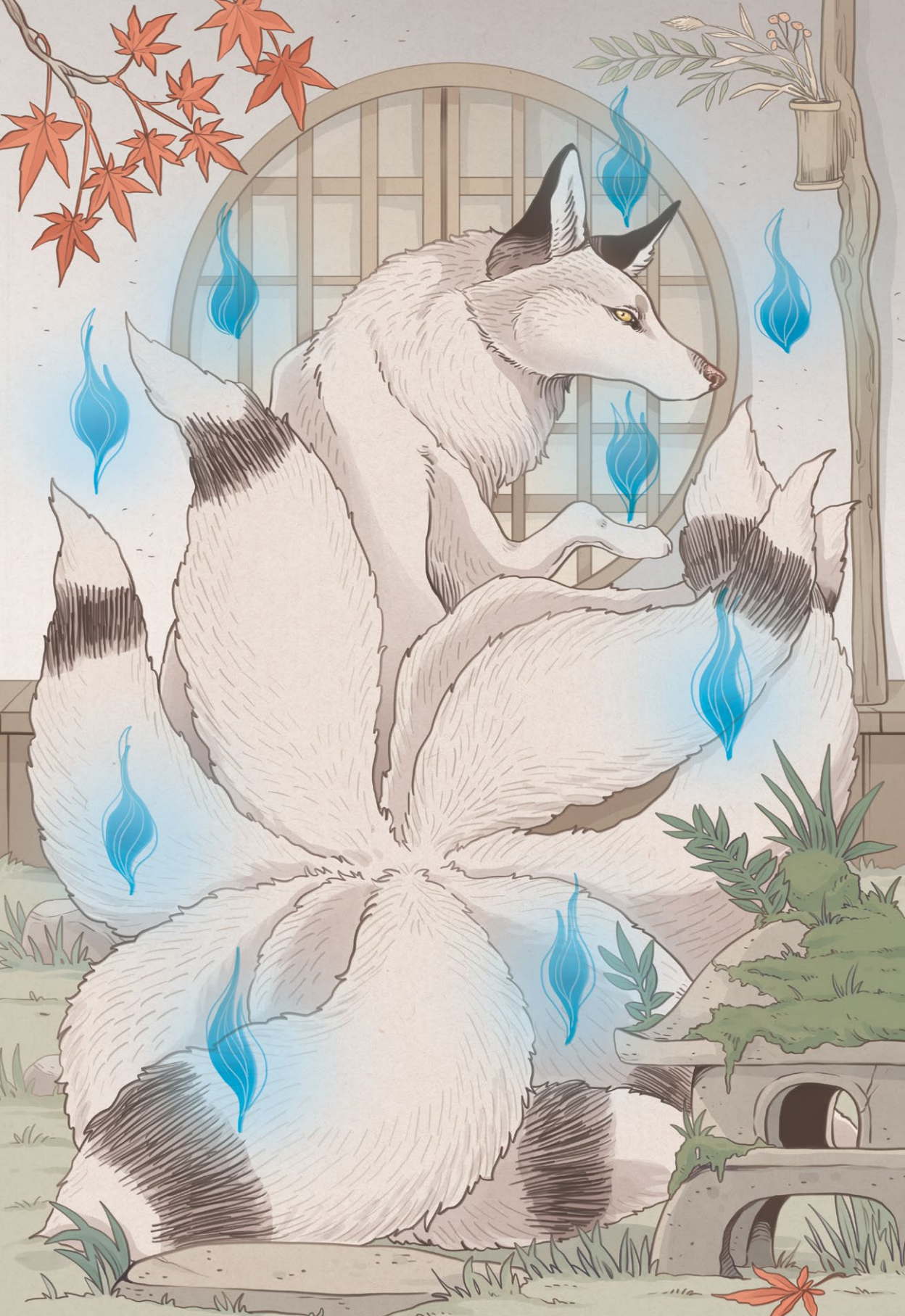
В Корее существуют кумихо, которые, в отличие от кицунэ и хули-цзин, представляют собой крайне зловредных и смертоносных существ. Эти девятихвостые лисы, превращаясь в молоденьких девушек, привлекают юношей, а затем пожирают их сердце и печень. Когда кумихо испытывает неутолимый голод, она может даже разрывать могилы, чтобы съесть останки.

В японской кухне существует блюдо «Кицунэ удон», вариант лапши удон, получивший свое название из-за большого количества жареного тофу (соевого сыра), которое содержится в супе: говорят, кицунэ оценили бы эту еду.

Кицунэ часто встречаются в современных произведениях, таких как манга и аниме. Большое влияние их образ оказал на «Наруто» Масашита Кишимото: в манге важную роль играют так называемые хвостатые звери, звероподобные демоны, обладающие огромной силой, и один из них — это девятихвостый лис, являющийся очевидной интерпретацией мифологического существа. Да и сам главный герой Наруто Узумаки, внутри которого запечатан дух демона-лисы, имеет общие черты с кицунэ: внешность, импульсивный и безрассудный характер, а также способность менять обличье.

В манге «Инуяша» Румико Такахаши одним из главных персонажей является Шиппо, который выглядит как ребенок с лисьим хвостом и способен по своему желанию менять внешний вид.

Тануки

Синтоистский фольклор Японии богат волшебными и умными животными, и кицунэ лишь одно из них. Среди других знаменитых существ Страны восходящего солнца, способных менять свой облик, следует выделить и тануки — иногда доброе, а иногда злое существо. Так называют японскую енотовидную собаку — очень похожее на енота животное, которое принадлежит к семейству псовых и имеет много общего с лисами. Эти звери живут в лесах и горах и являются частью японского фольклора уже больше тысячи лет. Тануки обладают магическими способностями, которые они используют, чтобы превращаться в людей или предметы.

Примечательной их особенностью является огромная мошонка, способная принимать форму чего угодно, причем отдельно от всего тела: барабанов, татами, оружия, парашютов, зонтов, рыболовных сетей и даже целых парусных кораблей! Часто тануки использует эти предметы как дополнение к основной трансформации: например, сам превращается в торговца, а мошонка становится торговыми лотками, а когда он принимает облик музыканта, мошонка выглядит как ударные инструменты. Очень удобно, не так ли?

К тануки, как правило, относятся с огромным уважением, хотя сами они имеют озорной нрав и часто проказничают, превращаясь в чудовищ и крадя дары, принесенные богам. Иногда они целыми столетиями тайно живут среди людей, наслаждаясь их компанией и становясь все мудрее с каждым годом.

В современной Японии тануки часто воспринимают как симпатичное животное. Везде продаются статуэтки и сувениры, посвященные ему.

В анимационной картине «Помпоко» режиссера Исао Такахаты тануки, утратившие магические способности, решают вернуть себе силу, чтобы прогнать людей из своего леса.

Начиная с игры Super Mario Bros. 3, костюм тануки стал постоянным элементом этой серии видеоигр об усатом сантехнике. Благодаря ему главный персонаж может парить в воздухе и поражать своим хвостом врагов.

Тануки и Кицунэ

Давным-давно в Японии, когда деревни еще полнились крестьянами, а самураи с мечами ходили от селения к селению, на берегу одной речушки росла безмятежная пышная роща. Говорили, что в той роще жил старый и мудрый Тануки, поэтому крестьяне, боясь потревожить его, обходили это место стороной. Верите вы или нет, но там действительно обитал Тануки. Как и у многих сородичей, жизнь его когда-то была полна странствий и приключений, однако после многих лет в пути он ощутил сильное желание найти спокойное местечко, где можно встретить старость. Так Тануки и поселился в этом леске, где вел размеренную жизнь отшельника, наполненную приятной рутинной.

Каждый день после пробуждения Тануки умывался в местном источнике, а затем отправлялся к небольшому озеру, где проводил остаток утра в медитациях. Когда солнце начинало жарить, а живот урчать, он шел к придорожной статуе Дзидзо, распуская на земле свой тряпичный узелок и вынимал оттуда рисовые шарики, чтобы пообедать, не забывая при этом оставить щедрое подношение божеству. Остаток дня Тануки часто проводил в медитации и созерцании, а когда над округой поднимался туман, волшебный зверь собирал вещи и отправлялся спать. Долгое время его жизнь протекала подобным образом, и, казалось, ничто не могло нарушить ее спокойный ход.

Однако случилось так, что слух о мудром учителе Тануки, обитавшем в пышном леске, дошел до чутких ушей одной Кицунэ, которая любила бродить в чужом обличье среди людей. Эта Кицунэ действительно умела скрывать свой настоящий облик, и, как часто бывает, ее талант не уступал ее же спеси. Так что она уже долгое время искала себе достойного соперника, чтобы сразиться с ним в искусстве обмана. Итак, Кицунэ превратилась в девушку и, разузнав у крестьян, где живет Тануки, направилась в рощу. Тануки лишь недавно проснулся и готовился к очередному спокойному дню, когда увидел, что с выступа скалы за ним наблюдает Кицунэ.

— Приветствую тебя, Тануки-сан, — поздоровалась с ним Кицунэ и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Не смотри на меня так злобно, я тебе не враг. Я многое слышала о вас... это правда, что вы хороши в искусстве превращений?

— Когда-то давно, возможно... Уже много лет я не занимаюсь этим, — холодно отвечал старый Тануки, пытаясь не обращать внимания на незваную гостью, поскольку в прошлом у него уже были проблемы с несколькими кицунэ, и он знал, что с лисами лучше не иметь никаких дел.

— Эх, а я часто этим занимаюсь, — продолжила Кицунэ, которая совсем не хотела отказываться от поединка, — и считаю, что я очень хороша в искусстве превращений, возможно, вы даже сочтете меня слишком наглой, но я полагаю, что являюсь лучшей в этом деле во всей Японии.

— Рад за вас, — буркнул в ответ Тануки, — а теперь, если вы позволите мне заняться медитацией, я буду вам за это очень благодарен.

— Я вас побеспокоила? — спросила Кицунэ.

— Честно говоря, да. Я придерживаюсь принципа, что в одиночестве мысль более свободна, — ответил Тануки.

— Хорошо, тогда я скоро оставлю вас в покое, но мне хотелось бы, чтобы вы выслушали мою маленькую просьбу, — не унималась Кицунэ.

Тануки снова ей не ответил, так что Кицунэ продолжила свою речь:

— Я ищу соперника для состязания по превращениям и считаю, что вы превосходно справились бы с этой ролью!

На мгновение в роще воцарилась тишина, но уже в следующий миг Тануки разразился чавкающим звучным смехом. Не ожидавшая подобной реакции Кицунэ стояла в замешательстве, и впервые с начала разговора наигранная улыбка на ее морде сменилась недовольной гримасой.

— Поединок! — Тануки продолжал смеяться.

— Не понимаю, что в этом смешного? — сердито выдавила из себя лиса. — Вы, случайно, не ставите под сомнения мои способности?

— Меня ни капельки не волнуют твои способности, — пробасил Тануки, и выражение его морды стало серьезным. — Это вы, молодежь, тратите впустую свое время на состязания и поединки. А теперь вон из моего леса, или я сделаю из твоей шкуры грелку для лап! Вон отсюда!

Оскорбленная и напуганная гневом старика Кицунэ тут же убралась оттуда подобру-поздорову. Несмотря на старость, казалось, что Тануки действительно мог выполнить свои угрозы, так что, наверное, не стоило его беспокоить, размышляла лисица, пока отдалялась от рощи. Однако потихоньку гордость стала брать верх над страхом. «Кем он себя возомнил?» — нашептывала она сама себе. Мысль, что этот старикашка заставил ее бежать, поджав хвост, с каждым новым шагом раздражала Кицунэ все сильнее и сильнее. И когда роща Тануки уже почти скрылась за горизонтом, лисица решила, что не спустит этого старому еноту.

Тем временем Тануки наконец-то успокоился и смог умыться, после чего, достав немножко рисовых шариковых из кладовой, продолжил свой день как обычно. Когда наступил час обеда, старик пришел к Дзидзо, достал еду и, положив один рисовый шарик в чашу около статуи, опустил голову, чтобы прочитать короткую молитву. Когда же он поднял взгляд, то с удивлением обнаружил, что шарик уже пропал. Крайне редко духи проявляли себя так быстро, поэтому Тануки подумал, что он просто-напросто что-то напутал и забыл положить подношение. Так что он достал еще один шарик, положил его в чашу и снова принялся молиться. И опять, подняв голову, он обнаружил, что угощение исчезло. И хотя Тануки, как любой уважающий себя мудрец, порой и сомневался в собственных ощущениях, он, конечно же, не был глупцом, а потому заподозрил, что его кто-то дурачит. Он снова положил рисовый шарик, но на этот раз, едва опустив голову, тут же резко поднял ее.

Тануки хорошо разглядел, как статуя Дзидзо превратилась в Кицунэ, которая одним махом заглотила угощение.

— Это ты! — взорвался Тануки.

— Собственной персоной! — усмехнулась лисица. — А ты даже ничего и не заметил! Правильно ты сделал, что отверг поединок со мной: думаю, что твои органы чувств точно уже состарились!

Кицунэ зашлась в очередном приступе шумного и визгливого смеха, а Тануки все больше убеждался, что эта назойливая лисица заслуживает хорошего урока. А поскольку старика не просто так считали мудрым, ему на ум пришла коварная и злая идея.

— Хорошо, — произнес Тануки, поворачиваясь к лисе, — ты отлично меня надула, и я хочу восстановить свою честь. Дай мне отдохнуть сегодня,

ведь я уже стар, и мои кости уже отвыкли от подобных усилий, а завтра приходи на это место к десяти утра и увидишь, как я превратился в целую армию из множества солдат и знаменосцев!

Лиса призадумалась: она сильно сомневалась, что старый Тануки способен повернуть такое, однако похвала опьянила ее, так что Кицунэ решила, что сможет извлечь из этой ситуации выгоду.

— Согласна, старик, — ответила лисица, — но если ты не сдержишь слово, то отдашь мне свою рощу.

Тануки молча кивнул, и оба отвесили друг другу поклоны в знак согласия, а после разошлись в разные стороны. На следующий день лиса пришла к роще чуть заходя, предвкушая удовольствие от унижения соперника. Представьте ее лицо, когда, едва пробило десять утра, она увидела длинный караван на горизонте. Как и говорил Тануки, лисица оказалась перед армией некого даймё — крупного военного феодала — в полном составе. Были в ней и знаменосцы, и барабанщики, и вереница пеших солдат, и всадники, а в карете собственной персоной восседал правитель с множеством наложниц. Несмотря на ярость от поражения, Кицунэ не могла не признать потрясающее умение Тануки превращаться и бросилась на дорогу наперерез процессии.

— Проклятие, как ты хорош! — закричала она. — Я тебя сильно недооценивала!

Лиса надеялась, что Тануки не слишком сильно рассердился из-за ее поведения накануне и, кто знает, вдруг он даже проявит благосклонность и даст ей несколько уроков как настоящий учитель: подобные превращения можно увидеть раз в тысячу лет! Заметив, что процессия как ни в чем не бывало прошествовала мимо нее, Кицунэ запрыгнула на подножку кареты, чтобы обратить на себя внимание.

— Смотри же, я все увидела! Теперь ты можешь снова вернуть себе привычный облик! — заговорила она, думая, что Тануки чересчур увлекся и упивается собой, но неожиданно почувствовала, как подножка кареты уходит у нее из-под ног.

Это два стражника схватили Кицунэ под мышки и подняли в воздух. Слишком поздно до лисицы дошло, что это на самом деле была не иллюзия Тануки, а настоящая армия даймё, который возвращался из военного похода. Едва она поняла, как ее надули, как голову ее уже отсекли решительным взмахом меча.

— Что нам делать с ее шкурой? — спросил стражник у своего правителя, высоко подняв тело лисы.

— Ну, — пробормотал даймё, пожимая плечами, — бьюсь об заклад, что из нее получится отличная грелка для ног.

И процессия проследовала дальше, как будто ничего и не случилось, а когда они отделились от рощи, Тануки вылез из кустов и уселся возле статуи Дзидзо.

— Наконец-то покой, — вздохнул он и принялся медитировать.

Статуи Дзидзо широко распространены по всей Японии. Они произошли из буддийской традиции Индии и Китая и изображают Кшитигарбху (или, как его называют в Японии, Дзидзо Босацу) — свящегося монаха, который, согласно поверьям, охраняет покой умерших детей. Его статуи часто устанавливают неподалеку от кладбищ, но встретить их можно и на перекрестках дорог. В анимационном фильме «Мой сосед Тоторо» главные героини — сестры Мей и Сацуки — молятся именно статуе Дзидзо, прося у него укрытие от дождя.

Кицунэ-но Ёмейри

Вплоть до недавнего времени в Японии существовал обычай отмечать свадьбу по вечерам, и во время праздника невесту окружала длинная процессия с бумажными фонариками. Но иногда стоило приблизиться к такой процессии, как она исчезала без следа. В таких случаях говорили, что женятся не люди, а волшебные лисы, а саму свадьбу называли Кицунэ-но Ёмейри. Некоторые считают, что лисы устраивают такие церемонии, чтобы отпраздновать настоящую свадьбу, и что лучше не беспокоить их, потому что они могут жестоко отомстить.

Есть и те, кто, напротив, утверждает, что лисы-кицунэ зажигают огни, чтобы развлечься и подурочить людей, а сама свадьба ненастоящая. В префектуре Токусима говорят, что волшебные лисы используют фонарики не для свадебных торжеств, а для похорон! И когда такая процессия появляется поблизости от какого-нибудь селения, это означает, что скоро кто-то из местных жителей покинет этот мир. В префектурах Ниигата и Нара явление Кицунэ-но Ёмейри, наоборот, считается благим знамением, и чем чаще их видят в течение года, тем более удачным и богатым будет следующий год. В различных японских префектурах свадьбу мифических лис связывают с определенной

погодой: когда в ясный день вдруг проливается дождь или появляется радуга, это означает, что где-то празднуется Кицунэ-но Ёмейри. Знаменитый гравёр и художник Кацусика Хокусай изобразил это явление на картонной гравюре в стиле укиё-э. Режиссер Акира Куросава тоже показал свадьбу волшебных лис в первой части своей киноленты «Сны».

Кван, Джамул и зима

В лесу было холодно. От этого холода замерзала шерсть! Куда ни посмотри, во все стороны расстилалось лишь бескрайнее снежно-ледяное полотно, и не будет преувеличением сказать, что то была самая морозная из всех возможных зим! Потому что она была первой зимой, которую увидел мир. Солнце все время скрывали черные тучи, и животные быстро сообразили, что, если ситуация не изменится, они все вскоре погибнут от холода. А когда и съестные запасы начали заканчиваться, все поняли, что нужно поскорее что-то делать. Сойка и Дятел решили попросить помощи у Квана, чудесного серебристого Лиса, который создал мир.

Однако была проблема: уже долгое время Кван не обитал на земле. Серебряный Лис построил себе жилище на облаках, в небесном королевстве, и, сколько Сойка с Дятлом ни кричали и ни пели, чтобы привлечь его внимание, он не слышал их там, наверху.

Сойка и Дятел потеряли всякую надежду и уже собирались отправиться в собственные гнезда, чтобы провести последние дни жизни вместе со своими семьями, когда их внезапно озарило. Они вспомнили, что, когда Кван создавал мир, он был не один: с ним был Койот Джамул. Конечно, нужно сказать, что Кван был мудр и щедр, тогда как Джамул часто вел себя эгоистично и мелочно. Собственно говоря, именно коварные проделки Койота и вынудили Лиса уйти жить на небеса, оставив того на земле. Но в любом случае, как бы он ни славился среди животных своим эгоизмом, Джамул оставался одним из двух создателей мира, да и больше просить помощи все равно было не у кого. Так что две птицы отправились к норе Койота.

— Что вам надо? — пролаял Джамул, когда услышал приближающееся хлопанье птичьих крыльев.

С тех пор как Кван покинул землю, Джамул проводил все дни напролет внутри грота на острове — там он дремал, чуть-чуть охотился и немного ел.

— Мы замерзаем, Джамул! — пропищал Дятел. — Мы не знаем, что делать: если погода не улучшится, мы все превратимся в ледяные фигуры.

Койот не только не поднялся, но и глазом не повел. Это Кван занимался подобными проблемами, а не он.

— Почему вы прилетели ко мне, пернатые? — воскликнул он. — Вам нужно просить помощи у великого создателя: Лис только и ждет возможности помочь вам. Летите к нему и не беспокойте меня.

— Кван не отвечает. Возможно, в небесном королевстве не слышно наших криков, — ответила ему Сойка. — Умоляю тебя, Джамул, ты ведь один из создателей мира и наша последняя надежда.

Койот открыл глаза, увидел двух птиц, дрожавших словно осиновые листья, и в его сердце проникло немного жалости. Нет, он вовсе не был по-настоящему злым зверем. Иногда Койот вел себя глупо и вредно, и зависть к великому Квану лишь способствовала этому, но по природе своей он не был злодеем.

— Посмотрим, что можно сделать, — пробормотал он тогда, и Дятел с Сойкой наперебой принялись его благодарить.

Когда Койот вышел из своего грота, он тут же почувствовал сильный мороз: птицы не преувеличивали и вокруг в прямом смысле все заледенело. Однако, пока ледяной ветер хлестал по его шкуре, Джамул впервые за бесчисленное количество времени ощутил себя по-настоящему живым. Спустя много лет сонного существования Койот чувствовал, что еще может быть кому-то полезен, но, поверьте мне, он бы никогда не признался в этом даже под пытками. Ему было неизвестно, что в действительности думали о нем эти две птицы, однако большинство животных считали Койота не чем иным, как бесполезной и бесхребетной обузой.

Было бы ложью отрицать, что на самом деле, хотя Джамул и принял участие в сотворении мира, никакой силой он не обладал. Ему претила сама мысль, что все созданное им возникло лишь в результате бездумного подражания Лису Квану. Да и итог всегда был один и тот же: пытаясь из всего извлечь выгоду, Койот разрушал то, что сотворил. В этом крылась причина, по которой все боготворили Серебряного Лиса, а не его. Но поскольку ситуация была по-настоящему ужасной, Койот решил отложить в сторону гордость и попробовать поговорить с Кваном.

Как-никак, когда-то они были лучшими друзьями, и никто не знал Квана и его любимые песни лучше, чем Койот. Джамул найдет способ, чтобы Кван услышал его. Семь дней и ночей Койот пел и плясал перед входом в свой грот. Он не обращал внимания на жажду, голод и мороз и выл любимые песни Квана, но семь дней и ночей Лис ничего не отвечал ему. На рассвете восьмого дня Джамул раздосадованно топнул лапами.

— Ты так занят собой, что не можешь обратить внимание на простой народ, Кван?! — в негодовании закричал Койот, но он знал, что говорит ложь.

Если бы Кван услышал его, то тут же попробовал бы помочь. Очевидно, что песни не долетели до его ушей. Как ни крути, но в том была вина самого Койота. Однако времени на слезы не оставалось, нужно было найти выход, ведь от этого зависело выживание целого мира. Определенно, Койот был не из тех, кому в голову приходят гениальные идеи, — требовался кто-то мудрее его, тот, кто понимает, что нужно делать. Так Джамул подумал о Матери Пауков. Кван сотворил это огромное и мудрое создание одним из первых, и наверняка она знала, что предпринять, или могла бы дать полезный совет.

Замерзший до самых костей, Джамул в унылом настроении побрел к берлоге Матери Пауков. Полагаю, что когда вы думаете о пауке, то представляете крошечное и отвратительное создание с ужасными глазами и множеством лапок. Однако Мать Пауков была совсем не такой, она была огромной и величественной, с восемью волшебными глазами, которые отливали сиреневым цветом, а ее паутину невозможно было разорвать. Обитала огромная паучиха внутри гигантского полого ствола, в котором помещалась с огромным трудом, однако это жилище нравилось ей.

— Понятно, — произнесла Мать Пауков, когда Джамул рассказал ей обо всем, и ее голос окутал Койота словно миллион паучьих сетей, заставив вздрогнуть.

— Кван не из тех, кто проигнорирует просьбу о помощи, — пробормотал Джамул, как только снова пришел в себя, — очевидно, что мой голос никак не может достичь его ушей.

— Ты верно говоришь, Койот. Смотри, чтобы передать весть великому Серебряному Лису отсюда, снизу, нужно сначала восстановить с ним связь. — Мать Пауков сделала небольшую паузу, посмотрев на Джамула, который почтительно опустил свой взор. — Итак, я считаю, что, хотя тобой и двигают добрые разумные помыслы, Джамул, в действительности ты не хочешь, чтобы Кван вернулся на землю. И до тех пор, пока твои песни не будут искренними, ты никогда не сможешь докричаться до него, — заключила Мать Пауков.

Койот прикусил язык в предчувствии беды.

— И что же мне тогда делать? — печально спросил он.

Увидев Койота таким оробевшим и удрученным, Мать Пауков немного смягчила свой тон. Возможно, на этот раз у Джамула на самом деле были хорошие намерения. Затем огромная паучиха испустила свист, который эхом отозвался по всему стволу, заставив дрожать древесную кору. Джамул в смятении огляделся и увидел, как сверху спускается, словно лавина из угля, бесчисленное множество пауков и паучков: стук их многочисленных лапок по стенкам дерева был почти такой же, как грохот от стада бизонов, которое мчится во весь опор.

— Вот мои детишки, — улыбнулась Мать Пауков, — они помогут тебе.

— В-все? — произнес оторопевший Джамул.

— О нет, тебе хватит и двоих, — ответила Мать Пауков, взяв двух малюсеньких паучков, которые взволнованно завертелись в ее лапах. — Это самые младшенькие, но они быстрые как молния и легкие словно перышко.

— И они должны помочь мне связаться с Кваном? Тогда я не очень-то верю, что ситуация сильно изменится, — разочарованно проговорил Койот.

— Джамул, ты нужен, но уторми свою гордыню, ибо, чтобы дотянуться до Квана, тебе понадобятся все животные. Вместе вы должны будете петь и звать его, и если ваши сердца будут чисты, то среди облаков отворится проход, и тогда с помощью лука и стрелы вы отправите моих сыночков в небесное королевство, где они смогут обратиться к Великому Лису, — так сказала Мать Пауков. А когда Мать Пауков говорит, нужно слушать.

Итак, Джамул отправился обратно по заснеженному лесу, с двумя паучками за спиной, взволнованными той важной ролью, что была им предписана. Первыми на пути им попались два брата Мыша, которые жадно грызли остатки желудя. Когда мыши увидели Джамула, то застыли в испуге, но стоило Койоту рассказать им о наставлении Матери Пауков и попросить у них помощи, как грызуны довольно переглянулись.

— Если это нужно для блага всех жителей нашего леса, то можешь на нас рассчитывать! — пропищали они.

Зверьки присоединились к Джамулу и паучкам, и вместе они отправились дальше. По дороге им попалось жилище Ласки, которая казалась еще изможденнее, чем обычно.

— Поможешь нам? — спросил Джамул, и та, воодушевленно кивнув, присоединилась к компании.

Неподалеку от реки они заметили, как в зарослях мелькнул великолепный мохнатый хвост, — это была Рыжая Лиса. Джамул и ее попросил о помощи, и та охотно согласилась. Таким же образом к ним присоединились Крольчиха, Медведь и все остальные животные леса. Наконец, когда все были в сборе, компания достигла вершины горы Шасты. Все уже замерзли и проголодались, но огонь эмоций согревал их души, и Джамул не мог сдерживать улыбки, шествуя во главе этой потрепанной процессии.

— Внимание! — пролаял наконец Койот. — Я безгранично благодарен вам за то, что вы собрались здесь. Вклад каждого из вас важен, но все будет иметь смысл, только если мы будем едины. Знаю, что в прошлом я вел себя сомнительно, однако сейчас я здесь, чтобы помочь вам, и прошу вас довериться мне.

— Меньше слов, больше дел! — язвительно усмехнулась Рыжая Лиса, хлопнув Койота по плечу. Все рассмеялись и зааплодировали, и Джамул приободрился.

Звери соорудили огромный костер, который разожгли в ночи. После этого Койот разучил с животными любимые песни Квана и еще раз рассказал о деяниях Серебряного Лиса, так что в конце концов все обнялись и принялись плясать и петь. Это был незабываемый праздник с дикими и страстными плясками. Звери танцевали с таким пылом, что вскоре им уже не требовался огонь, чтобы согреться. Они так сильно увлеклись, что внезапно даже позабыли, почему они здесь пляшут.

Даже Джамул был беззаботен, однако, осмотревшись, вдруг понял: что-то идет не так. Ему кого-то не хватало. Ему не хватало его друга Квана, и от этой мысли горячие слезы потекли по морде Койота. В этот самый миг раздался раскат грома, черные облака распахнулись, и ослепительный луч осветил гору.

— Пробил час! — закричала Ласка, а мышата схватили лук и, как только двое паучков запрыгнули на стрелу, отпустили тетиву, отправив сыновей Матери Пауков в проход между облаками.

Раздался громкий свист, и проем в небесах затворился, после чего на гору опустилась тишина.

— Будем надеяться на лучшее! — вздохнул Джамул.

Описать небесное королевство нелегко, поскольку в нем сочетаются все существующие элементы одновременно и в очень противоречивой манере. Оно холодное и жаркое. Огромное и крошечное. Засушливое и цветущее. И я мог бы привести вам еще множество примеров, но, думаю, вам бы очень скоро это наскучило. Достаточно знать, что небесный мир — это все и одновременно ничего. Собственно говоря, двое паучков как раз и испытывали на себе всю эту бесконечную гамму странных ощущений, когда вдруг обнаружили, что больше не находятся на древке стрелы. Они еще летели, но в то же время их лапки уже чувствовали поверхность земли. В общем, вы поняли.

Им не пришлось долго разыскивать Квана: его не было нигде, а значит, очевидно, что он был всюду. Его мех казался звездной мантией, а хвост вился вокруг бесконечной спирали.

— Что вы двое здесь делаете? — в немалом удивлении спросил Серебряный Лис.

— О великий Кван, мы так счастливы лицезреть тебя! Мать Пауков и все создания мира передают тебе свои искреннейшие приветы, — заговорили паучки. — Мы прибыли, чтобы сообщить тебе, что земля замерзает и нет на ней больше пищи, так что мы все обречены на голодную смерть. С высоты своего величия мог бы ты снова дать нам солнечный свет?

Воспитанность маленьких паучков заставила Квана смягчиться и улыбнуться.

— Добраться до этого места — задача не из легких, как вам это удалось? — спросил Серебряный Лис.

— Посмотри вниз, великий Кван, — попросили паучки.

Тогда Лис выглянул из небесного королевства и увидел, как внизу, на земле, звери пляшут и радостно кричат возле огромного костра. Он увидел их единство и взаимную поддержку. А затем он увидел старого мерзавца, своего друга Джамула, который смеялся и веселился вместе со всеми.

— Мне нравится то, что я вижу, малыши, — ответил тогда Кван. — Совет вашей матери оказался по-настоящему мудрым.

— Значит, вы исполните наше желание? — умоляюще посмотрели на него паучки.

— Ах, смертные создания. Вы тратите столько времени, чтобы добиться помощи от сверхмогучих существ, и даже не осознаете, на что способны сами. Я понимаю и допускаю, что помогу вам, но самую сложную часть работы придется вам делать самим! — отвечал им Кван. Серебряный Лис велел двум паучкам сконцентрироваться и представить солнце в голове и сердце. Ощутить его жар и безразмерность. Почувствовать, как тепло его разливается по коже. Так сказал Кван, и паучки выслушали его и повиновались. Днями напролет они воображали солнце в своих душах, и, хотя маленькие создания чувствовали себя измотанными и их лапки ныли как никогда прежде, сыновья Матери Пауков сохраняли настойчивость, чтобы достигнуть своей цели.

Тем временем на земле Мать Пауков оплакивала их и проклинала себя, что отправила своих сыночков на погибель. Свою вину чувствовал и Джамул, который вернулся в грот и надолго скрылся там ото всех. Остальные животные вскоре тоже разбрелись по норам и дуплам, где в отчаянии ждали печального конца.

Однако спустя семь дней небо внезапно раскрылось, и воздух наполнился песнями и музыкой — теми же, что звучали во времена сотворения мира. Все животные выбрались из своих жилищ, как раз вовремя, чтобы увидеть, как темные облака рассеиваются и солнце вновь начинает согревать землю, постепенно растапливая снег. Затем из небесного королевства спустилась радуга — первая в истории мира, и по этому цветному мосту два паучка вернулись на землю и тут же попали в объятия своей матери — усталые, но довольные.

Тем временем проем в небесах медленно затворялся, и если бы кто-то взглянул наверх, то смог бы увидеть, как сквозь облака Великий Кван смотрит вниз и улыбается. Зато все слышали радостный крик Джамула, и звуки эти были слышны не только на небесах, но и еще выше.

С тех пор Койот снова стал жить вместе с другими животными, и у них было множество приключений, о которых, возможно, однажды вам тоже захочется услышать. Паучки же выросли сильными и мудрыми, как их мать, и в награду за свой труд получили радугу, которая и вернула их на землю. И действительно, если на заре вы посмотрите на паутинку, то сможете разглядеть множество крошечных радуг, переливающихся внутри капелек росы, повисших на ней. словно множество бесценных драгоценностей. словно множество безграничных миров.

Revontulet

В финском языке северное сияние зовется Revontulet, что в переводе означает «лисьи огни». Древняя легенда рассказывает о Туликко — лисе, которая скрывается в северных лесах и тщательно избегает встречи с человеком.

Днем она выглядит как самая обыкновенная лисица. Единственное отличие, что бросается в глаза, — это тусклый черный цвет ее шкуры. Однако когда на заснеженные просторы Лапландии опускается ночь, мех Туликко окрашивается в ослепительный белый цвет, и если лиса в хорошем настроении, то она начинает бешено скакать по снегу.

Туликко носится так быстро, что ее огромный хвост, соприкасаясь с настом, высекает переливчатые искры, которые поднимаются в темные небеса и рождают удивительные световые явления, которые мы называем северным сиянием.

Рассказывают, что тот, кто сможет поймать и убить Туликко, будет отмечен удачей на всю оставшуюся жизнь. По этой причине каждый год лапландские и финские охотники отправлялись в немыслимую погоню за волшебной лисой. К счастью, даже самому умелому ловцу так и не удалось схватить Туликко, так что и сегодня мы можем наслаждаться красотой северного сияния.

Хурлубурлебуц!

Жил-был один король. И, как вы можете догадаться, было у него королевство. Речь идет о таких древних временах, что уже никто и не помнит, как оно называлось. Безымянное королевство было могучим и процветающим, на его лугах и полях росли и колосились невиданные растения, его воинство было одним из самых сильных в мире, и король невероятно всем этим гордился. Но было кое-что, вернее, кое-кто, кого он обожал больше всего. Его дочь.

Принцесса была самой красивой девушкой во всем королевстве. У нее были нежные золотистые волосы до пояса и голубые глаза с зеленым отливом, в которых можно было утонуть навечно. Именно из-за неземной красоты король так пекся о дочери, словно она была изысканной драгоценностью, которой можно только владеть и любоваться. Поэтому все дни напролет принцесса проводила взаперти в королевском замке, без единой возможности выглянуть наружу.

В один ненастный день во время лесной охоты король отделился от своего войска и заблудился в чаще. И сколько он ни пытался выбраться оттуда, вокруг него так и оставались проклятые заросли. Король был уже немолод, старее бабочки, но помоложе дуба, и за последние годы утратил былую сноровку и наблюдательность. Однако когда ему на пути уже в восьмой раз попался один и тот же тис, он начал понимать, что здесь творится что-то странное. Поэтому король решил присесть на корни дерева, чтобы немного перевести дух и поразмыслить.

— Здесь присутствуют какие-то злые чары! — проворчал он.

Его хрупкое сердце едва не треснуло, когда в ответ раздались слова: «Ага! Великая и ужасная черная магия!» Король тут же обернулся и увидел, что с дерева на него кто-то смотрит. Это был гном с жесткой бородкой, одетый во все белое и в колпак из лисьего меха. Он сидел на ветке дерева и посмеивался, глядя на короля.

— Кто ты? — испуганно спросил король, медленно поднимаясь на ноги.

— Если бы я вам сказал, вы бы все равно мне не поверили, Ваше Величество, — отвечал с усмешкой гном.

— Это ты напустил на меня свои чары? — снова спросил король.

— Я никогда бы себе этого не позволил! Более того, Ваше Величество, мне хотелось бы помочь вам выбраться из этого проклятого леса, но каждый труд заслуживает справедливой награды, ведь так? — прохихикал гном.

— И что же ты хочешь взамен? Земли? Богатств? — спросил король.

— Вы считаете меня обычным мошенником? — Гном хитро посмотрел на короля. — Нет, я хочу получить в жены вашу прекрасную дочурку!

— Ни за что! — вскричал король. — Отдать мою прекраснейшую девочку замуж за гнома? Да я лучше умру!

— Вам выбирать... — ответило волшебное существо и, надвинув шапочку на глаза, задремало.

А король с еще большей решимостью отправился искать выход из леса, однако хоть он и шел все время прямо, но постоянно оказывался на той самой проклятой поляне с тисом, на котором посиживал гном с озорной улыбкой. Тем временем уже смеркалось, и король начал тосковать по теплу своего замка, компании любовниц и особенно по лакомствам от королевской поварихи. От одной мысли об этих яствах его желудок начал горестно урчать.

— Ладно, я согласен! — буркнул король, снова оказавшись перед гномом. — Выводи меня отсюда, и я отдам тебе в жены свою дочь!

— Хурлубурлебуц! По рукам! — воскликнул гном, а затем вцепился в свой колпак и принялся натягивать его себе на лицо с такой силой, что превратился в лиса.

— А теперь следуй за мной, старик! — Волшебный лис мигом юркнул в заросли, распушив свой длинный рыжий хвост словно знамя, и король во весь опор побежал за ним, то и дело спотыкаясь о корни деревьев и грибы.

Неожиданно чаща осталась позади, и они оказались перед воротами замка. Король изо всех сил пытался отдышаться и с трудом держался на ногах.

— Не забудьте о своем обещании, Ваше Величество! Через восемь дней я вернусь за своей наградой! — сообщил волшебный лис и тут же скрылся из виду, словно его никогда и не было.

Обитатели лесных земель

Король наконец-то вернулся домой, где провел великолепный вечер со своими подружками и наелся до отвала, будто в последний раз в жизни. Однако когда он пришел в себя, то его охватили мрачные мысли об обещании, данном гному, и он принялся горестно рыдать. Любовницы спросили, отчего он так печален, и тогда король все им рассказал.

— Не беспокойтесь, сир! — проговорила одна из черноволосых дам, которая была не только красивой, но и довольно-таки хитрой. — Мы что-нибудь придумаем.

И король, успокоенный этими словами, забылся в безмятежном сне. Неделя пролетела незаметно, и на рассвете восьмого дня волшебный лис появился перед воротами дворца, точно как и обещал. Там он обнаружил милую и вежливую девушку и остался доволен, что король не стал противиться и сдержал свое обещание. Но в действительности то была вовсе не королевская дочь. Накануне любовницы короля привели в замок дочку пастуха, которую накрашили и приодели словно принцессу и отправили вместо нее. Гном же никогда не видел настоящую принцессу, так что не распознал обман.

— Хурлубурлебуц! — прокричал он. — Прыгай на мой косматый хвост! Скорее в лес! В лес!

Вежливая и послушная девушка не стала возражать, села верхом на лисий хвост и помчалась на нем прочь от дворца. Когда они добрались до той самой поляны, где король встретил гнома, лис остановился, словно охваченный каким-то сомнением.

— Слезай и прочеши меня от блох! — приказал он, и ложная принцесса снова повиновалась.

— Ах, какой красивый лес! — вздохнула она, поймав особенно шуструю блоху. — А вчера на закате он был еще красивее!

— И когда же ты видела этот лес?! — удивленно спросил гном.

— Я вижу его каждый день, месье Лис! Когда помогаю отцу пасти коров, — сказала пастушка.

— Так, значит, ты не принцесса! — разъяренно закричал гном. — Хурлубурлебуц! Прыгай на мой косматый хвост! Скорее в замок! В замок!

И гном вернул дочь пастуха королю.

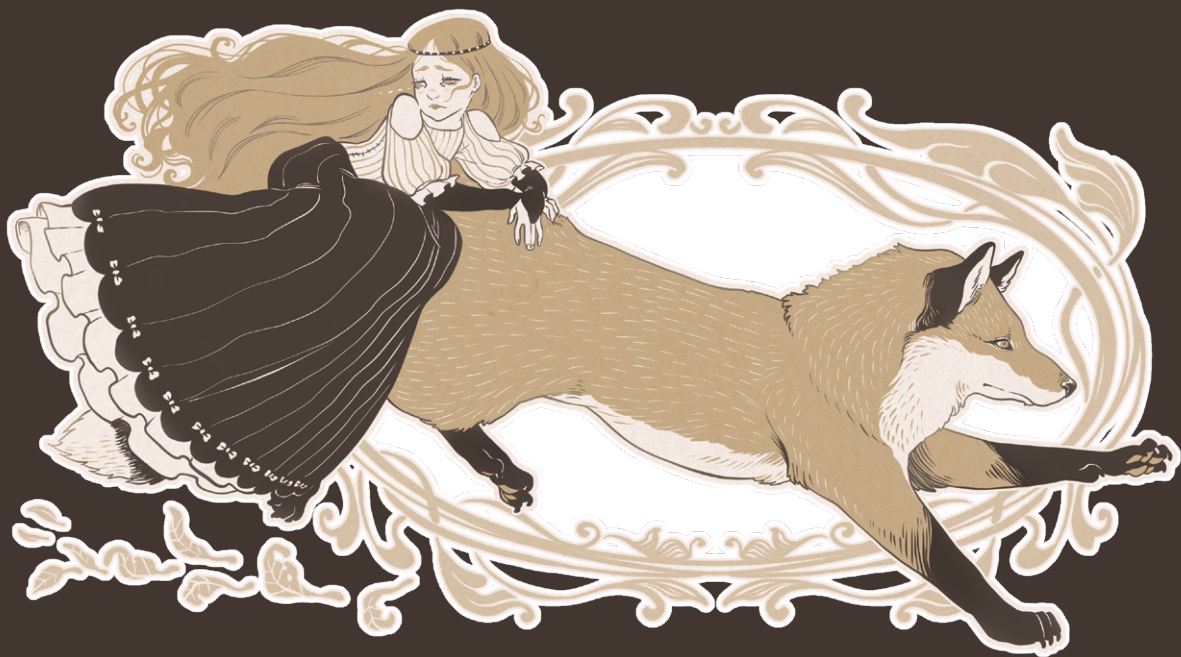
— Ты пытался обмануть меня! — закричал он под королевскими окнами. — Но со мной шутки плохи; через восемь дней я вернусь, и будет лучше, если я получу твою дочь!

Сказав это, гном тут же исчез без следа. Король опять погрузился в горестные раздумья, но королевские наложницы снова его успокоили, что найдут выход. Прошло еще восемь дней, и хитрые дамы привели во дворец другую прекрасную девушку — дочь смотрящего за гусями. Они раздели и накрасили и ее, а затем отправили к волшебному лису, который уже на рассвете появился в замок. Гном был доволен невестой и, убежденный, что перед ним настоящая принцесса, вытянул свой хвост.

— Хурлублиблебуц! — крикнул он. — Прыгай на мой косматый хвост! Скорее в лес! В лес!

Как и первая девушка, эта была вежливой и покорной и запрыгнула на лисий хвост. Однако когда волшебный лис привез ее на поляну, его снова обуяли сомнения.

— Спускайся и прочеши меня от блох! — приказал он, и девушка тут же спрыгнула и принялась тщательно его чистить.

Обитатели лесных земель

— Эх, кто знает, как сейчас там мои бедные гусыни, — вскоре печально вздохнула она, — им так одиноко, когда меня нет рядом.

— Да что ты знаешь о гусях? — уставился на нее гном.

— Я — смотрящая за гусями, месье Лис! Если уж я о них не знаю, то кто тогда? — отозвалась девушка.

— Лжецы! Ты не принцесса! Хурлубурлебуц! Прыгай на мой косматый хвост! Скорее в замок! В замок! — закричал в ярости гном.

Так они вернулись во дворец, и на этот раз гном был в настоящем гневе!

— Король-лжец! Не тебе ли я помог выбраться из леса? Отдай мне принцессу, как ты и обещал, или узнаешь, заберу ли я твою жизнь или все твое королевство! — негодовал он под окнами дворца. — Увидимся через восемь дней, и это будет твой последний шанс!

Когда король снова слышал проклятия лесного гнома, доносящиеся снаружи, он зарывал в отчаянии, и в этот раз любовницы уже не могли успокоить его своими обещаниями. Старик наконец понял, что бесполезно и дальше обманывать волшебное существо.

Итак, спустя восемь дней на рассвете у ворот замка уже настоящая принцесса ждала своего будущего супруга. Когда волшебный лис пришел из лесной чащи, он подозрительно посмотрел на нее и спросил: «Ты и есть настоящая дочь короля?» Принцесса кивнула. Ее глаза застилали слезы, но она по-прежнему оставалась прекрасной, так что лис вытянул в ее сторону свой хвост, на который девушка смущенно залезла, и произнес: «Хурлубурлебуц! Прыгай на мой косматый хвост! Скорее в лес! В лес!» Пока принцесса бешено мчалась через лес верхом на этом странном звере, она впервые рассмотрела мир за пределами замка, и ее переполняли смешанные чувства отвращения и любопытства.

— Слезай и прочеши меня от блох! — приказал лис, когда они достигли все той же поляны. Девушка спустилась с хвоста и присела на корточки возле него, но чуть погодя опустила голову и печально проговорила: «Уф-ф, я — королевская дочь, а сижу здесь и ловлю блох на этом животном! Как бы мне хотелось вернуться в мою комнату!»

Тогда гном понял, что это и впрямь была настоящая принцесса, и принял свой подлинный облик. С того самого дня они жили вместе в лесной хижине, где королевской дочери пришлось работать. Она помогала гному в домашних делах, научилась готовить еду и ставить ловушки на мелких зверей. Вначале ей приходилось трудно, и она только и делала, что постоянно жаловалась, однако со временем принцесса привыкла к своей новой жизни. В свою очередь, гном делал все, чтобы она ни в чем не нуждалась. Он вовремя рубил дрова, чтобы в их домике всегда было уютно и тепло, и в зверином облике приносил отличную добычу к столу. Вечерами гном раскуривал трубку и предавался размышлениям, а принцесса зачарованно смотрела на него и, возможно, была в него влюблена.

Так шли годы, и принцесса уже совсем позабыла обо всех удобствах дворца. Однажды вечером гном вернулся домой чем-то обеспокоенный.

— Час пришел, любовь моя, — удрученно обратился он к принцессе. — Мне пора уходить, но завтра утром ты увидишь трех белых голубок, летящих низко над землей. Тебе нужно схватить ту, что будет посередине, и немедленно отрезать ей голову. Удачи, моя малышка, я в тебя верю.

Произнеся эти слова, гном нацепил шапку и, превратившись в лиса, бросился в лесные заросли, где тут же скрылся из виду. Всю ночь принцесса не могла сомкнуть глаз. Уже давно девушка не спала одна, и когда наконец заснула, то ее мучили кошмары до самого пробуждения. Супруга по-прежнему не было дома.

— Теперь я могу свободно вернуться домой, — подумала она, покусывая губы. Как-никак гном похитил ее, однако и злым к ней он никогда не был. Если бы не он, то она и поныне оставалась бы взаперти в своей комнате в замке и только бы и делала, что разглядывала свои драгоценные

Обитатели лесных земель

побрякушки. Конечно, здесь, в лесу, у нее не было ни слуг, ни садовников, ни новых нарядов каждую неделю, но тут принцесса чувствовала себя счастливой.

Пока она так размышляла, из кустарника внезапно выпорхнули три голубки и полетели над землей. Принцесса тут же схватила топор, поймала птицу, которая летела по середине, и отрубила ей голову!

— Хурллубурлебуц! — слышалось из чащи, и мертвое тело голубки превратилось в тот же миг в стройного черноволосого принца, прекраснее которого девушка никого в своей жизни не видала.

— У тебя получилось, любовь моя! — воскликнул юноша. — Много лет назад я был проклят одним волшебником-гномом в наказание за мою грубость и невоспитанность. Чары мог разрушить только тот, кто разделит бы со мною участь изгнанника и полюбил бы меня всем сердцем. Это было твоим последним испытанием, ты доверилась мне и освободила меня!

— Какое счастье! — промолвила принцесса, бросаясь в его объятия. Он же натянул на себя лисью шапку и, превратившись в зверя, усадил ее на свой хвост.

Вместе они отправились в замок, где поведали обо всем королю, а потом уже официально отпраздновали свадьбу. После торжества, однако, юноша снова превратился в лису и, когда принцесса грациозно уселась на его хвост, понес ее обратно в лес, и вскоре влюбленные скрылись в чаще. С тех пор их больше никто не видел.

И где бы они ни были, могу вас заверить, что там они живут намного счастливее, чем жили бы в любом из существующих замков.

Медведи

Могучие защитники

Наряду с волком медведь — это животное, которое лучше всего отражает дух дикой и естественной жизни. Древние народы знали и чтили его энергию, считая его символом силы и защиты. В частности, в финской традиции медведь — это священный зверь, который, согласно мифам, считается предком всего человечества; он же является главным персонажем большинства традиционных финских обрядов.

Существуют различные мифы о сотворении медведя. По некоторым легендам, он возник из шерсти, брошенной в воду Укко — верховным богом финского пантеона. Другие мифы, напротив, говорят, что медведь был рожден высоко в небе на плечах Большой Медведицы и был спущен на землю на серебряном ремне в золотой колыбели.

Многочисленные свидетельства медвежьего культа обнаруживаются также в греко-римской, германской и кельтской мифологиях и вообще по всему античному и средневековому Западу. Есть предположения, что истоки этого поклонения берут начало в глубоком доисторическом прошлом. Вероятно, самые древние следы связи между человеком и медведем, которые относятся примерно к восьмидесятому тысячелетию до нашей эры, были обнаружены в пещере Регурду, во Франции, где ученые нашли рядом с останками неандертальца медвежьих кости.

В древнегреческих мифах медведь представлял как священное животное различных богов. К примеру, Артемиду, богиню охоты и покровительницу диких животных, изображали в медвежьем обличе вместе с ее жрицами, которых иногда называли дочерьми медведицы. В самом ее имени находится греческое слово *arktos*, то есть «медведь».

Помимо Артемиды, в древнегреческой мифологии можно найти многочисленные мифы о медведицах, вскормивших и вырастивших новорожденных младенцев, которые, повзрослев, стали героями. Среди множества примеров вспомним о Парисе, сыне троянского царя Приама. Согласно мифу, матери Париса перед его рождением приснилось, что ее сын станет виновником падения Трои. Царь Приам, обескураженный предзнаменованием, приказал слугам убить младенца на горе Иде, когда тот появится на свет. Слугам не хватило на это храбрости, и они просто

оставили новорожденного на горной вершине. Там младенца нашла медведица, которая согревала и кормила его, пока пастухи не обнаружили ребенка и не унесли с собой.

У древнегерманских народов, которые начиная с XIX века до н. э. расселились из Скандинавии по большей части Европы, медведь считался символом силы, храбрости и непобедимости — общепризнанным тотемным животным. Он был царем зверей и леса, божеством или как минимум посредником между миром людей и миром богов, первопредком и, конечно же, воином. Для юноши сразиться голыми руками с медведем означало пройти испытание мужества, стать взрослым и получить славу великого воина. Одними из самых знаменитых воинов были берсеркеры, посвятившие себя Одину, которых также называли медведями-оборотнями: они пили кровь и ели плоть медведя, облачались в его шкуру и призывали в себя его ярость, становясь «машинами-убийцами».

Отношения между человеком и медведем, а также традиция отождествлять их имеют долгую историю, истоки которой растворяются в глубине тысячелетий.

В Италии отголоски медвежьего культа до сих пор присутствуют во многих празднествах, сохранивших языческие элементы в традициях и в ритуалах. В некоторых альпийских и центрально-южных районах медведь был одним из главных персонажей карнавала. В прошлом в отдельных регионах дрессированных медведей водили по округе и заставляли плясать на деревенских площадях. Впоследствии для сохранения традиции живой медведь был заменен человеком в маске. По поверьям, весной медведь оживал после зимней спячки и, когда вылезал из берлоги, то есть из-под земли, брал с собой и души усопших, которые во время карнавала присоединялись к повседневной жизни людей.

Берсеркер

С древних времен фигура воина ассоциировалась с чем-то магическим и сакральным. Воинское мужество всегда восхваляли и чествовали властители, поэты и простолюдины. Однако существуют также и образы, которые олицетворяют собой только слепую ярость и разрушительность битвы: к ним относятся воины северогерманских народов — берсеркеры.

Речь идет о самой настоящей секте воинов — приверженцев Одина — верховного бога скандинавского пантеона. Их самоотречение было таким сильным, что, согласно некоторым источникам, на битву они шли, надев на себя лишь шкуру медведя — зверя, с которым часто ассоциировался образ главного скандинавского бога. Берсеркеры объединялись в отряды по двенадцать человек. Чтобы стать членом такого отряда, воин должен был пройти через тяжелые испытания и показать свое умение сражаться и защищаться, однако в те времена стать берсеркером считалось огромной честью.

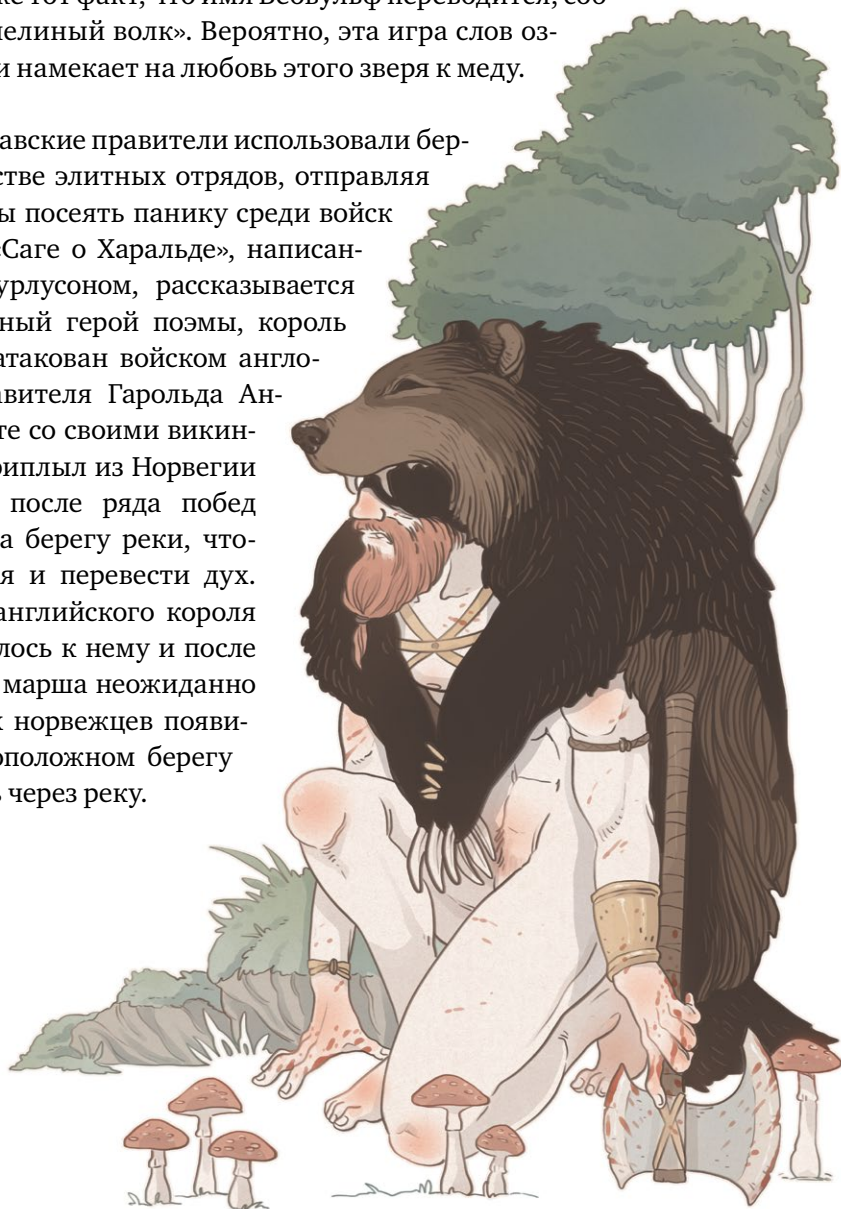
Датский историк Саксон Грамматик так описывает наиболее важную и впечатляющую отличительную черту этих воинов — Berserkgangr (или «ярость берсеркера»): перед самым началом сражения солдаты пили особый настой, ввергая себя в состояние исступленной ярости, которая оставляла их без сил после окончания битвы. В этом состоянии они превращались в зверей с единственным желанием — разорвать на части своих врагов, поэтому кидались на противника с таким остервенением и жестокостью, что действительно казались разъяренными медведями. По мнению историков, берсеркеры вводили себя в транс с помощью галлюциногенов, получаемых, например, из некоторых видов грибов, однако они использовали не только их: считается, что перед сражением они пили медвежью кровь, и этот процесс производил разрушительный эффект на их психику, вводя их в состояние слепой и неистовой ярости. Так эти воины закаляли свое тело и дух и без усилий выдерживали снег и холод, будучи обнаженными, и проявляли нечеловеческую выносливость в сражениях.

Берсеркеры и их слава были предметом большинства древних и более поздних скандинавских саг. Отдельные произведения чествуют воина-зверя, другие же, в том числе из-за влияния христианства, осуждают его как душу, обрекшую себя на вечное проклятие. Тот же Беовульф, герой

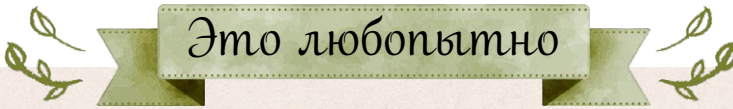
одноименной поэмы, которая считается самым древним письменным произведением англосаксонской литературы, пусть и не является берсеркером, но обладает многими качествами этих воинов. Поэма рассказывает о жизни Беовульфа, будущего короля гётов, и о том, как он освободил королевство данов от кровожадного монстра Гренделя. Обуянный дикой яростью, он сразился с чудищем голыми руками, без меча и доспехов.

Любопытен также тот факт, что имя Беовульф переводится, собственно, как «пчелиный волк». Вероятно, эта игра слов означает медведя и намекает на любовь этого зверя к меду.

Многие скандинавские правители использовали берсеркеров в качестве элитных отрядов, отправляя их в битву, чтобы посеять панику среди войск противника. В «Саге о Харальде», написанной Снорри Стурлусоном, рассказывается о том, как главный герой поэмы, король Норвегии, был атакован войском англосаксонского правителя Гарольда Английского. Вместе со своими викингами Харальд приплыл из Норвегии в Британию и после ряда побед разбил лагерь на берегу реки, чтобы подкрепиться и перевести дух. Однако войско английского короля быстро направилось к нему и после стремительного марша неожиданно для отдыхавших норвежцев появилось на противоположном берегу и переправилось через реку.

Викинги даже не успели надеть доспехи, как были атакованы противником и в спешке и ярости отступили по единственному мосту Стэмфорд-бриджу, который связывал два берега. Легенда гласит, что один из викингов, разъяренный берсеркер, встал посреди моста, чтобы задержать противников и дать время уйти своим товарищам. В одиночку, вооруженный лишь топором, он сдерживал натиск целого войска англичан, которое на узком мосту теряло свое преимущество перед лицом обезумевшего воина. Он рубил своих противников одного за другим и сбрасывал их в реку: словно щепки разлетались они под ударами его топора и кровь хлестала во все стороны. Так берсеркер бился целый час, пока англичане не пронзили его длинной пикой из-под моста.

В английском и по сей день широко используется фраза *to go berserk* («стать берсеркером»), которая означает «потерять контроль, ослепнуть от ярости». В играх способность «Берсеркер» часто связана с силой персонажа-варвара и позволяет ему внезапно разгневаться и стать почти непобедимым. В Японии фраза «стать берсеркером» часто используется в комиксах и мультфильмах. Одна из самых важных в истории манга так и называется, «Берсеркер», и рассказывает о воине, который отличается неудержимой яростью.

Бьорн, Бера и Бодвар Бьярки

Бьорн был из тех сыновей, которыми гордятся. Сильный и великодушный, он знал, когда стоит действовать, а когда думать, и его отец Хринг всегда любил его и хвалился им. Юноша был его единственным сыном, а сам Хринг был королем Норвегии. Общеизвестно, что в те времена правители не слишком заботились о том, сколько наследников дадут миру. К детям относились как к чему-то непостоянному: сегодня они здесь, а завтра уже поднимают кубок с хмельным медом в золоченых залах Вальгаллы.

Так что, когда мать Бьорна умерла, король Хринг решил найти себе другую жену, способную дать ему еще много наследников. Его выбор пал на девушку по имени Хвит, которая была дочерью конунга финнов. Конечно, она была намного младше короля (сказать по правде, Хвит была лишь чуть старше его сына Бьорна), но у нее были чудесные черные волосы и ярко-алые губы. Хринг не сомневался, что жена, учитывая ее юный возраст, подарит ему многочисленных наследников.

Бьорн к тому времени уже достаточно вырос, так что не нуждался в материнском присмотре, но он нашел Хвит умной и достойной девушкой, так что они стали хорошими друзьями. В честь свадьбы Хринг устроил пышный праздник, на котором Бьорн познакомился с Берой, дочерью одного из главных королевских военачальников. Молодые люди весело болтали друг с другом, и вскоре между ними расцвела любовь, чистая, словно роза на заснеженном лугу. В последующие годы Бьорн и Бера не упускали возможности встретиться и насладиться своими чувствами. Бера обладала особенной красотой, отличной от очарования Хвит: у нее были длинные каштановые волосы, широкие плечи и круглое лицо. И когда Бьорн глядел на нее, то испытывал удовлетворение и покой.

Однажды в лихую пору король Хринг отправился с войском по своим землям: на юге Норвегии поднялись восстания, и как правитель он должен был их подавить. Бьорн же остался в замке. Он сидел перед камином, думая о своей ненаглядной Бере, когда за его спиной возникла Хвит и томно обхватила его за шею.

— А ты стал настоящим красавцем, — с лукавой усмешкой прошептала она в ухо Бьорну. — Твоего отца не будет в замке еще несколько дней, и я чувствую себя такой одинокой.

Черные волосы девушки словно темный водопад упали на лицо Бьорна, и ее голубые глаза сверкали в полумраке зала. Кто-то другой и помечтать не мог, чтобы оказаться на месте Бьорна, но наследник короля отнесся к своей молодой мачехе весьма холодно и осудил ее неверные помыслы.

— Убери от меня руки, Хвит, — недовольно проговорил Бьорн, вскочив на ноги. — И чтобы такого больше не повторялось, или я все расскажу отцу.

Сказав это, юноша вышел из зала и покинул замок. На душе у него было скверно, и он хотел лишь как можно дальше уйти от этой женщины. Раздосадованная Хвит осталась одна. Как осмелился этот несчастный отвергнуть ее? Невозможно представить, чтобы он предпочел какую-то мужичку с плоской грудью такой красавице, как она... Бьорн заслуживал особенного наказания.

Многие из вас спросят, как такая хрупкая девушка, как Хвит, смогла бы наказать королевского сына. Но юная королева скрывала важный секрет: ее мать была могучей колдуньей и она сама тоже владела различными заклятиями, которые могла бы использовать для мести.

Тем временем Бьорн брел среди снегов и уже почти достиг дома Беры, когда почувствовал, как его голова тяжелеет. Он обхватил ее руками и обнаружил, что она покрывается темно-коричневым мехом. Затем сын короля вдруг осознал, что с трудом стоит на ногах, и подался на снег всем телом, испустив громкий рык. Когда Бера услышала этот странный звук, она тут же узнала своего ненаглядного Бьорна. Бросив работу, девушка убежала со двора. Можете представить, как сильно была она потрясена, когда увидела снаружи перед собой огромного коричневого медведя, который тяжело дышал и умоляюще смотрел на нее. Заклятие Хвит свершилось.

— Б-Бьорн? — чуть слышно прошептала Бера.

Медведь тряхнул головой, словно кивая в ответ, с нежностью бросился к ногам девушки и стал их ласкать.

— Ах, Бьорн, что они с тобой сделали? — промолвила Бера.

Но как юноша ни пытался, в медвежьем облике он не мог произнести ни слова, да и в любом случае ему бы и в голову не пришло, что Хвит имеет хоть какое-то отношение к случившемуся. Бера быстро сообразила, что они не могут тут оставаться, ведь скоро с городской ярмарки должен был вернуться ее отец, и он вряд ли поверил бы в ее рассказ о том, кем на самом деле является этот медведь. Скорее всего, отец просто убил бы зверя, прежде чем она смогла бы хоть что-то ему объяснить.

— Скорее уходи! — Она взяла Бьорна за ухо и проводила его в лес.

С детства Бера жила рядом с лесом и знала его лучше родного дома. Ей не составило труда найти пустую пещеру, в которой было не слишком влажно. Там она устлала пол соломой, создав подобие простого ложа, и пригласила Бьорна внутрь.

— Сейчас мне нужно идти, — сказала она ему, — если отец не обнаружит меня дома, он может что-то заподозрить, но ты не беспокойся: скоро я вернусь и принесу тебе еды.

Так Бьорн остался в пещере, где и ждал возвращения Беры. Прошло больше недели, а юноша по-прежнему пребывал в зверином обличье. День за днем он с нетерпением ждал Беры, не столько из-за еды, которую она приносила, сколько из-за ее общества. И хотя девушка каждый раз откладывала несколько кусочков из своей ежедневной трапезы для бедного Бьорна, этого было явно мало, чтобы прокормить целого медведя. Бьорн понял: чтобы выжить, ему нужно охотиться. Поначалу охота давалась ему с трудом. Бьорн привык к боевому топору и мечу, он был хорошим стрелком, но, как использовать когти, он не знал. После нескольких попыток он начал осознавать, что его нынешнее медвежье тело, состоявшее из сплошных мускулов, было медленным, однако таило в себе разрушительную силу. Используя военную хитрость, Бьорн устраивал засады на лосей-одиночек и так сумел добыть себе пищу на несколько дней вперед.

— В конце концов тебя обнаружат, ведь в этих местах отроду медведи не водились, — понутив голову, вздыхала Бера. Однако, несмотря на свои упреки, она прекрасно знала, что другого выхода у Бьорна просто не было.

Когда король Хринг наконец-то вернулся в замок, он был удивлен, что не застал там сына.

— Случилось несчастье, — воскликнула Хвит, обливаясь лживыми слезами. — Бьорн покинул замок, сказав мне, что до него дошел слух об огромном медведе, который явился сюда с Севера. Ваш сын захотел убить его и принести медвежью шкуру вам в дар, мой повелитель.

Затем она села рядом с очагом и наигранно задрожала от ужаса.

— Вот уже больше недели я ничего не слышала о Бьорне. Думаю, что медведь... — Девушка зашлась в рыданиях, и добрый король нежно обнял ее.

Мысль о том, что он потерял сына, разрывала его на части, и горячие слезы потекли из его очей на седую бороду, уже давно утратившую былой блеск.

— Этот проклятый зверь заплатит за содеянное, — прокричал Хринг, вскакивая на ноги, и от его слов зловещая улыбка проскользнула на губах Хвит. — Мой сын будет отмщен, и голова медведя сгорит на костре в его честь!

Король Хринг был храбрым и импульсивным, порой он мог проявить и мудрость, но в ту минуту слепая ярость из-за гибели сына полностью затемнила его разум — он вел себя именно так, как и надеялась Хвит. Самые сильные мужчины со всей округи должны были явиться в королевский дворец и отправиться на поиски огромного медведя, чтобы отомстить ему за убитого Бьорна. Когда отец Беры вернулся домой, чтобы забрать оружие, он сообщил дочери печальную весть. Девушке показалось, что кровь застыла в ее жилах от услышанного. Ее отец счел, что Бера стала блее мела из-за известия о гибели юноши, однако он и представить не мог, что его дочь прекрасно знает, где находится возлюбленный, и беспокоится за его жизнь. Бера должна была остановить охотников, иначе они наверняка убили бы заколдованного Бьорна. Но как объяснить им случившееся? Никто бы ни за что ей не поверил.

— Отец, можно я пойду с вами? — обратилась она с просьбой.

— Даже не проси об этом! Этот зверь убил Бьорна Хирвигсона, самого достойного мужа во всех окрестных землях, и ты думаешь, что девица вроде тебя сможет нам чем-то помочь? — Отец Беры был непреклонен.

— Но я... — пыталась возразить Бера.

— Я запру дверь на замок, и не смей идти за мной! — резко прервал ее отец.

Так он и поступил и отправился в заснеженный лес, когда солнце уже начинало клониться к закату. Бера, обливаясь горькими слезами, осталась перед запертой дверью. Ее возлюбленный должен был погибнуть от рук ее же дорогих сородичей... а она ничего не могла с этим поделать. Без сил она упала на пол и обхватила свой живот. В последнее время он пусть немного, но вырос, и Бера поняла, что беременна. У нее появятся чудесные детки. Однако расти они будут без отца.

Отдохнув, девушка вскочила на ноги, схватила скамейку и кинула ее в окно. Стекло тут же разбилось вдребезги, и в дом хлынул ледяной ветер. Бера залезла на подоконник и выбралась наружу, изранив руки о торчащие осколки. Однако это ее не беспокоило: Бьорн сделал бы все ради нее, а сама она могла и потерпеть. Бера сразу же увидела его, а он, заметив ее, улыбнулся. Разумеется, перед ней была медвежья морда, однако девушка знала, что в этот миг Бьорн все равно ей улыбается. Все застыло вокруг, словно в зачарованном сне. Затем полетели стрелы. Раздался радостный крик. Покрытое шерстью тело тяжело рухнуло наземь. Пунцовая кровь перемешалась с грязью и снегом. Раздался крик. А затем вновь воцарилась тишина. Как велела традиция, охотники разожгли огромный костер, на котором зажарили медвежье мясо.

— Бьорн, сын мой! — произнес дрожащим голосом король Хринг, разогретый несколькими бокалами хмельного меда. — Я уверен, что сейчас ты пируешь в залах Вальгаллы, и надеюсь, что возрадуешься еще больше: зверь, который отнял у тебя жизнь, убит и в этот час мы съедим его мясо, так что теперь твоя смерть будет полностью отмщена!

Бера взглянула на блюдо перед собой, в котором лежало то, что осталось от ее любимого Бьорна. С отвращением она встала и ушла прочь. Ей хотелось рыдать, а ее чрево содрогалось от рвотных позывов. Королева Хвит так неслышно подошла к девушке и коснулась ее плеча, что Бера от неожиданности вздрогнула.

— Девочка, почему ты не ешь? — сказала Хвит, глядя в глаза страдающей Бере. — Твой ненаглядный погиб по вине этого зверя. Разве ты не должна быть довольна, что чудовище убили?

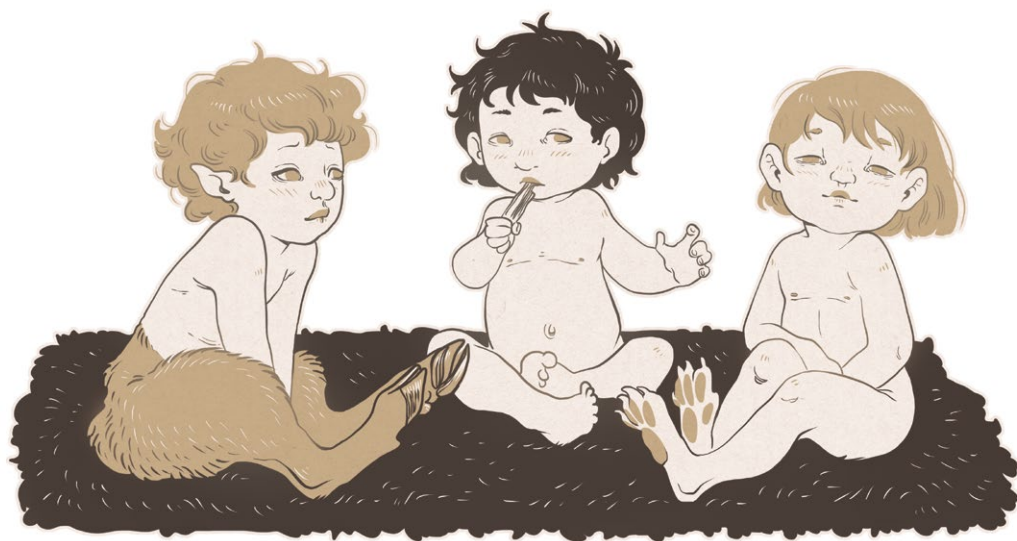
Бера застыла на месте. Хвит смотрела на нее с улыбкой. В этот миг она явила Бере свое подлинное обличье: ее ледяные глаза сверкали в темноте словно обманчивые огни, белые зубы превратились в зловещие клыки, а из губ сочилась красная кровь. И тогда Бера поняла, что это именно Хвит заколдовала Бьорна. В ответ, однако, возлюбленная Бьорна лишь вежливо улыбнулась.

— Кто знает, как поведут себя медвежата, когда узнают о смерти своего отца! — произнесла эти слова, Бера проглотила кусок жареного мяса и неистово захохотала.

Хвит ошеломленно поглядела на деву и с беспокойством отошла от нее прочь.

Много чего произошло после. Спустя девять месяцев Бера родила сыновей Бьорна — трех особенных близнецов. Первый был прекрасным мальчиком с каштановыми волосами, но ниже пупка у него было тело лося. Из-за этого его прозвали Эльг Фроди, или Лось Фроди. У второго вместо ног были когтистые лапы, как у охотничьего пса. Его назвали Торир Псовья Лапа. Наконец, третий оказался самым обыкновенным малышом, очень похожим на отца, так что Бера назвала его Бодвар Бьярки, то есть Бодвар Медвежонок.

Несмотря на свои странности, три близнеца росли крепкими и здоровыми, и Бера была примерной матерью, оберегающей и строгой, словно медведица для своих малышей.

Чуть позже случилось так, что юный Фроди, который с трудом контролировал свою лосиную силу, убил во время поединка одного из лучших воинов своего деда, короля Хринга. Фроди знал, что, несмотря на родственные узы, король предаст его смерти, и вынужден был с тех пор скрываться в лесу.

Когда пришло его время, Торир тоже оставил дом и впоследствии совершил множество подвигов по всей Скандинавии, став в итоге конунгом Готланда. Барды и по сей день воспевают его многочисленные приключения. Бодвар, напротив, был сильно привязан к родным местам и стал одним из самых доблестных воинов короля Хринга, и, когда сам король умер, именно он унаследовал норвежский трон.

А что же Хвит? После смерти своего супруга Хринга она подумывала выйти замуж за его внука и стать королевой юного Бодвара (Хвит еще сохраняла свою красоту, а будущий король казался ей мужественным и привлекательным). Очевидно, ее планам не суждено было сбыться, поскольку через какое-то время у кромки леса обнаружили ее обезображенный труп с ранами, которые будто бы оставил разъяренный и голодный медведь. Когда об этом узнала Бера, она лишь спокойно улыбнулась и продолжила греться у огня.

Медвежонок осуществил свою месть.

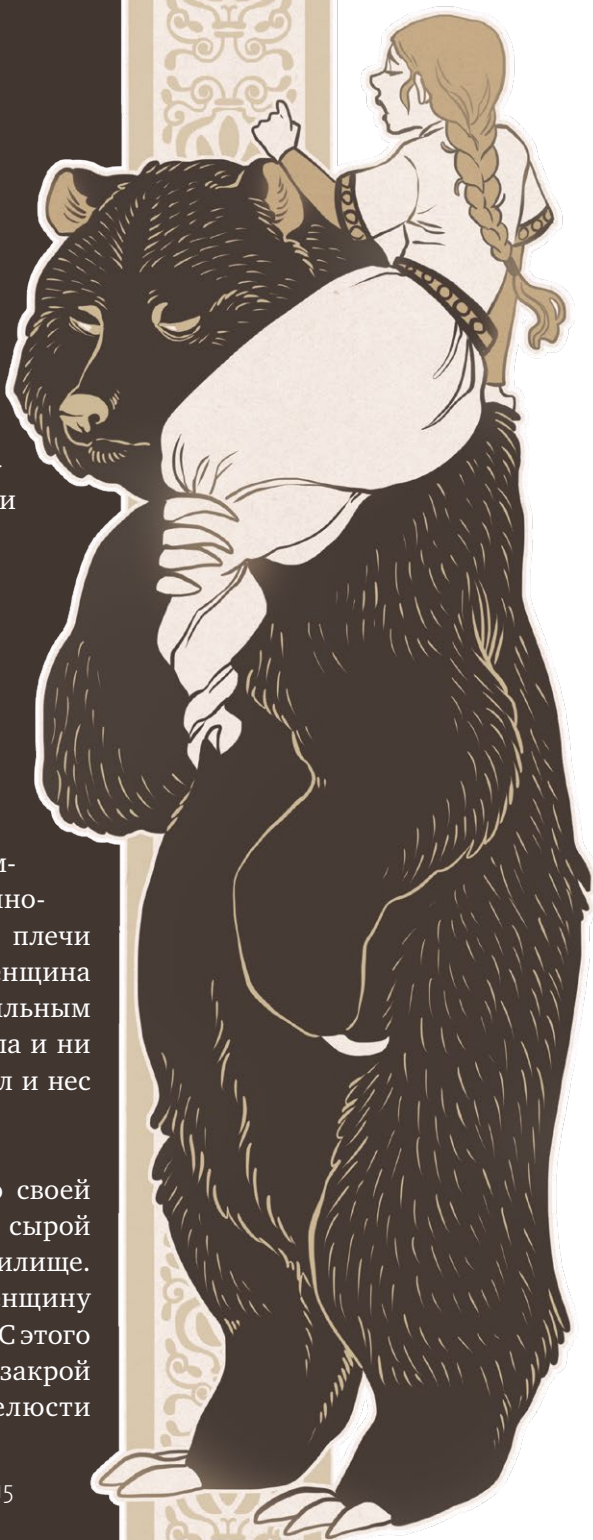
Норвежский язык чрезвычайно сложный и разнообразный, и часто имена персонажей в сагах и поэмах построены на игре слов. В вышеупомянутой истории имя несчастного главного героя Бьорн переводится, собственно, как «медведь». Оригинальное имя его сына Elg Frodi содержит слово «лось» (Elg), а Бодвар Бьярки значит «Воин-Медвежонок».

Жан-Медведь

Жил да был в одной деревеньке на севере Франции добрый плотник, который до безумия любил свое ремесло. Больше собственной работы обожал он только свою женушку. Для него она была самым прекрасным и нежным созданием во всем мире, и если что и отвлекало его во время работы, так это мысли о своей ненаглядной, которая ждала его дома. Однако, несмотря на их большую любовь, женщина все никак не могла забеременеть.

И так она мечтала о сынишке, что однажды пошла в лес и молилась там Богу, чтобы тот послал ей хотя бы одного. Именно в тот самый миг мимо проходил огромный-преогромный медведь, который, увидев одинокую девушку, закинул ее себе на плечи и утащил в берлогу. Разумеется, женщина не могла справиться с большим и сильным зверем, и, сколько бы она ни плакала и ни рыдала, он лишь весело насвистывал и нес ее дальше.

Спустя несколько часов медведь со своей ношей достиг вершины горы. Там в сырой и тесной пещере и находилось его жилище. Зайдя, зверь кинул рыдающую женщину на землю и раздраженно прорычал: «С этого дня ты будешь моей женой. Так что закрой рот, если не хочешь, чтобы мои челюсти

перекусили твою тонкую шею». После он завалил вход в пещеру огромным валуном и силой овладел несчастной.

Долго продолжались бесчинства медведя, и однажды женщина обнаружила, что беременна. Судьба сыграла с ней злую шутку: дитя в ее чреве появилось не от любимого человека, а от ужасного зверя. Девять месяцев спустя у женщины начались мучительные схватки. Медведь в тот день был на охоте, и ей пришлось справляться со всем в одиночку: изнуренная потугами и болью женщина родила на свет странного малыша. С виду он был человеком, однако все его тело покрывала длинная коричневая шерсть, которая делала облик ребенка нелепым и уродливым.

Малыш принялся хныкать, издавая назойливые неприятные звуки, и, вероятно, любая женщина просто-напросто оставила бы его в лесу, но наша героиня, несмотря ни на что, испытывала к нему материнские чувства, а потому взяла его на руки и, нежно укачивая, поднесла к груди. Медведь, скажем прямо, не обрадовался, узнав, что стал отцом, и стал обращаться с несчастной женщиной с еще большей жестокостью.

Малыш тем временем рос не по дням, а по часам и в один прекрасный момент стал еще крепче и волосатее. Медведь, казалось, совсем его не замечал, и забота о мальчике полностью легла на плечи матери: она рассказывала ему сказки и воспитывала его со всей любовью, несмотря на ужасную ситуацию, в которой она находилась. Женщина решила назвать сына Жаном: это имя с древних пор традиционно давали ребенку, чье появление на свет ждали долго. Спустя год после своего рождения малыш уже разговаривал, пусть и не слишком четко, однако можно было разобрать, чего он хочет. Мать была счастлива оттого, как он развивался и рос, и сын очень ее любил.

Однажды, вскоре после того, как ему исполнилось пять, Жан сумел откатить валун, что закрывал вход в пещеру. Наконец-то женщина вдохнула глоток свежего воздуха. На глазах у нее выступили слезы, оттого что она вновь видела окружавшие их пейзажи, которые слишком долгое время могла рассматривать лишь украдкой в щель.

— Что тут происходит?! — прогремел медведь, когда, вернувшись с охоты, увидел женщину с ребенком снаружи. — Как вы сумели выйти?

— Нечестно, что мама всегда находится внутри пещеры, когда тебя нет, — ответил ему Жан, сжимая кулаки. Впервые медведь удостоил взглядом своего сына, но в глазах зверя были лишь раздражение и отвращение.

— Все эти годы я думал, что, если буду держать тебя здесь, это избавит твою мать от желания сбежать, — прорычал медведь. — Теперь я вижу, что ошибался, но все еще можно исправить.

И с рыком, который сотряс целую гору, зверь, разинув свою пенящуюся от ярости пасть, бросился на Жана. В ужасе женщина закричала, уже представляя, как ее любимый малыш корчится на земле с зияющей раной на шее. Однако медведь недооценил силу своего сына. Как только зверь к нему приблизился, Жан остановил его, вцепившись в его разинутые челюсти. Медведь лапами ухватился за руки мальчика, но тот, не обращая на это внимания, просто разорвал звериную пасть, которая издала жуткий хруст напоследок. Затем Жан обхватил медведя за шею и быстрым резким движением сломал ее. На вершине горы воцарилась тишина, пока перепуганная женщина разглядывала бездыханную тушу, которая застыла на снегу. Ужасные звериные челюсти, столь долгое время бывшие ее мучением, теперь лежали сломанные и лишенные хоть какой-либо силы — женщина не могла поверить, что наконец-то свободна. Немного успокоившись, она начала спускаться по той самой тропке, по которой вот уже почти шесть лет назад нес ее на своей спине медведь.

— Куда ты, мама? — смущенно спросил у нее Жан.

В ответ она безмятежно улыбнулась ему.

— Пошли, сокровище, — промолвила она, — мы возвращаемся домой.

Все изменилось с тех пор, как жена покинула родной дом. Много раз плотник подумывал положить конец своему одинокому существованию, но еле слышный голосок постоянно нашептывал ему, что нельзя терять надежду. Ни тела жены, ни даже намека на ее гибель не нашли в лесу. Так почему бы не надеяться? Много лет плотник цеплялся за жизнь лишь благодаря убежденности, что его жена еще жива, однако, когда он увидел ее на пороге их дома, с той же улыбкой, что была на ее лице в день исчезновения, ему потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что это не обманчивая игра воображения.

Его супруга по-прежнему была красива, хотя и истощена от недоедания и жестокого насилия. Она выглядела словно полуразрушенная и заброшенная церквушка, все еще полная великолепных фресок дивной красоты. С радостью плотник принял внезапно вернувшуюся супругу и без лишних вопросов пустил покрытого шерстью крепыша. Чтобы полюбить малыша

как собственного сына, мужчине было достаточно узнать, что именно он и освободил его любимую жену. С того дня Жан обрел наконец-то отца, который играл с ним и выслушивал его. За несколько недель женщина благодаря сытной пище восстановила силы, а через какое-то время к ней вернулась и бодрость духа, однако душевные раны оставались еще глубокими — с тех пор она никогда не выходила из дома без мужа или сына.

Так прошло много лет, и Жан вырос настолько, что в пятнадцатилетнем возрасте был уже как минимум на две головы выше своего отца. Он стал хорошим парнем, прилежным и умным. Ему нравилось помогать отцу: благодаря своей нечеловеческой силе он с легкостью валил деревья, однако в плотницких делах был нерасторопен, вернее сказать, оказался совсем к ним не приспособлен. Порой, когда особенно тонкая работа не давалась ему, раздосадованного юношу охватывал гнев, и он начинал крушить всю выстроганную мебель вокруг и никак не мог унять свою ярость, пока его мать не начинала в отчаянии рыдать. Было очевидно, что Жану требовалось дело, в котором он смог бы применить свою недюжинную силу, так что плотник отправил его в лавку старого Гийома — лучшего кузнеца во всем графстве. Старик с радостью взял к себе крепкого и усердного юношу и был очень доволен, что тот поможет ему с самыми тяжелыми работами. Однако старый кузнец оказался куда более строгим и требовательным наставником, чем плотник. Оба — и Гийом, и Жан — были очень вспыльчивыми, поэтому нередко целыми часами вздорили друг с другом, пока не унимали свой норов или пока их желудки не начинали требовать еды. Несмотря на ссоры, Жан полюбил старика и проникся кузнечным делом намного сильнее, чем работой плотника. Однако часто во время отдыха юноша сидел и рассматривал видневшиеся вдали горы и размышлял, что, возможно, находится сейчас вовсе не на своем месте.

Однажды в кузню пришли двое юношей, которые хотели заточить мечи. Назвались они месье Дубакруш и Гороваль: первый был щуплый малый, с большим орлиным носом и облезлыми усами; второй же имел квадратное лицо и был намного выше товарища, но при этом казался сущим ребенком в сравнении с Жаном. Были они бродячими искателями приключений, которые шатались между поселениями в поисках славы и богатства. Юноши поведали кузнецам о своих удивительных подвигах и сообщили, что останутся на ночь на местном постоялом дворе, а наутро отправятся дальше.

— Эй ты, шар из меха, — прохихикал Дубакруш, указывая на Жана, — твои мускулы нам быгодились. Если захочешь к нам присоединиться, то знаешь, где нас найти.

Жан долго размышлял над словами незнакомца. Он никогда не думал, что его желание путешествовать может сбыться, но и мысль покинуть родные места тоже пугала его, поэтому он спросил совета у старого Гийома.

— Знаешь, я видел, как ты смотришь в окно, словно медведь в клетке, — отвечал старик. — Ты не для этого создан, Жан, ты лучший подмастерье, о котором я только мог мечтать, но тебе никогда не стать кузнецом. Тебе хочется отправиться в путь, и я вижу это в твоих глазах с самого первого дня, как ты здесь появился.

Жан медленно кивнул, задумчиво почесывая свои мохнатые плечи.

— Ладно, возьмемся за дело! — прервал его размышления старый кузнец.

— Но у нас же сейчас нет никакой работы, — удивленно возразил Жан.

— Хех, есть тут у меня одна, по-настоящему важная, — усмехнулся в ответ старик.

Целый день Жан раздувал кузнечные мехи, пока не опалил себе все плечи, а Гийом тем временем переплавил все самые редкие и ценные металлы, которые только были у него в закромах. Затем они дождались, когда получившийся сплав охладился, и старый кузнец стал стучать по наковальне до тех пор, пока не добился желаемого результата. К тому времени уже забрезжил рассвет, и Жан прикорнул на стуле, когда Гийом разбудил его и показал свое творение. Жан увидел перед собой палицу, такую огромную, что обычная дубинка могла показаться соломинкой в сравнении с ней. Она была плотная и необтесанная, будто вытянутый громадный кусок руды. Жан мысленно взвесил ее, а затем поднял одной рукой.

— Она весит восемьсот фунтов, — заявил Гийом. — Обычному человеку не поднять ее и после нескольких лет тренировок, но с твоей силищей для тебя это не проблема. С таким оружием ты сможешь одолеть даже дракона, но используй его с умом.

Жан крепко обнял старика и поблагодарил его от души.

— А теперь иди! — велел Гийом. — Если поспешишь, то еще застанешь тех лоботрясов на постоялом дворе. Тебе не стоит путешествовать в одиночку, так что эти оболтусы будут всяк лучше, чем ничего.

Обитатели лесных земель

— Спасибо, — ответил юноша, и слеза скатилась по его мохнатой щеке, — спасибо за все!

— Не за что! Я никогда не найду такого плечистого подмастерья, как ты, так что иди, пока я не передумал! — ответил старый кузнец.

Жан закинул дубинку на плечи и отправился по дороге, которая вела к родительскому дому. Когда мать узнала, что он решил покинуть родное селение, она не смогла сдержать слез, однако хороший родитель не станет мешать своему ребенку, так что в итоге она приняла его желание. Плотник же притянул его к себе и обнял: «Запомни, Жан: не все в этом мире добры и любезны. Твое тело крепче некуда, но там, где не спасут мускулы, на выручку придет смекалка. И в здравии, и в беде, ясно?»

Юноша кивнул и тоже обнял отца: «Я люблю тебя, папа».

— И я тебя, сынок! — ответил плотник.

Затем Жан вышел из дома и направился на постоянный двор, где увидел, что Дубакруш и Гороваль уже вышли и собирают в дорогу свои скудные пожитки. Они довольно посмотрели на него, а он в ответ спросил: «Приглашение еще в силе?» Путешествовать не всегда весело и увлекательно. Неопытным людям может показаться, что чудовища и сокровища торжественно ожидают за каждым поворотом, но в действительности все не так просто. Много дней путники скитались по лесам и рощам, без единого намека на приключение, и, хотя Жан был доволен уже тем, что мог восхищаться лесными зарослями и горами вокруг, его спутники изнемогали от скуки. Наконец спустя почти неделю троица заметила на горизонте заброшенный мрачный замок.

— Думаю, это отличное место, чтобы переночевать! — воскликнул Дубакруш. — А если нам повезет, то мы еще найдем в нем какие-нибудь спрятанные сокровища, которые только и ждут наших карманов!

Замок был построен из черных камней, которые придавали ему поистине демонический вид. Когда спутники подошли к входу, то обнаружили, что ворота распахнуты настежь, так что они без лишних трудностей вошли. Двор замка был широким и просторным, а в центре находился колодец с водой. Приятели вошли в главный зал замка и обомлели: все свечи горели, стол был изысканно сервирован, а ложа заправлены. И нигде не наблюдалось ни малейшего следа старости и разрушения. При этом в замке

не было видно и слышно ни единой живой души и, к огромному разочарованию Дубакруша, не обнаружилось никаких следов украшений и сокровищ.

— Темнеет, — заметил Жан. — Нам стоило бы разжиться едой, а то наши припасы уже заканчиваются.

— Отличная идея, — согласился Дубакруш, — уверен, что лес просто кишит дичью. Мы с Горовалем останемся сторожить замок, а ты займись охотой.

Жан равнодушно пожал плечами, взял свою дубинку и направился в лес.

— Да он совсем дурачина, — присвистнул Дубакруш, тыкая локтем Горовалю. — Свалим на него всю тяжелую работу, и наша жизнь станет легкой прогулкой.

— Будем надеяться, — отвечал его спутник. — С того момента, как мы покинули дом, мы только и делаем, что безуспешно шатаемся по свету, как два неудачника.

— Замолкни! Ты что, хотел бы, чтобы нас повесили на каком-нибудь дереве и вороны выклевали нам глаза? Нам и так повезло! Иди лучше растопи камин, а то тут, внутри, становится холодно, — приказал ему Дубакруш.

Гороваль, ворча, направился в центр зала к роскошному камину, который, как и все остальное, был убран и готов к использованию. Он попытался высечь искру, как вдруг вздрогнул от неожиданности: на дровах сидел маленький гном и злобно на него смотрел. У карлика была длинная серая борода до земли и обшитый золотом пояс, украшенный драгоценностями.

— Не знаю, кто вы такие, но предлагаю вам сейчас же убраться из моего замка! — завопил гном, и, судя по тону, он не потерпел бы никаких возражений.

Дубакруш с Горовалем недоуменно поглядели друг на друга, а затем расхохотались.

— Послушай, малыш, предлагаю тебе подыскать другое место, если не хочешь, чтобы... — Конец фразы застрял в горле Дубакруша, когда он увидел, что гном выпрыгнул из камина и тут же начал стремительно расти, через несколько мгновений упершись головой в потолок.

Гном, или, вернее, великан, издал мощный рев и потянулся руками к Дубакрушу с Горовалем. Но если в чем эти два храбреца и были хороши, так это в том, чтобы дать деру. Так что они мигом выскочили из дворца, будто два олененка, завидевшие волка. Жан был немало удивлен, когда увидел, как они несутся во всю прыть из ворот.

— Что стряслось? — с беспокойством спросил он.

— Гном, маленький... но затем он вырос! Сейчас он просто огромен! — с трудом глотая воздух, пытались объяснить запыхавшиеся приятели.

Юноша отдал им оленя, которого завалил своей дубиной, и тут же направился в замок. Приятели не обманули: в главном зале действительно находился великан, опоясанный самым изумительным и дорогим ремнем, который подмастерье кузнеца когда-либо видел.

— Еще один? — пробурчал гигант. — Скольких еще я должен обратить в бегство, прежде чем вы поймете, что я не отдам вам своих принцесс?

— Принцесс? — удивленно переспросил Жан.

— Марсельских принцесс, которых я похитил в прошлом месяце, — объяснил великан. — С тех пор вы, искатели приключений, не оставляете меня в покое!

Жан, который намеревался попросить прощения у великана за то, что они без разрешения вошли в его замок, неожиданно испытал приступ ярости. Мало что приводило его в такое же бешенство, как похитители. Словно порыв ветра, он проскользнул между ног великана и оказался на кухне. Чтобы тоже попасть туда через маленькую дверь и не разрушить весь замок, злодей был вынужден превратиться обратно в гнома, но, прежде чем он успел вернуть себе гигантский размер, Жан со всего размаха ударил его дубиной, да так, что у того все зубы разлетелись. Юноша сорвал со злодея пояс и кинул в огонь, поскольку предполагал, что в этой вещице и кроется волшебная сила. И Жан оказался прав.

— О доблестный воин, — захныкал гном, упав к ногам Жана, — прости меня, что не проявил к тебе должного уважения. За это я дарю тебе свой замок и...

— Можешь оставить замок себе. Скажи мне лучше, где принцессы, и больше никогда не приближайся к ним, — ответил Жан, оскалив зубы, отчего гном задрожал в испуге.

— Конечно-конечно, синьор, — запричитал он. — Они спрятаны в темницах на дне колодца. Вы можете спуститься туда на веревке, но, прошу вас, не причиняйте мне зла. Я хотел лишь немного повеселиться.

Парень ограничился взглядом, полным ненависти, а затем направился во двор замка, где рассказал обо всем своим любопытным товарищам.

— Наверняка там глубоко, — вздохнул Дубакруш, заглядывая в колодец. — Я туда не спущусь: у меня страх высоты.

— И я тоже! — эхом отозвался Гороваль. — Я боюсь темноты!

— Значит, пойду я, — ответил Жан, опоясал себя веревкой и нырнул во тьму.

Казалось, прошла целая вечность, когда он наконец-то коснулся ногами земли. Жан обнаружил себя внутри небольшого подвала, в котором размещалось несколько темниц. Все стены вокруг заросли плесенью, и запах сырости, проникая в ноздри, вызывал тревогу.

Внутри одной из темниц на гряде соломы спали три принцессы. Жан застыл в замешательстве: прежде он никогда не находился так близко к девушкам, за исключением матери, и не знал, как правильно себя с ними вести. Со всей нежностью, которая только была в его крепких руках, он принялся ласково гладить волосы одной из принцесс, показавшейся ему старшей, чтобы разбудить ее. Когда принцесса открыла глаза и увидела перед собой покрытое шерстью лицо Жана, она в ужасе закричала.

— Монстр! — разлетелся по всему колодцу ее крик.

— Нет, нет! Я не чудовище! — пролепетал Жан, ухватившись за свою бороду. — Знаю, что я не красавец, но я пришел вас спасти.

Старшая принцесса, у которой были длинные волнистые, словно бурное море, черные волосы, взглянула на него с опаской. Затем ужас понемногу ушел с ее лица.

— Просим у тебя прощения, доблестный рыцарь, — наконец произнесла она и сделала реверанс. — Меня зовут Эленуар, а это мои младшие сестры — Солин и Флоренс, законнорожденные дочери великого короля Марселя.

— А я — Жан. Сын своей матери и медведя... — Паренек замешкался, но тут же продолжил: — В общем, это долгая история, и я с удовольствием бы рассказал ее вам, однако прежде нам стоит выбраться отсюда. Ваши Высочества готовы следовать за мной?

— Конечно же! — ответила Эленуар, которую позабавил неуклюжий вид паренька.

Тогда Жан сообщил девушкам, что у колодца его ждут два товарища, которые, без сомнений, помогут им выбраться. Когда подошла очередь Эленуар подниматься, она запустила руку в складки своего платья и вытащила оттуда три шарика: один из стали, другой из серебра, а третий из чеканного золота.

— Это тебе, герой, — сказала девушка, отдавая шарики Жану. — За доблесть, что ты проявил, в отличие от своих приятелей. С этими шариками ты можешь сделать все, что захочешь, и сейчас я хочу подарить их тебе.

Жан поблагодарил ее за подарок. Он не понимал, как ему могут пригодиться эти шарики: они казались ему столь же красивыми, сколь и бесполезными, но отказывать принцессе было бы невежливо, поэтому он просто засунул их в карман. Затем юноша обвязал девушку веревкой и потянул наверх, и в этот самый момент Эленуар поцеловала его в мохнатую щеку. Жан сильно покраснел и не отрывая

глаз смотрел, как старшая принцесса поднимается в темноту, пока совсем не исчезла из виду. Наконец пришла и его очередь выбираться из колодца, и, пока юноша ждал, когда его товарищи сбросят ему другой конец веревки, он продолжал думать об Эленуар. Жан так и пребывал в своих размышлениях, пока вдруг не осознал, что ждет уже слишком долго.

— Дубакруш! Гороваль! — во весь голос закричал он из колодца и дернул за торчавшую веревку, которая тут же скользнула вниз и упала у его ног.

Друзья оставили его здесь, на дне колодца.

— Проклятые предатели! — в сердцах заревел Жан. — Они не просто проходимцы, а самые настоящие мошенники. А я еще и оставил им принцесс. Ну что я за растяпа!

— Кто это тут ревет? — раздался из мрака трескучий голос, и Жан разглядел странное создание в углу темницы.

Он приблизился к существу и еще лучше разглядел его, пребывая в полном изумлении. Перед ним стоял огромный орел с серым оперением и крючковатым клювом, но там, где должны были быть птичьи ноги и хвост, верхняя часть сменялась крепким туловищем льва.

— Что такое? Никогда не видел грифонов? — проворчало существо. — И прекрати на меня пялиться, в своем нынешнем состоянии я представляю собой не слишком приятное зрелище.

— Простите меня, — ответил Жан, — но у вас есть крылья, если я правильно вижу.

— Мои поздравления, юноша, — усмехнулся грифон, — зрение тебя не оставило.

— Вы могли бы поднять меня наверх, месье? — спросил Жан.

— Я с удовольствием сделал бы это, но уже не один десяток лет я прикован цепями и не могу разбить колодки, и... — начал объяснять грифон.

Одним взмахом палицы Жан разбил цепи грифона, тот даже не успел договорить фразу.

Обитатели лесных земель

— Проклятие, спасибо тебе! — произнесло дивное существо, в изумлении глядя на Жана. — Однако есть проблема. Я уже стар, мои крылья ослабли из-за недоедания: с тех пор как я оказался здесь, я не склевал ни одной крошки. Так что мне нужно немного мяса, чтобы подкрепиться.

Жан печально заглянул в свои карманы: у него не было с собой никакой еды, и здесь, внизу, вряд ли кого-то можно было поймать. Единственным, что грифон мог бы съесть, было...

— А это вам подойдет? — произнес юноша, вытягивая свою ногу перед грифоном, который не мог поверить своим глазам.

— Парень, ты уверен? — изумленно спросило существо.

— Если это наш единственный способ выбраться отсюда, тогда да, — ответил Жан.

Грифон поблагодарил его и очень осторожно вырвал острым клювом кусок мяса с голени Жана, издавшего стон боли, который раскатился по подземелью.

— Теперь залезай на меня, — сказал грифон, когда подкрепился. Жан перевязал рану на ноге и взобрался на его спину.

Грифон издал могучий крик и, сильно взмахнув крыльями, быстро поднялся в воздух, устремившись к поверхности колодца. Чувство свободы и наслаждение от щекотавшего перья ветерка переполняли грифона, и когда он выбрался вместе с Жаном наружу, то разломал ненавистный ему колодец.

— Отлично, парень! Куда теперь? — обратился он к Жану после этого.

— У меня есть одно незаконченное дело. Вы знаете, где находится Марсель? — произнес паренек.

— А кто же этого не знает? — ответил грифон и взмыл по направлению к морскому побережью.

— Отец, повторяю тебе еще раз: меня спас не этот мужчина, — тщетно объясняла королю принцесса Эленуар.

Обитатели лесных земель

— Ваша дочь выдумывает, сир! Там было слишком темно, вот она меня теперь и не узнает! — настаивал на своем Дубакруш.

Уже некоторое время они, стоя перед старым королем, спорили друг с другом, а тот глядел на них ничего не понимающим взглядом.

— Нас спас Жан-Медведь, а не вы — два бесхребетных труса, — упорствовала Эленуар.

— Да не существует никакого Жана-Медведя, Ваше Высочество, просто длительное заключение в подземелье, по всей видимости, на вас сказывается, — оправдывался Дубакруш. — Это мы спасли вас!

— Ах да? И где тогда изысканные шары, которые я вручила моему герою? — возмущенно спросила принцесса.

— Все, хватит! — проворчал раздраженный король: как это часто бывает с правителями, он затруднялся принять то или иное решение и единственное, чего он желал, так это поскорее отправиться в свои королевские покои.

— Я обещал отдать в жены одну из своих дочерей тому, кто вернет их мне. Эти два синьора пришли сюда с вами, так что, Эленуар, выбирай, за кого из них ты пойдешь замуж, и будьте счастливы! — провозгласил свое решение король.

Эленуар уже собиралась протестовать, как в воздухе раздался орлиный крик. Спустя несколько мгновений огромный грифон с шумом влетел в королевский дворец и грациозно приземлился в центре зала. И тут все увидели, что у него на спине, крепко вцепившись в серые перья, сидит странный юноша, покрытый шерстью.

— Жан! — Принцесса с радостным криком бросилась в его объятия. — Это он спас меня, отец!

Король посмотрел на заросшего шерстью крепыша: парень хромал из-за раны и держал на спине ужасающую железную палицу.

— Дочь моя, ты уверена, что это именно он? — спросил король.

— Жан, у тебя ведь остались три шара, да? — обратилась принцесса к юноше.

— Конечно! — ответил он и вынул из кармана ее подарок. — Тебе они нужны?

— Смотрите, отец! Это те самые! — закричала Эленуар, не обращая внимания на слова Жана.

Король безразлично пожал плечами.

— Полагаю, что у меня нет причин препятствовать вашей свадьбе, — произнес он.

— Свадьбе? — смущенно произнес Жан. — Что такое сва...

Однако он даже не успел закончить фразу, как принцесса страстно поцеловала его, и с того самого дня они всегда были вместе. А что касается Дубакруша и Горовая, то два плута снова получили возможность продемонстрировать свой лучший навык, то есть, проще говоря, они бросились наутек. И будьте уверены, что никто и никогда не расскажет ни одной истории об их ничтожных делишках.

Олени

Буйная царственность

Благородный, или королевский, олень — копытное животное, которое, конечно же, не нуждается в лишнем представлении. Свое научное название он получил за характерно приподнятую голову со стройной шеей и изящную походку: латинское слово *servus* («олень») связано с индоевропейским корнем *ker*, что значит «голова».

Олень присутствует в многочисленных мифах и легендах по всему миру и часто считается священным животным богов и носителем невероятных целительных сил, как физических, так и духовных. Иногда его описывают как величественного божественного скакуна, а иногда он предстает в негативном образе как зловредное и разрушительное существо. Однако в большинстве случаев олень символизирует величие и гордость. Грациозная походка, строгая осанка и изумительные рога на голове сделали его признанным королем леса.

Образ оленя богат символизмом, который тесно связан с инстинктивной силой и сексуальной энергией, но также со спокойствием и плодовитостью. Последняя характеристика связана прежде всего с его рогами, которые символизируют непрерывное обновление жизни, процесс смерти и возрождения. Действительно, олени рога меняются каждый год: они падают с головы, а затем весной вырастают заново, тогда как их размер показывает силу и возраст животного. Без сомнений, рога — самая впечатляющая и выдающаяся часть оленьей внешности. Из-за своей ветвистости они часто ассоциируются с солнечной энергией, а также с мировым деревом.

В скандинавской мифологии олень — одно из немногих животных, у которых было право кормиться листвой Иггдрасиля. У кельтов он был

связан с Кернунном — одним из самых важных богов пантеона — и являлся геральдическим символом великих правителей и военачальников. Часто обряд инициации для молодых наследников трона состоял именно в убийстве оленя, чьи рога потом с гордостью надевали как корону.

В средневековой геральдике олень являлся эмблемой самых могущественных и величественных королей. И хотя древние языческие ритуалы казались христианам чем-то низменным и отталкивающим, они тоже чувствовали это животное как представителя Бога и символ королевского достоинства. Олень считался символом Христа и главным врагом змея, который символизирует дьявола в христианстве.

Если мы вернемся еще дальше в прошлое, к временам саг о викингах и библейских легенд, то обнаружим частое упоминание оленей в греко-римской мифологии. Плиний Старший в своем труде «Естественная история» описывает их как спокойных и осторожных животных, которых притягивает пение. Огромная роль отводится оленям в греческих и римских мифах о богине охоты Артемиде (Диане в римской мифологии): вместе с кипарисом олень является одним из ее атрибутов.

Если охотник ранил или тем более убивал священного оленя Артемиды, его ждала ужасная кара. Четвертый подвиг Геракла (Геркулеса) заключался в поимке Керинейской лани с золотыми рогами для царя Еврисфея. Понимая, какое значение она имеет для Артемиды, герой сумел изловить животное, не проронив ни единой капли ее крови. Когда богиня узнала о случившемся, ее охватил гнев, но она оценила проявленное Гераклом уважение, простила его и позволила унести добычу с собой.

Куда меньше повезло фиванскому царевичу Актеону. Во время охоты он увидел обнаженную Артемиду, которая купалась в лесном озере. Сраженный ее красотой юноша тайно подсматривал за богиней, но привлёк к себе ее внимание, случайно наступив на сухую ветку. Разгневанная его похотливым взглядом Артемида превратила юношу в оленя, и позже Актеон в таком обличье был разорван на части собственными же охотничьими псами.

По одной из древнегреческих легенд, смерть оленя привела к появлению кипариса — дерева — символа траура и бессмертия души. В центре этой истории один из любимчиков Аполлона — юноша Кипарис, чьим верным спутником был прирученный олень. Во время охоты Кипарис по ошибке убил копьём любимого зверя. Охваченный горем Кипарис попросил у Аполлона, чтобы его слезы текли вечно, и тогда бог превратил юношу в высокое и величественное дерево, чья смола течет по стволу словно бесконечные слезы печали.

Популярность оленя не ограничивается только Европой. Коренные племена Северной Америки тоже придавали ему огромное значение и считали его тотемным животным, способным придавать мужества и силы для достижения целей.

Херн-Охотник

Во времена английского короля Ричарда II в графстве Виндзор находились роскошные охотничьи угодья. Именно туда монарх и любил заезжать на неделю-другую, чтобы насладиться оленьей охотой и пирами. К слову, тот лес населяла редкая порода белых оленей: шерсть у них была словно свежий снег, а рога блестели на солнце будто в позолоте. Целый гарнизон королевских егерей ежедневно следил за здоровьем и сохранностью тех оленей, ибо никто, кроме короля и его рыцарей, не имел права охотиться на них.

Главным егерем был Херн, высокий и отважный человек, верный как сторожевой пес и наблюдательный как орел. На его некогда черных висках уже начала проглядывать седина, однако, пока его тело старело, разум его становился день ото дня все яснее и мудрее. Конечно, с возрастом Херну все чаще требовался отдых, но службу свою он продолжал нести со всем усердием и строгостью. Капитан королевских егерей с непоколебимой решимостью руководил сворой псов даже в самых отчаянных ситуациях. Непостижимым образом он находил оленьи следы и шел по ним даже на труднодоступных участках леса, а если на его пути встречались волки, то Херн без малейшего испуга прогонял их, чтобы те не трогали оленей, принадлежавших королю. У Херна была особенная связь с лесом. Поговаривали, что происходил он из бедной семьи, которая долго жила в лесу, и смог стать королевским егерем только благодаря своим умениям. Не раз его подчиненные пытались побольше разузнать о его происхождении.

— Эй, капитан, в какой день ты появился на свет? — спрашивали одни.

— В каком городе ты родился, капитан? — допытывались другие.

Однако в ответ Херн лишь бубнил что-то невнятное и пожимал плечами.

— Да что вас это так волнует? Главное, что это я держу тут вожжи, так что возвращайтесь-ка лучше к работе, лоботрясы! — отвечал он и устремлялся в лес на своем черном как уголь жеребце.

Таков был старый Херн, однако, каким бы ни было его происхождение, никто никогда не сомневался в его слепой преданности английскому королю.

Одним угрюмым утром в конце октября король привычно явился в Виндзор, чтобы отдохнуть перед грядущими праздниками. Впереди его ждали действительно непростые недели, наполненные различными королевскими делами и хлопотами. Как только он прибыл в Виндзор, то тут же почувствовал неодолимое желание с головой окунуться в природу. Уже давно свежий ветер не ласкал его лица, так что Ричард ни на секунду не собирался задерживаться среди холодных и серых стен замка. Он тут же оседлал своего скакуна и приказал позвать Херна, отдыхавшего у себя в комнате. Бывалый охотник махом соскочил с постели, надел форму и сапоги и тут же явился к своему правителю, готовый умереть ради него.

— У меня нет желания брать с собой охрану, — промолвил король, — однако для своей безопасности я хочу, чтобы ты, Херн, сопровождал меня и оберегал мой путь. Прочеси лес и проверь, чтобы там не было злоумышленников или свирепых зверей, которые могут мне навредить.

Херн пробормотал что-то утвердительное и смиренно преклонил колено.

Итак, они сели на коней и отправились в лесную чащу. Поездка была спокойной, король, погружившись в мысли, рассеянно разглядывал окружающие заросли, а его спутник следовал за ним на должном расстоянии, подмечая любое дуновение ветерка. И вдруг, когда они пересекали поляну, на вершине холма появился огромный белоснежный олень с пышной шерстью, который метнул в сторону короля презрительный взгляд. Ричард не успел толком развернуться, как здоровенный зверь побежал прямо на него, выставив вперед свои гладкие рога, и топот его копыт гремел по земле раскатом грома. Пока олень мчался во весь опор, королю почудилось, будто время вокруг остановилось, и он понял, что ему уже не ускакать прочь от разъяренного зверя, чьи заостренные рога вот-вот вспорют его живот. Однако Херн не мог допустить, чтобы это произошло. Мигом он соскочил со своего коня и в отчаянном прыжке бросился наперерез лесному зверю.

Рога оленя воткнулись в тело старого охотника, который лишь издал сдавленный крик, и кровь человека брызнула на белоснежную шерсть зверя. Пребывая в ужасе от столь близкой гибели, Ричард понял, что его верный слуга пожертвовал собой ради него, однако король тут же прищипорил своего скакуна в страхе, что олень может снова напасть, и возвратился в замок.

Несмотря на смертельные раны, Херн позаботился о том, чтобы олень не стал преследовать короля: из последних сил старый охотник достал нож

и, пока зверь не вытащил рога из его тела, перерезал ему вену на шее. С мучительным стоном огромное животное рухнуло на землю, увлекая за собой егеря. Херн почувствовал, как его дыхание слабеет вместе с дыханием оленя, а их кровь смешивается. Слабая улыбка появилась на губах старого охотника. Он знал, что рано или поздно умрет, поэтому мысль, что он погиб, пожертвовав собой ради своего господина, приносила ему удовлетворение. Однако все происходило так быстро! Умереть в одиночестве и даже не получить ни единой благодарности за свою жертву... от этого ему стало горестно как никогда.

— Ох, ладно, — прошептал Херн, закрывая глаза, — пришел мой час.

— Это ты говоришь, охотник? — раздался голос, твердый как камень, но нежный и обволакивающий, словно мох.

Херн раскрыл глаза и попытался оглядеться. Раны его были тяжелыми, поэтому он толком не мог шевельнуться, однако все-таки сумел разглядеть фигуру, которая медленно приближалась к нему из лесного мрака. Лицо незнакомца скрывал глубокий капюшон из листьев и ветвей, а сам он опирался на тонкий посох. Странник был высоким и очень худым, а его грязные белые волосы были такими длинными, что несколько прядей падали ему на грудь.

Обитатели лесных земель

— А ты какого дьявола забыл здесь? — пробурчал Херн, еле сдерживая стон боли.

— Я лишь посланник, — отвечал незнакомец, — и пришел сюда, чтобы исправить кое-что.

— Исправить? — отозвался Херн.

Загадочный незнакомец склонился над бездыханным телом оленя и ласково провел рукой по его шерсти.

— На твоем месте должен был оказаться другой человек, Херн, — произнес он. — Человек, который уже много времени использует этот лес словно наложницу для своих увеселений, когда ему только вздумается!

Херн удивленно приподнял брови, и незнакомец продолжил:

— Целая толпа людей помогает ему поймать добычу, которую сам он не заслуживает! Он ни разу не показал, что достоин ее, а вдобавок набивает себе брюхо мясом священных оленей!

— Ты о короле Ричарде? — спросил Херн.

— Конечно, о Ричарде, но я не стал бы называть его королем, — отозвался странный незнакомец.

Под его серьезным взглядом Херн вдруг задумался. Он никогда не смотрел на происходившее с такой точки зрения.

— У тебя добрая и сильная душа, охотник, — продолжил незнакомец. — Не раздумывая ты кинулся на защиту этого жалкого человека, и это делает тебе честь. Однако убогий властитель не достоин даже твоего взгляда и бросился наутек, оставив тебя, окровавленного, умирать тут в одиночестве. Может быть, тебе пора спросить себя, ради кого стоило пожертвовать собой.

— Ох, перестань! — возмутился Херн. — Разве жизнь короля не важнее жизни простого егеря?

— Это зависит от конкретного короля, — прозвучал ответ. — Сомневаюсь, что этот отправит своих людей искать тебя. Он относится к вам как к марионеткам.

— В любом случае что сделано, то сделано. Уже слишком поздно читать морали, — ответил егерь, собравшись покончить с этим разговором, однако человек в капюшоне не собирался отступать.

— Никогда не слишком поздно, охотник, — промолвил он. — Рога оленя не смертельны, если промахнулись, а его дух не успокоится, пока не будет отмщен. Возможно, есть способ исцелить тебя от этой страшной раны.

— Правда? — спросил Херн, и его взгляд посветлел. До сих пор у него и мысли не возникало, что он может спастись, однако теперь забрезжила надежда, и он не желал отказываться от такой возможности.

Ему хотелось, чтобы король признал его доблесть, хотелось увидеть, как Ричард зарывает от радости, когда его преданный слуга вернется, и тогда можно было бы умереть с миром.

— Правда. Я никогда не лгу, — ответил загадочный человек.

— Но это же ложь! — воскликнул Херн. — Может быть, ты всего лишь видение или, чего еще хуже, демон из преисподней, который пришел за моей душой, кто докажет, что это не так?

Незнакомец звучно захохотал, и Херн почувствовал, как у него по спине пробежал холодок.

— Вы, христиане, такие забавные. Нет, я ничего не попрошу у тебя взамен: это олень хочет, чтобы ты жил, а я лишь хочу выполнить его волю. Нет тут ни условий, ни обмана, ты сам создаешь дьявола в своем разуме, Херн. В твоих глазах я могу казаться Сатаной собственной персоной, к которому я вообще не имею никакого отношения. Тебе решать, так что спроси себя, кому ты хочешь довериться.

Херн громко вздохнул. Он чувствовал, как слабеют и еще сильнее болят его члены, как затуманивается взгляд и все труднее собрать воедино мысли. Если еще можно что-то сделать, это нужно делать сейчас.

— Ладно, пусть будет так, Сатана ты или кто иной, — еле прошептал Херн. — Я не собираюсь умирать...

— Отличный выбор, охотник, — отозвался незнакомец. — И помни, что назад пути нет.

Все расступились перед ним, когда он вошел. Никто не задавал вопросов, ибо все они были его людьми. Некоторые из них пришли под его начало еще в юном возрасте, и он стал для них не просто наставником, а вторым отцом. Когда он подошел к королевскому столу, Ричард едва не поперхнулся куском, который жевал.

— Сир, я не заметил, чтобы вы отправили людей на мои поиски, — проговорил вошедший, удивившись, что его голос звучал теперь куда более хрипло, чем обычно.

— Кто ты такой, черт возьми? — воскликнул король.

Станный вопрос: это по-прежнему был он — старый Херн. Длинноволосый, в кожаной куртке и с ножом за поясом. И все с тем же спокойным выражением лица человека, который знает себе цену. Единственное, что не на шутку встревожило короля и привлекло внимание всех вокруг, — это огромные оленьи рога, которые возвышались над головой егеря Херна.

— Вы не ответили на мой вопрос, сир, — настойчиво проговорил охотник.

— Что, прости? — в недоумении спросил король.

— Почему вы не отправили людей, чтобы найти меня? — повторил свой вопрос Херн.

Король вытаращил глаза, а его гладковыбритые нежные щеки побагровели еще сильнее. Впервые Херн заметил, каким уродливым было лицо его правителя. В груди старого охотника стучала слепая ярость: верность уступала место рассудку и новому чувству дикой злобы. Наконец-то Херн осознал, кем на самом деле был король, ради которого он пожертвовал своей жизнью.

— Чего ты ждал, егерь? — пренебрежительно промолвил Ричард. — У того оленя был странный взгляд, будто в него вселился демон, и что я должен был делать? Потерять остальных людей, чтобы вернуть бесполезный труп?

— Сдается мне, что вы повернулись ко мне спиной и удрали прочь, даже не убедившись в моей гибели, — проговорил Херн.

— А мне кажется, что тому, кого проткнули насквозь, уже точно конец! — в раздражении воскликнул Ричард.

— Странно, но ведь я здесь и говорю с вами, или я ошибаюсь? — прохрипел охотник.

Король прикусил язык.

— Это все колдовство! Демон, что жил в олене, теперь вселился в тебя! Уверен, что ты продал свою душу в обмен на жизнь, проклятый нечестивец!

— Я прожил свою жизнь для вас, сир, но, кажется, в ваших глазах я всего лишь бесполезный труп и не более того, — сурово проговорил Херн. — Я не продавал свою душу, и единственной причиной, по которой я вернулся сюда, было желание услышать от вас слова благодарности, после чего я оставил бы вас в покое.

— Ты хочешь благодарности? И за что же? Это ты должен благодарить меня: твоя мать была шлюхой-язычницей, однако мой отец Эдуард все же взял тебя под свою защиту. С годами ты стал добрым христианином, и твои умения были достойны похвалы, но я знал, что рано или поздно грязная кровь матери даст о себе знать.

В зале воцарилось молчание. Никто не имел мужества произнести и слова, и даже ветер прекратил метаться между стен. Затем король, дрожа от страха, снова увидел перед собой того ужасного белого оленя с глазами Херна, его рога теперь тоже принадлежали ему.

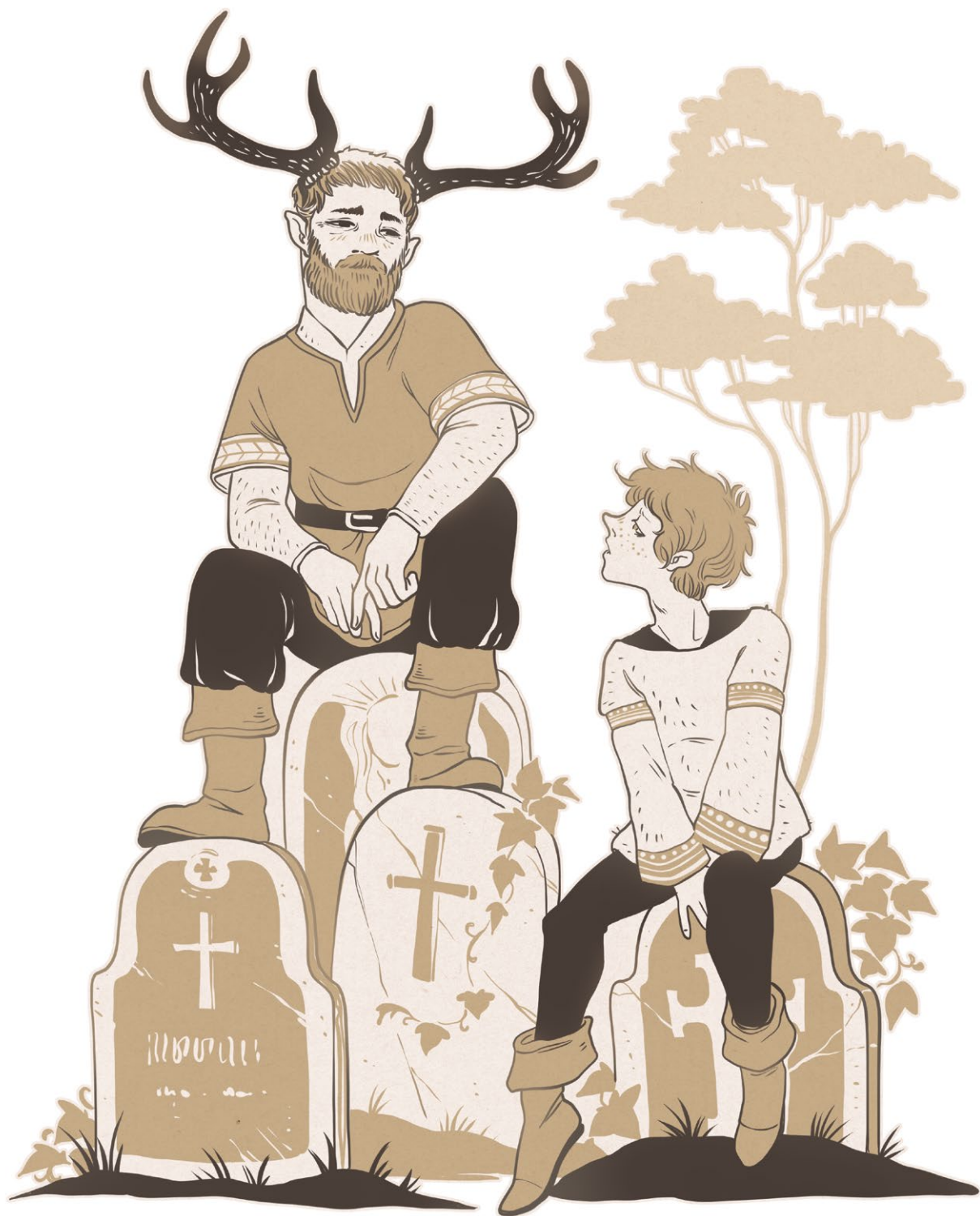
— Не смотри на меня так! — завопил в истерике монарх. — Убирайся вон, ты не достоин находиться здесь в моем присутствии, чудовище!

— Вы сделали свой выбор, сир, — вздохнул Херн и вышел из зала, и его плащ развевался на ходу, хотя вокруг по-прежнему не было ни единого дуновения ветерка.

Рядом с Виндзорским замком, на мрачном крутом холме, располагалось маленькое кладбище. Там поколение за поколением хоронили усопших королевских егерей, и могильные плиты оберегал огромный столетний дуб. Там Херна и нашли. Висящим на дереве, с веревкой на шее, рогами, доходившими до самых верхних ветвей, и застывшими глазами. Будто он всегда здесь и был.

Охотники предложили снять тело и предать его земле, однако король был категоричен: он не желал, чтобы хоть кто-нибудь прикасался к труп Херна, который не заслуживал быть похороненным среди христиан. К тому же колдовство, жертвой которого стал главный королевский егерь, могло оказаться заразным. Король решил, что пусть лучше Херн так и висит на дубовой ветви, где его глаза выключат вóроны, в назидание другим охотникам, чтобы те впредь не теряли уважение к Господу Богу и своему правителю. В ту ночь рев белых оленей ни на мгновение не утихал над Виндзором, и было в нем столько мрачного отчаяния, словно то выла целая армия обезумевших духов-баньши. И король Ричард до самого рассвета не смог сомкнуть глаз.

Вильгельм никогда не был хорошим охотником. Ему было чуть больше шестнадцати: все лицо в прыщах, одежда изношена, кривые ноги и ловкость, сравнимая разве что с ловкостью катапульты. Когда он передвигался по лесу, его можно было услышать в другой части Англии, поэтому его в основном и держали в самом замке, где он ухаживал за конями. И, честно говоря, эта работа ему совсем не нравилась. Все знали, что он ни на что не годен, и не упускали случая подтрунить и поглумиться над ним, но Вильгельм был вежливым, скромным и послушным пареньком, так что охотники к нему привязались. На рассвете следующего дня после того, как нашли тело Херна, Вильгельм проснулся раньше всех и, вооружившись громадной лопатой, направился на вершину кладбищенского холма.

Обитатели лесных земель

— Уф, это меня совсем не устраивает, — повторял он сам себе, пока брел по тропинке. — Сначала они говорят: капитан — молодец, нужно слушаться капитана. А теперь оставляют его там на веревке, и все надули в штаны от испуга из-за двух оленьих рогов. Плевать, что скажет король, я желаю Херну добра, и никто больше него не заслуживает быть погребенным на том егерском кладбище!

Неожиданно с дерева сердито прокаркал ворон, который раздраженно следил за пареньком, что вторгся на его территорию и уже наделал столько шума. Вильгельм не был бесстрашным воином и, испуганно вскрикнув, выронил лопату из рук прямо в грязь.

— Глупая птица! — выругался паренек и уже собирался нагнуться за лопатой, как застыл на полпути с распахнутым от изумления ртом.

Перед ним на надгробном камне сидел Херн и спокойно рассматривал замок вдаль. В какой-то момент старый охотник повернулся к Вильгельму и улыбаясь посмотрел на него.

— Закрой-ка рот, парень, или туда залетят мошки, — ворчливо произнес Херн.

— Но... вы... вы призрак? — еле пролепетал Вильгельм.

— Я бы так не сказал, по крайней мере, не совсем, — ответил старый охотник.

— Но я видел вчера: вы висели здесь на дереве, Богом клянусь!

— О, это было подтверждение, не более.

Затем бывший глава королевских егерей сделал Вильгельму знак сесть рядом с ним, и парень тут же подчинился, как поступал всегда.

— Смотри, я осознал, что провел целую жизнь, служа хозяину, который меня не заслуживал, и, к счастью, я встретил того, кто открыл мне глаза на это. Однако я остался на половине пути и должен был подтвердить свою смерть, поэтому и повесился на дереве. Теперь Херна, королевского егеря, больше не существует, а остался только Херн-Охотник, — объяснил старый егерь.

— Не знаю, правильно ли я все понял, — ответил паренек, почесывая голову.

— Не важно! — произнес Херн, дотрагиваясь до своих рогов. — Главное, что сейчас я живой как никогда и устал молчать.

Вильгельм всегда все делал без лишних слов, ему было проще подчиняться приказам. В первый раз глава егерей говорил с ним в такой искренней и дружеской манере, и это не на шутку смутило паренька.

— Сэр, вы хотите, чтобы я что-то сделал? Вы отдадите мне приказ? — спросил он Херна.

— О нет! — усмехнулся старый охотник. — Больше никаких приказов! Ты разве не понял, что я больше не королевский егерь? Однако если ты меня слушаешь, я хотел бы кое-что у тебя попросить.

— Конечно же, сэр! — воскликнул Вильгельм. — Все, что пожелаете, сэр!

— Тогда возвращайся в замок, парень, и сообщи охотникам, что старый Херн не оставил их!

Наутро того же дня король решил покинуть замок. После бессонной ночи у него под глазами появились мешки, похожие на шампиньоны, которые придавали его лицу совсем не царственный вид.

— Я больше ни на минуту не задержусь в этом месте! — буркнул он за завтраком.

Он приказал как можно быстрее собрать карету, многочисленные вещи и гвардию. Через час все было готово, и король вызвал к себе Якоба, заместителя капитана егерей, который после смерти Херна занял его место, хотя и чувствовал себя на этой должности очень неудобно.

— Хочу, чтобы вы, охотники, сопровождали меня, пока мы не выедем из леса, — властным тоном приказал Ричард.

— Но, сир, у вас же целая конная гвардия, — поглаживая усы, уточнил Якоб. — Вы и правда хотите, чтобы мы оставили замок без присмотра?

— Моих солдат мало, слишком мало, — отвечал Ричард. — Этот лес больше не безопасное место, и все это ваша с Херном вина! Надеюсь, вы, Якоб, сможете поддерживать здесь куда более жесткую дисциплину. Я не потерплю злых духов в моих владениях.

Обитатели лесных земель

— Вы, случайно, не считаете меня тем, кто может изгонять демонов? — уточнил Якоб.

— Я считаю вас моим человеком, который выполняет мои приказы! — раздраженно ответил король. — Что за сарказм и споры, когда я говорю! Вызовите остальных егерей и приготовьте собак, болван!

— Да-да, сир, — проворчал Якоб, который не мог дожидаться, когда король наконец-то уберется отсюда.

Чуть ранее Вильгельм сообщил ему, что встретил Херна, живого и невредимого, на кладбище и тот попросил его передать это известие другим егерям. В ответ Якоб запретил пареньку пить пиво на рассвете, однако помаленьку и сам начал мечтать, чтобы Херн вернулся.

— Ты ведь видел его на том проклятом дубе, — разговаривал сам с собой Якоб, пока звенящий колокол возвещал о сборах и гончих псов спускали с цепей. — Я верю в чудеса, но это уже слишком!

Когда егеря и псы были готовы, длинный кортеж наконец выдвинулся из замка. И тут внезапно на окрестности спустился туман. Якоб заметил его, и все охотники тоже. Еще несколько минут назад видимость была превосходной, а теперь даже очертания деревьев угадывались с трудом. Затем охотники услышали его: словно грохот водопада, но такой сильный и так близко, что заглушал все вокруг.

— Какого черта здесь происходит? — заорал король, высунувшись из кареты.

— Топот копыт, — прошептал Якоб, затем шум внезапно прекратился, и туман стал рассеиваться.

И тут все увидели, что окружены огромным стадом белых оленей. И среди них, будто черная бабочка на заснеженной равнине, выделялся скакун смоляного цвета, величественно продвигающийся между животных. На его спине восседал Херн, чьи рога были видны издалека, а волосы и плащ развевались на ветру. Рядом с всадником шел человек в капюшоне и мрачно улыбался.

— Я же говорил! — закричал Вильгельм, едва не свалившись с коня от радости.

Якоб не верил своим глазам.

— Спустите собак! Прогоните этого ублюдка с моей земли! — в гневе закричал Ричард.

Однако никто из охотников даже не шелохнулся. Даже конные гвардейцы пребывали в нерешительности.

— Извольте, — засмеялся Херн, наклоня голову, — это мои псы. Это мои люди. Вы считаете, что можете напустить их на меня будто своих марионеток? Здесь правлю я. Я жил и вырос в этом лесу, пока вы занимались своими делами. Поэтому я уточню: это — моя земля, Ваше Величество.

— Да ты не только проклятая душа, но и грязный предатель, Херн! — завопил король.

— О нет, это ваше звание, — возразил охотник. — Я дал вам жизнь, а вы отплатили мне смертью и презрением. Королю-Оленю я принес смерть, а он отплатил мне новой жизнью.

Человек в капюшоне улыбнулся, и олени вокруг затопали копытами.

— И чего ты хочешь? Убить меня? — спросил король, и его голос становился все тише и тише.

— Напротив, Ваше Величество, — отозвался Херн, — меня не интересует ваша смерть. Я думаю, что куда увлекательнее будет наблюдать за вашей жизнью. Судьба накажет вас куда суровее, чем мог бы наказать я! Запомните мои слова, как если бы их вам сказал сам дьявол: вы умрете в одиночестве, без наследников, ненавидимый вашим же народом. Отныне для вас не будет больше покоя.

— Зачем ты тогда пришел сюда? — осеняя себя крестом, произнес король.

— С известием. Забирайте своих людей и уходите отсюда. Покиньте навсегда Виндзорский лес. Если хотя бы раз вы осмелитесь сунуть свой грязный нос сюда, то мой нож тут же вспорет вашу жирную

Обитатели лесных земель

шею. И никто не похоронит вас и даже не повесит на дереве, никто не найдет ваше остывшее тело, потому что мои олени истопчут его до такой степени, что оно будет неотличимо от грязи, — промолвил Херн.

Король побледнел, еле сдерживая рвоту. Он хотел что-то возразить, но Херн остановил его.

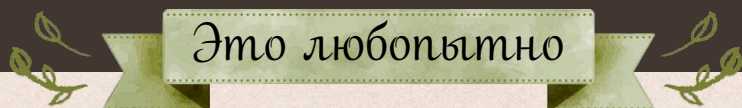
— Это не просьба, сир, это приказ! — голосом, не терпящим возражений, прогремел охотник. — Убирайтесь отсюда, пока я не передумал!

Как только король сделал знак извозчику, олени расступились, и карета помчалась вперед словно вихрь. Херн, человек в капюшоне и охотники провожали ее взглядом, пока она вместе со всем кортежем не скрылась за горизонтом.

— А теперь, мой... сэр? — неуверенно спросил Якоб. — Что делать теперь?

— Кто что захочет. Каждый из вас волен уйти, я больше не ваш капитан, — ответил Херн.

Однако никто не сдвинулся с места, никто не ушел. Все с почтением смотрели на Херна, ожидая его указаний. С того дня больше не требовалось ни слов, ни приказов. Долгие годы Херн и его люди охраняли покой Виндзорского леса, пресекая любые попытки вторгнуться в него, и по сей день в тех местах можно услышать эту историю, а еще говорят, что и сейчас можно увидеть, как по лесу проносится дикий отряд во главе с легендарным охотником, чьи рога, величественные и могучие, как у древнего бога, блестят в лунном свете.

Первые письменные упоминания о Херне-Охотнике относятся к 1597 году и встречаются в пьесе Уильяма Шекспира «Виндзорские насмешницы». Невозможно определить, был ли знаменитый драматург вдохновлен некой местной легендой или сам придумал этого героя.

Вероятно, имя Херн, упоминаемое Шекспиром, происходит от английского прилагательного Horned («рогатый», «имеющий рога»).

Король Ричард II был реальным историческим персонажем, а его смерть действительно можно назвать трагичной: у него не было наследников, народ его ненавидел, а английский парламент осудил его на пожизненное заключение, которое бывший монарх отбывал в замке Понтефракт, где он и умер в голоде и нищете.

Птицы

Вестники свободы

Среди всех животных, которые населяют нашу планету, птицы — единственные существа, способные парить в небесах. Люди часто завидовали их умению, ведь полет — это свобода и величие. Оторваться от земли означает вступить в контакт с божественными силами и возвысить свой дух над обычным миром. Желание, которое иногда может казаться взвешенным и мудрым, а порой высокомерным и эгоистичным.

Многих мистических и могущественных существ люди представляли с птичьими чертами, как, например, ангелов или Святой Дух в христианстве. Однако такие же особенности были и у Ра, бога-сокола древних египтян, или орла Юпитера, символа превосходства Римской империи. Орел был изображен и на имперской монете, августале, которую ввел в оборот Фридрих II, правитель Священной Римской империи. Многие птицы постоянно мигрируют, проводя лето в более холодных странах, а зиму — в более теплых. Эти перелеты, повторяющиеся из года в год, привели к тому, что некоторые народы стали связывать с птицами наступление определенного времени года.

Бенну — древнеегипетская мифическая цапля, воплощение великого бога Ра. В Египте возвращение первой серой цапли в феврале означало наступление весны, тогда как ее отлет указывал на скорый приход зимы. Именно из-за такой циклической миграции Бенну считался символом смерти и возрождения, он обладал даром бессмертия, который позволял ему бесконечно воскресать из бездыханного тела. Древнегреческий историк Геродот упоминал о Бенну в своих трудах, однако изменил его имя

на Foīnix, которое впоследствии было латинизировано и стало звучать как феникс. Бенну был связан с разрушительной и созидательной силой воды, но Геродот, напротив, объединил его со стихией огня. Древнеегипетская мифическая птица в итоге утратила свой первоначальный облик цапли, став похожей на волшебного разноцветного орла.

Если к одним птицам люди относились как к величественным и очаровательным созданиям, то других они, наоборот, считали вестниками несчастий и причиной сглаза. Вторых обычно связывали со смертью, как, например, воронов или стервятников. Стервятники действительно парят в небесах над умирающим животным, готовые поживиться его останками, поэтому их присутствие считалось плохим знаком. А мрачный и пугающий вид этих птиц только укреплял подобные поверья.

Что касается воронов, то в Средние века европейцы стали связывать их с дурными предзнаменованиями, хотя прежде ни в кельтской, ни в скандинавской традиции эти птицы не несли никакой негативной символики. Именно с их помощью викинги ориентировались в открытом море: если ворона выпускали с судна и он возвращался, значит, до суши было еще далеко. Ворон был священной птицей Одина, верховного бога в скандинавском пантеоне, а дети великого военачальника Рагнара Лодброка использовали его образ в качестве эмблемы на своих гербах.

Со временем человек благодаря своему гению сумел создать и отправить в небесные просторы гигантские крылатые машины. Однако полет никогда не станет естественной частью его жизни, а потому люди по-прежнему будут с завистью наблюдать за свободными взмахами птичьих крыльев в облаках.

Сова Афины

Богиня знаний, искусства и военной стратегии, Афина, без сомнений, одна из самых важных и известных фигур олимпийского пантеона. Она родилась прямо из головы Зевса, который, ощутив сильную боль внутри черепа, попросил Гефеста вскрыть его молотом; и тогда из мозга появилась на свет Афина. Всегда с копьем и под защитой несокрушимой эгиды и магического щита, эта богиня покровительствует самым блистательным дисциплинам: философии, богословию, юриспруденции и военному делу. Не жестокой и кровавой войне — родной стихии бога Ареса, но стратегической и расчетливой, которую ведут великие полководцы. Куда бы ни отправлялась и что бы ни делала Афина, ее всюду сопровождает сова с широко раскрытыми глазами, восседающая на ее плече или шлеме.

Своеобразная форма совиной головы сильно напоминает букву ϕ (phi — «фи») — ту, что стоит первой в греческом слове «философия». Эта же буква является символом золотого сечения — постоянной величины в архитектурных, анатомических и художественных пропорциях, которая, согласно эстетическим представлениям, создает видимую гармонию для человеческого разума.

Неслучайно богиня мудрости выбрала в качестве своего атрибута и спутницы именно сову. Кроме того, сова — ночная хищница, которая благодаря своему невероятному зрению легко перемещается даже в кромешной тьме. Разве можно придумать лучшую метафору для знания, которое прокладывает себе путь в мрачных сумерках невежества?

Феникс

Если вы когда-нибудь увидите феникса, считайте, что вам крупно повезло. Это могучее и величественное создание, похожее на орла-беркута в красном оперении с золотыми узорами, которые отражают солнечный свет и придают его облику ослепительный вид. У него длинный тонкий клюв и глаза с переливчатой радужкой. Иногда по его перьям пробегают искорки, и если бы в это мгновение вы могли дотронуться до него, то ощутили бы приятное тепло, исходящее от его тела. Вы никогда не увидите феникса, который ищет плоды или охотится на животных, потому что питается он только фимиамом и душистыми смолами, поэтому его тело источает пряный аромат. Перья феникса — редкий и невероятно дорогой товар не только из-за своей красоты, но и из-за присущих им запаха и цвета.

Главное, что отличает феникса от всех остальных тропических птиц, — это его способность воскресать из мертвых. Тацит рассказывал, что каждые пятьсот лет жизненный цикл феникса завершается. К этому времени птица начинает готовить удобное гнездо в форме яйца, набивая его бальзамическими растениями и ароматными цветами. После она залезает внутрь и высвобождает из своего тела пламя, которое поджигает гнездо вместе с ней. Когда феникс сгорает, от него остается лишь горстка пепла, под которой вызревает яйцо, и спустя всего лишь три дня из него вылупляется новый феникс, еще чудеснее предыдущего, способный тут же взмыть высоко в небеса. Жизнь этого существа неугасима, как его пламя: волшебная птица продолжает проживать эпоху за эпохой в бесконечном цикле смерти и возрождения. Именно поэтому феникс редко вмешивается в человеческие дела, глядя на мир смертных с безразличием и чувством превосходства.

В новелле Нила Геймана «Птица солнца» повествуется об эпикурейском кружке времен Древней Греции, члены которого решили попробовать на вкус живое существо каждого вида, в том числе и волшебных созданий, например феникса. Они поймали мифическую птицу и попробовали ее мясо, после чего начали происходить ужасающие вещи.

Хугин и Мунин

Главное оружие в мире — это не самый быстроходный корабль и не самый острый клинок. Информация и контроль над ней — вот то оружие, которое сделает тебя непобедимым. И Один понял это намного раньше простых смертных.

Бог мудрости, конечно, не сам добывал информацию: у него было два ворона — Хугин и Мунин, чьи имена в переводе означают Мысль и Память. Каждый день эти изумительные птицы, черные как смоль, с рассвета и до заката летали над девятью мирами. Вечером они возвращались к Одину и рассказывали ему обо всем, что видели и слышали во время полета; так Отец богов узнавал, чем занимались его друзья и враги.

Не только Хугин и Мунин были наблюдателями Одина, но и все вороны мира, которые верно служили верховному богу, прозванному по этой причине Властелином воронов.

Вороны питаются падалью, и в прошлом нередко можно было наблюдать, как черные стаи налетают на заброшенные поля сражений и жадно клюют останки погибших. Считалось, что именно вороны провожают души самых храбрых воинов из земного Мидгарда в небесные залы Вальгаллы, где те должны были пировать вместе с самим Одинем, дожидаясь дня, когда наступит конец времен.

Сон Энгуса

Если дни становятся короче, а листья, словно желтые слезы, непрерывно падают с деревьев, значит, скоро время Самхейна — самой темной и пугающей ночи в году. В это время границы между земным и потусторонним мирами истончаются, так что духи, волшебные существа и прочие создания, чьи имена лучше не произносить вслух, беспрепятственно бродят по лесам.

Много лет назад, во время одной из таких ночей, юный Энгус увидел странный сон, куда более реалистичный, чем обычно: дева с каштановыми волосами пристально глядела на него, сидя на валуне на берегу озера. Энгус был настолько поражен и очарован ее красотой, что захотел во что бы то ни стало прикоснуться к незнакомке, однако, как он ни пытался, так и не смог ни пошевелиться, ни сдвинуться с места, ни даже издать хоть какой-нибудь звук. Очнувшись ото сна, Энгус испытал такую печаль, что даже не смог заставить себя подняться с постели.

С того самого дня стоило Энгусу заснуть, как он вновь видел на берегу озера ту же девушку и не мог даже окликнуть ее, и каждый раз, просыпаясь, он ощущал такую горечь на душе, что с трудом поворачивался на другой бок. Так продолжалось целый год. Когда его мать Боанн, речная богиня, узнала об этом, она позвала лекаря Фингена, чтобы тот осмотрел ее сына. Финген был самым знаменитым лекарем во всей Ирландии: с помощью трав он мог избавить от любой болезни, будь то лихорадка или воспаление, однако ни один из его целительных отваров не вернул бодрости и жизни несчастному Энгусу. Лекарь еще внимательнее осмотрел пациента и пришел к выводу, что проблема кроется в расстройстве чувств. Тогда он задал Энгусу несколько вопросов, чтобы лучше понять, что происходит.

— Ваш сын влюблен, — заявил он наконец матери Энгуса, чем привел ее в замешательство.

— Влюблен? — переспросила она. — Но почему же это приносит ему такую боль? Энгус прекрасен и силен, и ни одна девушка не осмелилась бы отвергнуть его!

— Ох, да потому, что речь идет не о простой девушке, — начал объяснять Финген. — Уже какое-то время бедный юноша видит во сне чудесную деву, до которой не может дотронуться. Ему неизвестно ни ее имя, ни ее происхождение. Когда Энгус просыпается, его охватывают нескончаемая любовная тоска и разочарование, лишающие его жизненных сил!

Боанн долго размышляла над словами Фингена и, видя, в каком состоянии находится ее сын, в конце концов решила отправиться на поиски озерной деви, которую так сильно воцделел Энгус. За год Боанн исходила всю Ирландию вдоль и поперек. Она обошла все известные ей озера и расспросила всех, кого только встретила на своем пути, но так и не нашла загадочную девушку. Безутешная богиня решила тогда обратиться за помощью к Дагде — отцу Энгуса. Дагда был хранителем самых потаенных секретов друидов. Он бродил по Ирландии с длинным посохом, один конец которого приносил смерть, а другой воскрешал из мертвых. Велика была его сила, и огромна была его мудрость, так что когда он узнал о печалях своего сына, то решил помочь ему. Дагда обратился к королю Бодбу, самому мудрому из всех правителей, чтобы тот помог ему найти место, где живет таинственная дева. Бодб откликнулся на просьбу, однако попросил дать ему на поиски целый год. Так колесо года совершило еще один оборот, и, когда пришел назначенный срок, Бодб позвал к себе Энгуса.

— Мои поиски длились очень долго, но в конце концов я нашел твою возлюбленную, — произнес король.

— Правда? — воскликнул юноша, почувствовав, как в нем вновь просыпаются жизненные силы.

— Конечно, — ответил Бодб, — и я могу тебе ее показать, однако больше я не в силах помочь, и ты должен довольствоваться этим, понятно?

Энгус не стал задавать лишних вопросов и молча кивнул, тогда Бодб поджег несколько травинок, и воздух в комнате наполнился плотным дымом, который застилал глаза. Когда взгляд Энгуса полностью затуманился,

пространство вокруг начало понемногу проясняться, и с огромным удивлением юноша обнаружил, что находится прямо перед тем самым озером, которое каждую ночь видел во сне. На берегу он увидел сто пятьдесят девушек, прекрасных, как весенние цветы, и все они были связаны друг с другом серебряной цепью.

— Ты мог бы сказать, кто из них та, что снится тебе? — вежливо спросил король Бодб у юноши.

— Она. — Энгус без колебаний указал на одну из девушек, которая была для него единственной и неповторимой. — Я узнал бы ее даже во тьме!

— Понятно! — промолвил король. — Вижу, что твои чувства искренни.

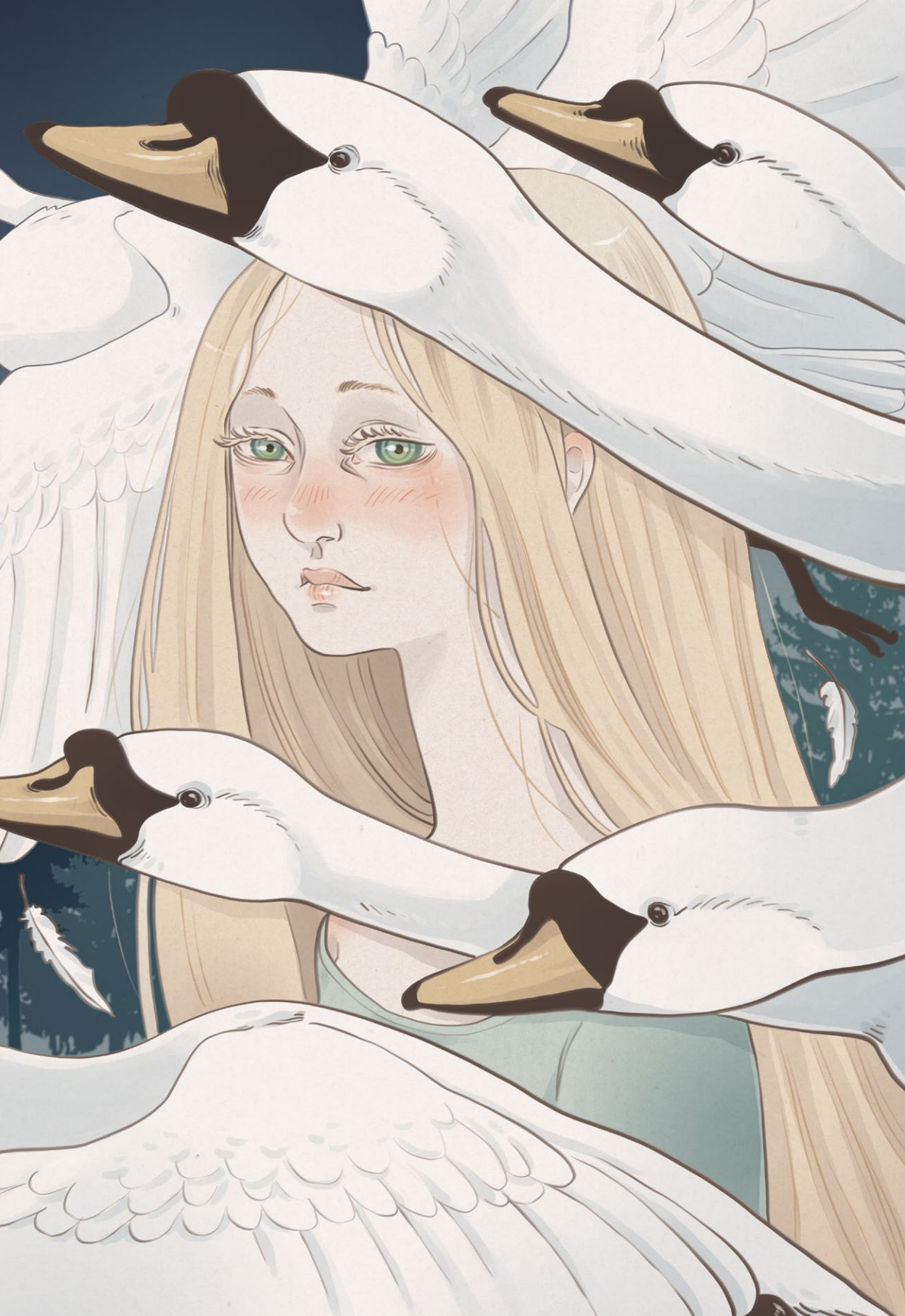
— Конечно, они искренни, — воскликнул Энгус, — и я уверен, что она ответит мне взаимностью, позвольте мне лишь представиться ей!

— О нет! Я сказал тебе, что это невозможно, — проговорил Бодб, пока видение растворялось вместе с дымом перед огорченным Энгусом. — Знай, что юную деву зовут Каэр Ибормейт, она дочь Этала Анбуайла, короля сида Уиан в Коннахте. Чтобы жениться на ней, тебе нужно получить его согласие, однако никто из нас не властен над ним, и, кажется, он уже отверг немало претендентов на ее руку и сердце.

Энгус и Бодб долго размышляли, взвешивая различные варианты. Наконец они решили обратиться к двум другим правителям Коннахта, Айлиль и Медб, — единственным, кто имел влияние на короля Этала. Оба были весьма великодушными, а потому наверняка не отказались бы принять Дагду — отца Энгуса. Король Айлиль и королева Медб с интересом выслушали историю Энгуса и согласились отправить послание королю сида Уиан.

— А пока будьте нашими желанными гостями! — предложили правители, и Энгус, Бодб и Дагда с радостью приняли их приглашение.

Следующие дни прошли в безмятежном спокойствии, и Энгус расслабился, потому что был уверен, что скоро случится то, о чем он так долго мечтал, и он обнимет свою ненаглядную. Спустя почти неделю вернулся гонец. И не было у него хороших известий для ожидавшего его Энгуса. Король Этал не стал даже слушать посланника: стоило тому произнести имя королевской дочери, как сразу же он был изгнан из дворца.

— Это серьезное оскорбление! — произнес Дагда.

— Да, — эхом отозвалась королева Медб, — таким поступком Этал поставил под сомнение нашу власть.

— Я собираю войска! — промолвил король Айлиль, ударив кулаком по трону. — Хочу посмотреть, хватит ли Эталу мужества вести себя так перед лицом моих воинов.

Правители созвали лучших солдат со всего Коннахта, и вскоре, когда боевые доспехи были начищены, а мечи наточены, армия с Дагдой и Энгусом в первых рядах двинулась на Уиан. Войско короля Этала было немногочисленным и плохо подготовленным. Так что наступавшим не составило большого труда преодолеть все линии обороны, и довольно скоро войско Коннахта осадило замок противника. Несмотря на это, король Этал, будучи гордецом, сдался, лишь когда под ударами вражеских воинов пала дверь в главный зал его дворца.

— Тебе следует принести извинения королю Айлилю! — прогремел Дагда, провозглашая условия перемирия. — А еще отдать свою дочь Каэр в жены моему сыну Энгусу!

— Это невозможно, — мрачно промолвил Этал, — моя дочь намного могущественнее, чем вы можете вообразить. Она обладает огромной магической силой, и, если бы я рискнул выбрать ей супруга, случилось бы большое несчастье. Только она сама может решить, за кого пойдет замуж.

— Тогда я готов принять ее выбор, — уверенно произнес Энгус. — Где сейчас принцесса?

Этал раздосадованно посмотрел на него, но, видя решимость юноши, сказал, где находится его дочь.

— Она скрылась от всех. В ночь Самхейна мое дитя превращается в лебедя и остается в таком облике целый год. На это время она отправляется на озеро под названием Драконья Пасть вместе со своими ста сорока девятью служанками, которые тоже превращаются в белых лебедей. Она выйдет за тебя замуж, только если ты узнаешь ее среди этой белоснежной стаи, — объяснил король.

Энгус поблагодарил его и тут же отправился к потаенному озеру. Когда он достиг его, то обнаружил перед собой потрясающее зрелище — сто пятьдесят белоснежных лебедей. Птицы смерили юношу презрительным взглядом, но Энгус был слишком преисполнен решимости, чтобы падать духом из-за холодного приема. Чтобы не привлекать к себе лишнее внимание, он произнес про себя заклинание и тоже превратился в лебедя.

Долго искал он свою ненаглядную Каэр среди белоснежных птиц, но ни одна из них даже отдаленно не напоминала его возлюбленную. И когда Энгус уже готов был сдаться, он увидел, как она безмятежно плывет по поверхности озера. Возможно, обычный жених никогда бы не отличил одну лебедицу от другой, но Энгус уже три года видел Каэр каждую ночь во сне. За это время он запомнил даже самые неуловимые движения своей возлюбленной, а потому, когда увидел ее перед собой в птичьем облике, у него не было ни тени сомнений, что это именно она.

— Ты Каэр? — спросил Энгус, наклонив голову к ней.

— Кто спрашивает об этом? — отозвалась лебедица.

— Меня зовут Энгус, и я хочу, чтобы ты стала моей женой, — произнес юноша.

— Я пойду с тобой, Энгус, но обещай мне, что после свадьбы я смогу возвращаться на это озеро, — промолвила Каэр.

— Конечно, любовь моя, — сказал Энгус.

Тогда Каэр свернулась клубком в крыльях Энгуса, и два лебедя заснули глубоким сном и три дня и три ночи не шевелили ни единым перышком. Когда они проснулись, то искупались в озере, а затем встряхнули крыльями и поднялись в воздух. Каэр наконец-то выбрала себе обещанного суженого, а Энгус обрел покой, избавившись от ночных страданий. И вместе они жили долго и счастливо.

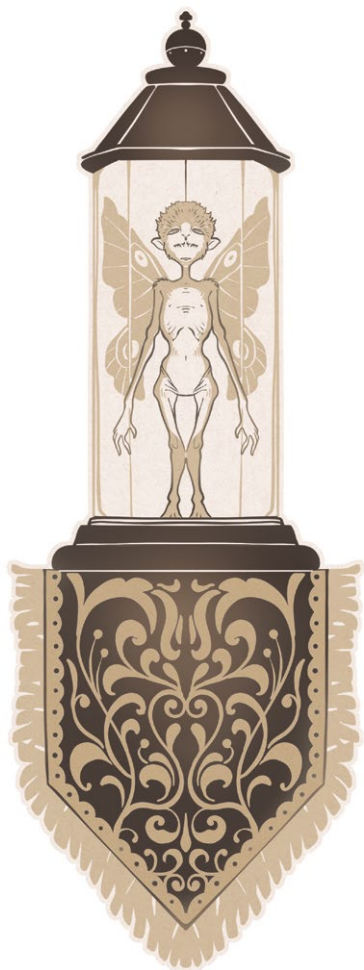

Животные-гибриды

Человеческая фантазия куда более ограничена, чем нам кажется. Как бы мы ни пытались, нам действительно сложно, если не сказать невозможно, вообразить такое существо, чей облик не основывался на чем-то, что мы уже видели прежде. К примеру, иллюстраторы, которые разрабатывают дизайн инопланетных рас, пришельцев и монстров для научно-фантастических фильмов, видеоигр или комиксов, как правило, вдохновляются образами насекомых, паукообразных и бактерий, ограничиваясь тем, что заимствуют у них несколько характерных черт или просто увеличивают их в размерах. Эти существа настолько далеки от человека, что выглядят в наших глазах странными, неправдоподобными созданиями с другой планеты, однако в большинстве случаев в них нет ничего такого, чему нельзя найти объяснение в учебнике по биологии.

Идея объединять разных животных в одно существовала еще у древних греков, хотя с уверенностью можно сказать, что возникла она в куда более древние времена. К таким существам относится химера — монстр с головами льва и козы и змеиным хвостом — или, например, мантикора — чудовище с львиным туловищем и хвостом скорпиона. И, конечно же, нельзя здесь не упомянуть драконов.

Случалось, что подобные странные животные возникали из-за скверного изложения фактов или ошибок во время наблюдений. Тут уместно будет вспомнить всем известных единорогов. В своих записках о фауне Индии древнегреческий хронист Ктесий описывал осла величиной с лошадь

с красно-черно-белым рогом на голове. Ученые до сих пор теряются в догадках, какого именно зверя имел в виду античный автор. Вероятно, он просто сам придумал это существо, соединив в его внешности черты других животных.

Есть мнение, что Ктесий смешал облики индийского носорога, у которого действительно только один рог на морде, и онагра — азиатского дикого осла, отличающегося воинственным нравом. Также существует версия, что древнегреческий автор просто впечатлился рассказами местных жителей или увидел персидские барельефы.

Если в недобросовестности Ктесия мы еще можем сомневаться, то с нечистыми на руку мошенниками, которые в разные эпохи использовали образы вымышленных животных, в частности того же единорога, чтобы подзаработать на продаже фальшивых товаров, все довольно-таки ясно. Примером может служить бивень нарвала, огромного китообразного существа: в Средние века торговцы-аферисты продавали его коллекционерам за огромные деньги как рог единорога. В последующие столетия мошенники не раз устраивали для туристов показы и выставки, где демонстрировали чучела диковинных существ, которые на деле состояли из соединенных друг с другом частей разных животных.

Достаточно приделать оленьи рога к голове кролика, и получится невиданное прежде существо. Подобные фальшивки приобрели особую популярность в Северной Америке, и до сих пор некоторые таксидермисты пытаются продать созданные ими чучела таинственных зверей туристам-простофилям.

Единороги

Без сомнений, одним из самых известных мифических существ является единорог — непременно с белоснежной шерстью и длинной гривой. В действительности его происхождение не так уж и легендарно, поскольку этот образ возник не из мифа, а из зоологического трактата. В своей работе «Индика» древнегреческий историк Ктесий описывает животное под названием индийский осел: это четвероногий зверь, способный обогнать оленей и скакунов, с длинным, почти семидесятисантиметровым рогом на голове и воинственным нравом. Согласно античному автору, рог поражал своими красками. Сам он был белым, тогда как его острый конец отливал пурпуром. Однако Ктесий пишет об этом несколько сбивчиво, словно не придает никакой важности данной детали, поэтому даже существуют предположения, что описание рога — результат ошибки в переводе или толковании.

Животное это опасно, и единственный способ поймать его — убить, заманив в ловушку, когда оно выводит своих детенышей на прогулку. Однако даже в такой ситуации индийский осел не подчиняется охотникам и продолжает яростно биться, унося многие жизни. Поэтому нападать на него нужно с длинными копьями и с безопасного расстояния. На протяжении последующих столетий многие исследователи анализировали и интерпретировали это описание индийского осла, который был переименован в единорога.

В Средние века его образ сделался более определенным: единорог потерял свое первоначальное индийское происхождение и превратился в волшебное существо. Каноничными деталями его облика стали белый, почти серебряный шерстяной покров, длинная грива того же цвета и львиный хвост. Рог, расположенный посередине лба и закрученный как раковина наutilusа, также был неизменной чертой его внешности, однако теперь его изображали полностью белым. В христианстве единорог стал символом невинности, достойной самого Святого Духа, и приблизиться к зверю могла лишь девственница — олицетворение благочестия. Рог считался элитным товаром, так что даже папа римский Бонифаций VIII хвалился, что его частная коллекция насчитывает целых четыре экземпляра.

Говорили, что из истолченного рога, смешанного с лекарственными травами, можно получить чудодейственное снадобье, способное излечить любой недуг. Однако единорог был пугливым животным, которое неохотно шло на контакт, поэтому поймать его, сохранив в целости хотя бы шкуру и рог, было трудной задачей. Охотники пытались сделать так, чтобы единорог вонзил свой длинный рог в ствол дерева и застрял в нем, после чего оставалось дожидаться, когда животное обессилеет и станет уязвимой добычей.

Наши времена

В современной поп-культуре единорог имеет мировую известность, и нередко его изображение можно увидеть на футболках, тетрадках, воздушных шариках и предметах мебели.

Нередко единорога изображают с радужной гривой и ошибочно добавляют к его облику пернатые крылья, что не соответствует древним представлениям, — вероятно, путая его с мифическим Пегасом.

Рогатые зайцы

Так называемого *Lepus Cornutus* (рогатого зайца) описывали в средневековых и ренессансных бестиариях как нечто большее, чем просто зайца с ветвистыми рогами на голове. На протяжении веков он появлялся во многих фантастических и гротескных романах и укоренился в фольклоре и легендах различных европейских стран.

Одним из таких мифических кроликов является вольпертингер (*Wolpertinger*), голову которого украшает пара ветвистых оленьих рогов, спину — пернатые крылья, а из его рта торчат длинные клыки. Если его слюна попадет на человеческую кожу, то это вызовет неожиданный рост густых волос, которые невозможно сбрить. Загадочный зверь обитает в баварских лесах на юге Германии, однако, будучи весьма пугливым, предпочитает прятаться в уединенных местах, подальше от людей, так что увидеть его невероятно сложно. Говорят, что куда проще обнаружить вольпертингера в полнолуние, а еще по некой странной причине их тянет к красивым девушкам. По некоторым поверьям, если девушка покажет этому чудному зверьку грудь, тот немедленно замрет как вкопанный и будет настолько смущен, что безропотно позволит себя схватить. Действительно ли такой способ охоты работает или это просто повод, который охотники используют, чтобы убедить девиц показать им свои прелести, выяснить достоверно невозможно.

В той же Германии, в лесах Тюрингии, можно найти следы рассельбока — разновидности рогатого зайца, у которого изо рта вместо обычных зубов торчат ужасающие собачьи клыки. Похожий на него зверь под названием рауракл обитает и в Австрии. Если мы отправимся на север, в холодную Швецию, то там обнаружим сквадера — крошечного крылатого кролика, которого охотник Хакан Дальмарк назвал своим самым впечатляющим охотничьим трофеем. В музее города Сундсвалле хранится «чучело» сквадера, сделанное в шутку таксидермистом Рудольфом Гранбергом в 1918 году.

О встречах с рогатыми зайцами сообщали и в Америке, в частности в городе Дуглас штата Вайоминг. Там это существо зовут джекалоп, от английского названия калифорнийского зайца (*jackrabbit*) и слова «антилопа», которое в английской разговорной речи используется для обозначения вилорога.

В 1930-е годы охота на джекалопа была частым развлечением в Дугласе, на которое съезжались звероловы со всех Соединенных Штатов. В отличие от вольпертингера, американский рогатый заяц был агрессивным: охотники даже защищали ноги металлическими трубами, чтобы джекалоп в ярости не поломал их своими рогами. А идеальной приманкой для него считалось виски, которое загадочное существо обожало до безумия.

Несмотря на злобный нрав, джекалоп обладает удивительно мелодичным и чистым голосом, и услышать его песню — это редкостное удовольствие.

Случалось даже, что какой-нибудь не слишком одиличный джекалоп неожиданно присоединялся к пению ковбоев, но только если люди не причиняли ему излишнего беспокойства.

Наши времена

Как вы уже, конечно, догадались, большая часть этих существ — не что иное, как простые сказки, придуманные, чтобы подсунуть простодушным туристам разные фальшивки. Несмотря на это, зоологи обнаружили, что в природе действительно существуют зайцеобразные с рогами... или почти с рогами. Так, у кроликов, пораженных вирусом папилломы Шоупа, появляются раковые опухоли, которые могут стать такими крупными и твердыми, что выглядят как настоящие узловатые рога. Во многих книгах, фильмах и видеоиграх встречаются отсылки к рогатым зайцам, особенно к американскому джекалопу. В мультсериале «Грэвити Фоллс» (Gravity Falls) у дяди двух главных героев, Стэна Пайнса, есть деревянный дом, прозванный Хижиной чудес, где он продает и выставляет напоказ различных поддельных животных: среди них можно заметить и голову джекалопа.

Ворон вальравн

Согласно старинной датской легенде, на воронов, которые склюют труп короля, павшего в битве и не похороненного со всеми почестями, падает ужасное проклятие. Они становятся невероятно умными и получают магическую силу, однако меняется не только их сознание, но и тело: вместо хвоста у них появляются тощие задние волчьи лапы, а крылья увеличиваются в размерах, что позволяет им подниматься в воздух, несмотря на то что тело стало намного тяжелее. Заколдованный ворон, или вальравн, «ворон павших», может свободно и проворно передвигаться по ночам, однако, едва первый луч солнца показывается на горизонте, это существо вынуждено скрываться в самых темных уголках леса и безмолвно ждать, когда закончится день.

Чаще всего вальравн является хищником. Он одержим идеей стать человеком и избавиться от своего гротескного облика. Заколдованный ворон может превратиться в человека, только испив свежую кровь прямо из сердца новорожденного. По этой причине вальравн часто пытается договориться с юными девушками, которым обещает золото и богатство в обмен на их первенца.

Многие из тех, кто поддавался на его искушение, потом раскаивались в содеянном, но ничего уже нельзя было вернуть, и ворон-волк, таким образом, получал желаемое. Когда же он съедает сердце ребенка, то наконец-то обретает возможность стать человеком, теряя при этом свою магическую силу.

Кентавры

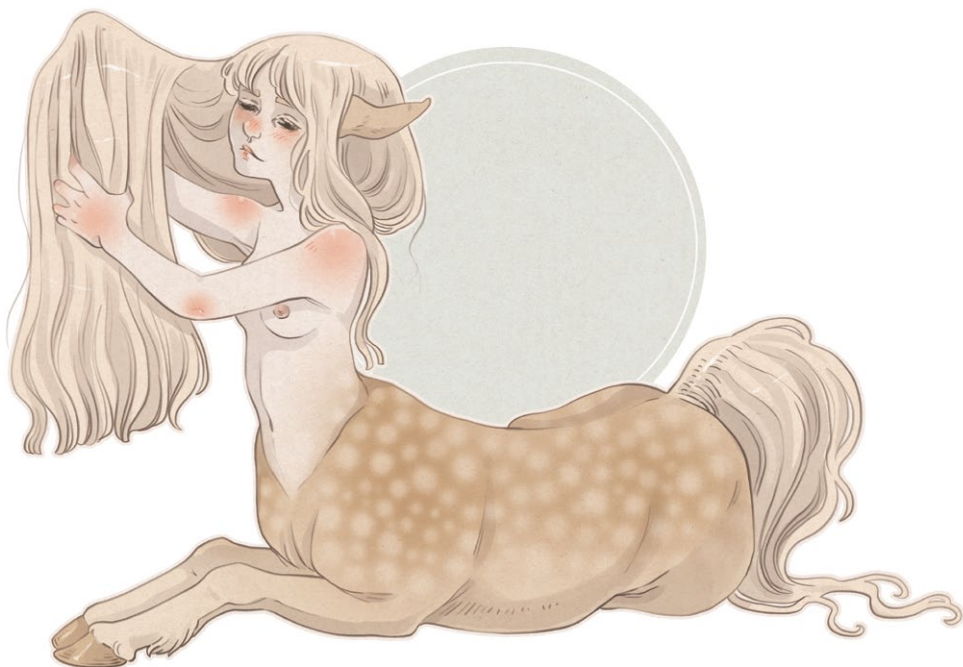
Однажды Зевс создал облако в виде своей супруги Геры — так ему хотелось испытать, насколько похотлив окажется царь лапифов Иксион. Тот не сумел устоять перед красотой ложной богини и овладел облаком. От их союза родился уродливый мальчик по имени Кентавр, который с детства ощущал неприязнь окружающих, а потому вскоре ушел жить в леса неподалеку от горы Пелион. Спустя время он подрос и, полный разочарования, решил дать выход своим желаниям и изнасиловал нескольких кобылиц, которые спокойно паслись поблизости.

От этой порочной связи родились кентавры — полулюди-полукони. Верхняя их часть представляет собой волосатое и мускулистое мужское туловище, отличающееся завидной грубой силой, а ниже пояса начинается

лошадиное тело. Очень часто кентавры вели себя нагло и агрессивно: они похищали и насиловали девушек и жестоко убивали всех, кто осмеливался им перечить.

Вооруженные лишь огромными кряжистыми дубинками, они мчались в слепой ярости по лесам, издавая ужасающие дикие крики. Однако существовали и кентавры, наделенные великой мудростью, как, например, учитель Хирон — наставник великого героя Ахиллеса.

Значительно реже по сравнению с кентаврами-мужчинами встречались кентавры-женщины: их описывали как прелестных полудев-полукобылиц, которые мыли свои длинные волосы ароматными настоями из трав.

Возможно, из-за грубой природы мужчин-кентавров их женщины очень редко показывались чужим на глаза, предпочитая скрываться на самых далеких лесных полянах.

Наши времена

Знак зодиака Стрелец связан с шумерским созвездием, с которым впоследствии познакомились и древние греки. По мнению астрологов, Стрелец не имеет ничего общего с кентаврами, которые были слишком грубыми, чтобы использовать такое точное оружие, как лук.

Однако в средневековой геральдике их традиционно изображали именно с луком, и по сей день образ кентавра-стрельца сохраняется в массовом сознании.

Волшебные и страшные лесные создания

Идея о том, что в лесах помимо обычных животных обитает нечто потаенное и загадочное, встречается в народном творчестве и легендах по всему миру. Часто речь идет об отвратительных существах, которые не слишком отличаются от волков, медведей и других зверей, но обладают волшебными силами, выглядят неестественно и скрываются в самых глухих лесных чащах. Большую часть XIX века и в начале последующего столетия в Соединенных Штатах и Канаде многочисленные лесорубы утверждали, что на них нападали ужасные монстры или что они видели таких животных, которых прежде никто и никогда не встречал.

Вероятно, жители Нового Света не испытывали большого интереса к мифам коренных американцев и предпочитали создавать собственные фантастические образы, порой беззастенчиво заимствуя их из европейских и азиатских культур своих предков. Таким образом и появились бестиарии и истории о загадочных существах, чей облик казался нереалистичным и странным. Их объединили под общим понятием *fearsome critters* (англ. — «твари, наводящие ужас»). Самым старым литературным источником, в котором можно встретить таких монстров, является «Общая история Коннектикута» — дневник 1781 года, написанный Сэмюэлем Питерсом. В нем упоминаются четыре существа из фольклорных историй, популярных в поселениях дровосеков. В большинстве своем *fearsome critters* — это шутовские создания-страшилки без претензии на истинность, которые не имеют под собой мифологической основы. Значительная часть связанных с ними историй описывает их как забавных и нарочито неправдоподобных существ со странными привычками, хотя в отдельных рассказах все-таки можно обнаружить осведомленность авторов, когда они отсылают или обращаются к куда более старинным сказаниям.

Некоторые из этих вымышленных существ были классифицированы и описаны в книге Вильяма Т. Кокса «Страшные обитатели лесов, а также некоторые чудища пустынь и гор» (*Fearsome Creatures of the Lumberwoods, with a Few Desert and Mountain Beasts*), выпущенной в 1910 году. Эти персонажи

зачастую неоднозначны и способны как дарить процветание, так и приносить невзгоды и разрушения, подобно самой природе. В некоторых культурах духи — защитники леса представлены не как одно существо, а как множество созданий, обитающих среди деревьев или буквально внутри них. У кельтов такую роль выполнял Маленький народец — обширная группа мифических персонажей, объединенных названием Sidheog (ши). Само это слово сложно не только правильно произнести, но и перевести: отдаленно ему соответствуют феи и гномы из европейского и, в частности, итальянского фольклора. Эти многочисленные существа, то приветливые, то зловредные, были важной частью мифологии. Один оксфордский епископ жаловался в первой половине XX века, что в Англии больше никто не верит в фей, и действительно, реалии современного мира и развитие науки изменили сознание большинства людей, мешая им и дальше воображать Маленький народец.

Лишь в Ирландии сохранилась крепкая и стойкая традиция: попробуйте спросить у какого-нибудь старого крестьянина, видел ли он недавно гнома, и услышите не просто утвердительный ответ, а пару достоверных историй. Подобные верования существовали не только у кельтов. Древние германцы тоже считали, что лес населяют крошечные волшебные существа. В Древней Греции верили, что нимфы обитают прямо внутри деревьев. Эти представления брали свое начало в более ранних и архаичных религиозных воззрениях и мифах и позже переплавились в хорошо известный нам эллинский пантеон. Из Греции почитание древесных духов распространилось на восток и достигло азиатского континента, породив много новых легенд.

Однако лес — это не только зеленые листики и яркие цветы, но и ночи под открытым небом и свирепые звери, и на следующих страницах мы познакомимся в том числе со зловредными и пугающими духами. Лесные духи и чудища возникали по большей части как страшилки, призванные отвести детей от прогулок по лесу. Однако в древние времена их не воспринимали как исключительно отрицательных персонажей. Лишь после распространения христианства языческие существа были объявлены демонами, и началась борьба с верой в них.

В мифологии древности далеко не все обитатели леса были однозначно добрыми или злыми. В лесу и в природе в целом должно соблюдаться равновесие, и если не будет печали, то не будет и радости. Поэтому люди чтили духов, веря в то, что можно заслужить их благосклонность, ведь у каждой медали есть обратная сторона.

СКВОНК

Если вы когда-нибудь отправитесь на прогулку по хвойным лесам Пенсильвании, то, возможно, вам повезет (или не повезет) натолкнуться на сквонка. И можете не сомневаться: вы его с ходу узнаете.

Сквонк, без сомнений, самое убогое и отвратительное четвероногое существо, которое когда-либо жило на земле. Его жирное тело светло-коричневого цвета покрыто мерзкими бородавками, из которых сочится бледно-зеленый гной. Ни шерсти, ни волос у сквонка нет, за исключением пучка на конце короткого хвоста и двух волосистых зарослей внутри нелепого вида ушей, свисающих вдоль складчатой шеи. Это существо обладает отличным нюхом благодаря небольшому хоботку, который болтается между двух серо-зеленых глазок. Испытывая отвращение и стыд из-за своего облика, сквонк прячется среди корневищ деревьев в глубине леса и недели напролет проводит в слезах. Крайне боязливый и осторожный, он обычно вылезает наружу только по ночам, отдавая предпочтение туманным местностям, поскольку в тумане можно скрыться от других и не видеть собственное отражение в лужах. Чтобы выследить сквонка, нужно внимательно осмотреть землю, где иногда можно различить две длинные мокрые полосы от обильных слез, которые он неосмотрительно оставляет за собой.

Рассказывают, что как-то один охотник сумел таким способом найти нору сквонка и схватить его, засунув в мешок. Ловец закинул ношу за спину и поскорее поспешил домой. Пока он шел по лесу, странное существо не прекращало хныкать, но когда мужчина наконец добрался до дома и раскрыл мешок, то обнаружил, что от сквонка остались лишь слезы. Дело в том, что пойманный сквонк способен растворить себя с помощью плача. Отсюда и его «научное» название *Lacrimacorpus dissolvens*, которое примерно переводится как «существо, растворимое слезами».

Чем питается сквонк, так доподлинно и неизвестно. Некоторые исследователи полагают, что никакая пища ему не требуется, а влагу он получает, впитывая собственные же слезы. Другие специалисты считают, что он питается мхами, лишайниками и мелкими растениями, которые легко отыскать. Наверняка можно сказать лишь то, что сквонк не хищник: не известно ни одного случая, когда это жалкое создание напало на человека или животное. С другой стороны, малопривлекательное тело и неприятный запах заставляют хищных зверей держаться от него подальше и избегать встреч с ним. Говорят, что когда-то сквонк обитал в центре Соединенных Штатов, но из-за климатических изменений и повышения температуры воздуха предпочел мигрировать на северо-восток, в лесные и влажные районы Пенсильвании: местные снежные зимы и летние грозы создают идеальные условия для сухой кожи этого зверя.

В химии существуют вещества, которые невозможно выделить без нарушения их целостности и последующего исчезновения. Такие соединения зовутся химическими сквонками (Chemical Squonks) в напоминание о способности загадочного существа растворяться в собственных слезах.

Сквонк известен преимущественно в США, однако в 1971 году итальянский режиссер Марио Бава упомянул о нем в фильме «Кровавый залив» (оригинальное название — *Reazione a catena*). А в 1976 году британская музыкальная группа Genesis посвятила ему песню «Сквонки» о приключениях человека, который почти сумел поймать печального зверя.

Ходаг

Говорят, что ходаг появился из останков сожженных быков как воплощение всех накопившихся страданий, которые принесли животным их собственные хозяева. Ходаг — чудище размером с медведя гризли с двумя гигантскими бычьими рогами, которыми он атакует и убивает свою добычу. Однако не только смертоносные рога таят в себе угрозу, но и огромная пасть, усеянная частоколом острых зубов, и вся его спина, до кончика хвоста покрытая длинными шипами. У ходага шершавая и твердая шкура зелено-коричневого цвета, что позволяет ему легко прятаться в лесных зарослях, и выдать его может только бешеный взгляд красных глаз.

В конце XIX века ветеран лесной службы Юджин Шепард прибыл в штат Висконсин, намереваясь изучить привычки и поведение диких ходагов, чтобы впоследствии найти способ избавить страну от этих монстров. Ходаг был не из числа обычных хищников: из-за своей ненависти к людям он проявлял крайнее коварство. Стоило ему только почуять человеческий запах, будь то запах женщины, мужчины или ребенка, он тут же впадал в такую ярость, что уже ничто не могло помочь несчастному спастись и убежать прочь.

К счастью, благодаря обстоятельной работе мистера Шепарда сегодня у нас на вооружении есть несколько способов избавиться от ходага. Например, нам известно, что нюх этого существа крайне чувствителен к насыщенным и резким запахам, таким как аромат лемонграсса или цитрусовых растений. По этой причине, если вы отправляетесь в леса Северной Америки, запаситесь лимоном: его запах вызовет у ходага такое сильное беспокойство, что монстр предпочтет оставить вас в покое. Однако если отвадить ходага не так уж и сложно, то вот убить его — задача совсем другого уровня.

Ходаг не нуждается в сне, а потому у него нет норы, и он непредсказуемым образом может появиться в любой части леса или гор в поисках добычи. Из-за этого его очень сложно загнать в западню. Более того, прочная шкура ходага невосприимчива к большинству видов оружия: копья и клинки ломаются об нее, а ружейные пули отскакивают прочь, рискуя ранить самого охотника и его товарищей.

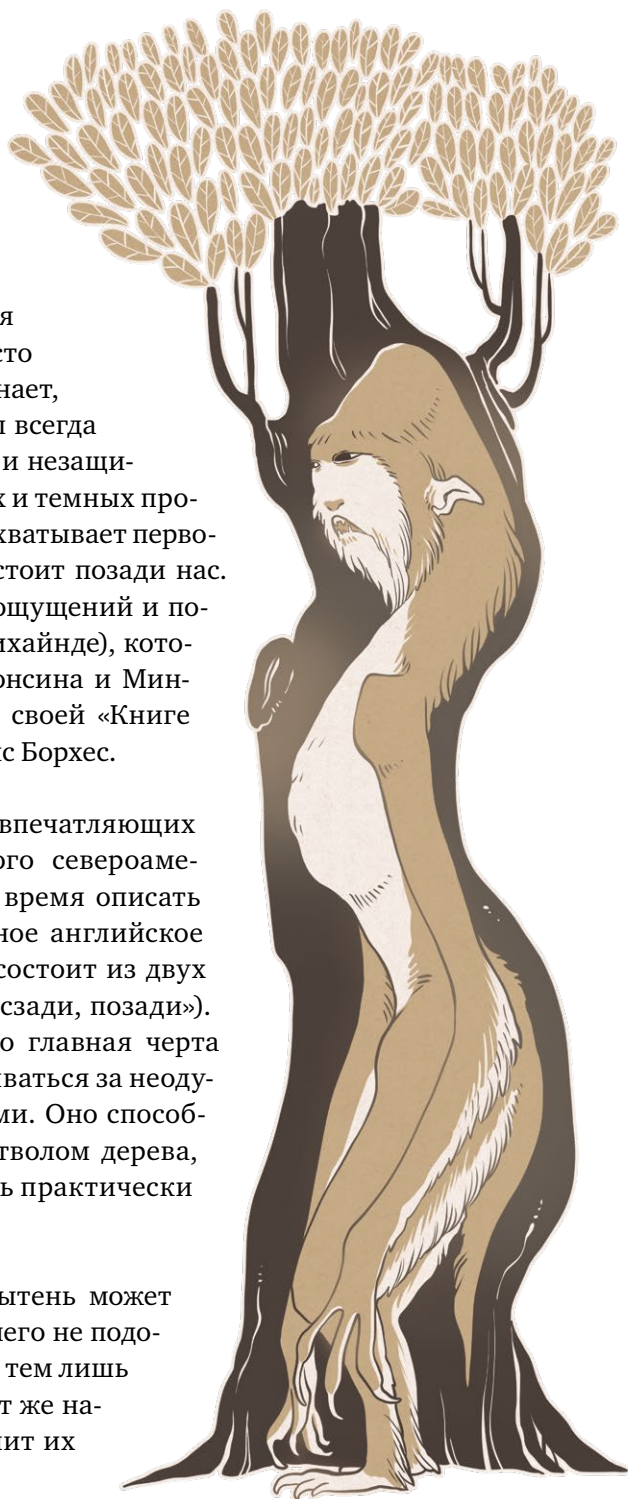
Лучший способ убить ходага — это попасть ему в глаза или в его ужасную глотку. Еще один метод — взорвать монстра динамитом или другой взрывчаткой, способной справиться с его толстой шкурой. Шепард сумел убить одного ходага, а другого якобы поймать живьем, но, к сожалению, с течением времени их чучела куда-то пропали. В любом случае, исходя из данных об их количестве, стоит признать, что ходаги сейчас встречаются крайне редко и не представляют для нас опасности. Однако если вы вдруг отправитесь на прогулку в лес, все-таки не забудьте положить в карман лимон!

Скрытень

Вы когда-нибудь замечали краешком глаза тень, отблеск или чью-то фигуру, от которых не оставалось и следа, стоило вам повернуться в их сторону? Считаете, что просто показалось? Возможно, но кто знает, что находится у вас за спиной? Мы всегда чувствуем себя слегка уязвимыми и незащищенными на открытых, пустынных и темных пространствах. В такие моменты нас охватывает первобытный страх, оттого что кто-то стоит позади нас. Вероятно, под воздействием этих ощущений и появилась легенда о скрытне (хайдбихайнде), которую рассказывали лесорубы Висконсина и Миннесоты и упомянул в 1957 году в своей «Книге вымышленных существ» Хорхе Луис Борхес.

Скрытень — один из самых впечатляющих и опасных монстров современного североамериканского фольклора, и в то же время описать его очень трудно. Его оригинальное английское название говорит само за себя и состоит из двух слов: Hide («скрытый») и Behind («сзади, позади»). Так что несложно догадаться, что главная черта этого существа — его умение скрываться за неодушевленными предметами и людьми. Оно способно буквально слиться с любым стволом дерева, каким бы узким то ни было, и стать практически невидимым со стороны.

Благодаря такой способности скрытень может многие километры красться за ничего не подозревающими дровосеками, и стоит тем лишь немного зазеваться, как монстр тут же нападет сзади и в доли секунды лишит их жизни.

Считается, что перед нападением на свою жертву скрытень издает стрекочущий смешок, пробирающий до дрожи, которым он сообщает о своем присутствии. К несчастью, никто никогда не выживал после атак скрытня, поэтому и некому рассказать более подробно о его подлинном облике. Некоторые дровосеки брали с собой зеркало, чтобы разглядеть монстра у себя за спиной, пока тот крался от дерева к дереву. Они описывали его как антропоморфное существо выше двух метров ростом, покрытое густой серо-черной шерстью. Мордой он напоминал мастифа или медведя, а сзади у него виднелся лысый длинный хвост. Это описание, однако, основывается лишь на слухах, так что практически невозможно убедиться в его достоверности: подлинный облик скрытня до сих пор остается загадкой. Никто так и не смог поймать ни одного монстра, поскольку он крайне хитер, тщательно избегает ловушек и не проявляет никакого интереса к приманкам, оставленным охотниками. Но когда скрытень сам начинает охоту, спастись от него невозможно: он крадется беззвучным шагом и даже если вы почувствуете, что монстр идет за вами по пятам, то все равно не успеете убежать от него.

Вероятно, единственный способ справиться с чудищем — идти спиной вперед, так оно не сможет незаметно поменять укрытие и останется стоять на месте. Чтобы его убить, нужно полностью окружить место, где оно прячется. В таком случае скрытень не сможет больше прятаться за деревом или другим предметом и будет виден со всех сторон, а потому просто растворится в воздухе, уничтоженный собственной магической силой. Подобная техника охоты весьма эффективна, но довольно-таки опасна и требует хорошей организации и прежде всего отличной концентрации. Как вы уже поняли, со скрытнем шутки плохи: стоит лишь на миг потерять бдительность, как тут же распрощаешься с жизнью.

Сплинтер-кот

Как утверждают многие, сплинтер-кот — это не кто иной, как обычный пятнистый кот с длинными остроконечными ушами. С этим можно было бы согласиться, если бы не тот факт, что его вес достигает ста тридцати килограммов, а зрачки в его красных глазах не вертикальные, как у остальных кошек, а горизонтальные. Самой же яркой особенностью сплинтер-кота, несомненно, является его хвост: он достигает трех метров в длину и способен намертво задушить жертву не хуже удава, на его кончике растет твердый и тяжелый шарообразный отросток, напоминающий кончик хвоста динозавра анкилозавра. Одна сторона этой «булавы» гладкая и покрыта лишь легким пушком, а другая усеяна длинными крючковатыми шипами.

Весной самцы используют свои хвосты в качестве молотов и ударяют ими себя в грудь, чтобы произвести грохот. Эта шумная привычка, кажущаяся со стороны бесполезной, на самом деле является любовным сигналом, с помощью которого кот демонстрирует себя самкам. Таким образом самцы соревнуются друг с другом, ведь чем сильнее будет грохот, тем больше женских особей он привлечет. За раз самка способна родить до восьми детенышей, о которых будет заботиться до тех пор, пока они питаются грудным молоком. После этого подросшие котята отправляются жить самостоятельно в лесную чащу.

Как вы уже, конечно, догадались, сплинтер-кот — хищник. Он охотится на оленей, лосей и, к несчастью, на людей. Свою добычу он поджидает на дереве, спрятавшись в пышной листве, и, когда та проходит мимо, со всего размаха бьет ее по голове гладкой стороной тяжелого отростка на своем хвосте. После того как несчастная жертва теряет сознание от удара, сплинтер-кот подцепляет ее крючками на другой стороне хвоста и утаскивает в укромное место, где и пожирает, пока тело зверя или человека еще живо и свежо. Частенько сплинтер-кот прячется в кроне придорожных деревьев, поджидая какого-нибудь невезучего дровосека или ничего не подозревающего путешественника.

Поэтому, когда проходишь мимо деревьев, нужно всегда внимательно смотреть наверх, чтобы вовремя заметить кошачий силуэт среди густых ветвей. Этот хищный зверь выглядит опасным и страшным, когда атакует сверху, но если застать его врасплох на земле, то он становится крайне неуклюжим.

В действительности его хвост — это не только смертельное оружие, но и весьма громоздкая ноша. Длинные шипы на отростке часто застревают в стволах деревьев или в земле, тем самым замедляя движения кота и мешая ему поймать жертву. Еще один очень действенный способ ускользнуть от сплинтер-кота — броситься воду, например в ручей или реку, если таковые будут поблизости. Хоть он и огромный, но все-таки кот и питает к ней отвращение, а потому предпочтет голодать, нежели замочить свою шерсть.

Тапио

В глубине морозных финских лесов, где луч солнца с трудом пробивается сквозь сомкнувшиеся густые ветви деревьев, находится край Тапиола — владения Тапио. Тапио — властелин финских лесов, божество, которое символизирует и защищает их: его царство простирается всюду, где пускают корни деревья. Чтобы охотиться в его владениях, нужно сначала спросить его разрешения и держаться с должным уважением и почтением, в противном случае тех, кто нарушает законы Тапио, ждет горькая расплата. Если ваши намерения понастоящему чисты и вы не собираетесь брать у природы больше, чем вам положено, то лесной властелин будет щедр к вам.

У Тапио нет постоянного облика: он сам и есть весь лес, от крошечного гриба до высоченного дуба. Однако порой лесной бог является в человеческом образе: в виде высокого худого старца с бородой из листьев, веток и лишайников, которая доходит до земли, и морщинистой кожей, твердой и узловатой, будто древесный ствол, а голова его часто покрыта шапкой из меха горностая и зеленого мха.

Поскольку лесные звери и духи являются одним целым с лесом, они не боятся Тапио, а окружают его с почтением и благодарностью. Властелину леса нравится бродить по своим землям, и особенно он любит бывать в самой густой лесной чаще в час смены дня и ночи.

В Тапиоле также живет жена Тапио — царица Миеликки. Она очень доброжелательная и любезная богиня и благодаря своим познаниям в травах является великой целительницей и хранительницей самых потаенных секретов природной медицины. С огромной радостью откликается она на призыв о помощи каждого, кто достоин ее, но горе тому, кто разозлит лесную царицу!

Как и лес, Миеликки может проявлять себя с двух разных сторон, и перед теми, кто разгневает ее, она предстает суровой и жаждущей возмездия богиней Кууриikki.

У Тапио и Миеликки есть дети, наделенные божественной силой. Юноша Ньюриikki — покровитель охотников и диких животных. Самым достойным охотникам он помогает находить нужные тропы в царстве своего отца, показывая им места, богатые добычей, и направляя их стрелы. Дочь их — Тулиikki — создана из ветра и гуляет среди ветвей деревьев. Как и брат, она помогает охотникам с благими помыслами, подгоняя к ним добычу порывом ветра, и, напротив, отпугивает зверей и птиц от тех, кто приходит в лес с дурными намерениями. Семья Тапио являет собой самые разные стороны леса, и каждый из этих лесных богов может быть как дружелюбным и благосклонным, так и безжалостным и мстительным.

Наши времена

В 1926 году финский композитор и скрипач Ян Сибелиус посвятил Тапиоле свою последнюю симфоническую поэму, передав с помощью музыки свое виденье владений Тапио.

Похожие на Тапио образы встречаются в мифологиях многих североевропейских народов (и не только), например Зеленый Человек и Кернунн. Считают, что английский писатель Дж. Р. Р. Толкин вдохновлялся именно этими мифическими существами, когда создавал Древобрада — энта — хранителя средиземского леса Фангорн — для своего романа «Властелин колец».

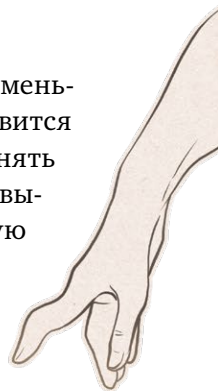
Леший

Леший — дух — хранитель леса в восточнославянской мифологии. Считается, что он крайне жесток и беспощаден к людям, которые без разрешения входят в его владения, поскольку воспринимает их как грязных, шумных и слишком нахальных существ. Выглядит леший как большой мускулистый мужчина с белой бородой и взъерошенными волосами с застрявшими в них крупными шишками. По некоторым свидетельствам, он не носит одежду, однако его ноги покрыты густой плотной шерстью и заканчиваются копытами, чем он напоминает бога Пана и древнегреческих сатиров.

Размеры лешего весьма изменчивы и могут увеличиваться или уменьшаться по его собственному желанию, так что иногда он становится маленьким как белка, а иногда размером с гору. Леший может менять свой облик и иногда является в образе человека. В таком случае он выглядит как бородатый крестьянин, облаченный в плотную черную овечью шкуру. Превращаясь, леший то и дело совершает различные ошибки, благодаря чему его и можно распознать, например по козлиным ушам или копытам, отсутствию ресниц и бровей или по единственному глазу на лице. Рассказывают, что глаза его даже при свете дня могут переливаться радужным цветом, как глаза кошек в темноте. С одеждой леший тоже допускает промахи: иногда он надевает один или два башмака задом наперед, иногда бродит по лесу без пояса и шапки.

Говорят, что в подчинении у лешего есть целая армия диких волков и медведей, готовых по одному его приказу разорвать в клочья тех, кто посмеет вторгнуться в его владения. Часто он бродит по лесу и издает дикие крики, от которых во все стороны разносятся порывы ветра, пугающие птиц. Если во время прогулки вы услышите подобный рев, то скорее бегите прочь, иначе можете наткнуться на лешего собственной персоной!

Леший не особо умен, но весьма хитер. Когда ему на пути попадается беззащитный человек, он издает радостный вопль и смешок, похожий на шум падающих сухих листьев. Ничего не делает его счастливее, чем возможность поиграть в кошки-мышки с человеком. Порой он зовет для этого свою яростную стаю и наслаждается кровавым зрелищем, когда та разрывает жертву на части. Иной раз ему хочется подольше мучить

несчастливого, и он щекочет его до смерти.

Единственный шанс вырваться из плена лешего — это развлечь его. Леший убежден, что люди лишены чувства юмора, а потому при встрече с ним нужно переубедить его и насмешить. Для этого следует надеть одежду задом наперед или обругать его самыми грубыми и глупыми словами: если леший вволю насмеется, то, возможно, отпустит вас с миром.

Иногда он так сильно злится на людей, что изводит целые хозяйства, высасывая жизненные силы из домашних животных — коров, овец и куриц — и обрекая их на смерть от болезней. По сравнению с большинством других духов-хранителей леший кажется беспощадным и жестоким. Возможно, его образ стал таким из-за христианизации славянских земель. Так, в некоторых русских историях о лешем говорят как о черте.

Папа Буа

Папа Буа (в переводе с французского Отец Лес) — дух — хранитель лесов Тринидада и Тобаго, двух небольших островов рядом с побережьем Южной Америки. Считается, что он выглядит как низкорослый и очень крепкий старичок с густой козлиной бородой, взъерошенной шевелюрой, двумя внушительными бараньими рогами и мощными козлиными ногами. Как и леший, этот лесной дух предпочитает ходить без одежды.

Папа Буа не любит насилие и для защиты прибегает к магии. С собой он часто берет длинный посох, который использует исключительно для того, чтобы преодолевать самые непроходимые участки леса. Кроме того, он носит за поясом бычий рожок. Хотя Папа Буа и предпочитает антропоморфный облик, благодаря своей магии он может превращаться в любое лесное животное и бегать так же быстро, как олень. Он не испытывает ненависти ни к обычным людям, ни к охотникам, однако не любит тех, кто не проявляет должного уважения к его владениям. Он не терпит, когда кто-то кричит или шумит в лесу: чтобы испугать невежливых гостей, Папа Буа превращается в чудовищного дикого зверя и издает ужасающие звуки с помощью своего рога.

Гнев Папы Буа направлен и на кровожадных охотников: к тем, кто убивает животных просто ради развлечения, а не из-за необходимости, лесной дух испытывает сильное отвращение. Он дует в свой рог, чтобы

предупредить всех о приближении этих подлых убийц, и иногда освобождает животных, попавших в охотничьи ловушки, и исцеляет их раны с помощью магии. Если же какой-то охотник не желает учиться на своих ошибках, а, напротив, продолжает и дальше действовать вероломно и нагло, то Папа Буа проявляет исключительную жестокость. Он прячет тропы и создает лабиринт из деревьев, чтобы негодяй заблудился в лесу, обрекая его тем самым на медленную и мучительную смерть от голода и жажды.

Но такое случается редко, и в остальное время Папа Буа — добродушный и симпатичный лесной дух, и если вам доведется повстречаться с ним, то достаточно выказать ему должное уважение, вежливо поприветствовав его, чтобы он оставил вас с миром. А если вы будете особенно хорошо относиться к лесу, то он может и наградить вас, одарив лечебными травами или показав самые сокровенные лесные уголки, которые недоступны обычным людям.

Ши, или сиды

Маленький народец

В мире под названием Сид, который находится на границе реальности и того, что за ней, между миром живых и миром мертвых, обитает одноименный народ сидов (ши). Эти создания не имеют постоянного облика и часто предстают перед людьми в виде крошечных бородатых человечков с мрачными улыбками, в нелепых колпаках и деревянных башмачках. Они не отличаются ни сообразительностью, ни разумностью, и все их естество движимо лишь инстинктами и желанием развлечься. Однако маленький народец умеет быть благодарным, если вести себя с ним учтиво и вежливо, и очень серьезно относится к торгу и всяческим обменам.

Существует мнение, что ши — это падшие ангелы, которые не смогли вернуться на небеса и утратили собственную суть. Некоторые считают, что эти создания способны с одного лишь взгляда определить, насколько чиста душа того или иного человека, и затем ведут себя с ним соответствующим образом. К людям с добрым сердцем маленький народец относится хорошо, но горе тем, чья душа черна и испорчена!

Маленький народец обожает хорошую музыку, не важно, звучит ли мелодия для безудержной джиги или для медленного и печального танца.

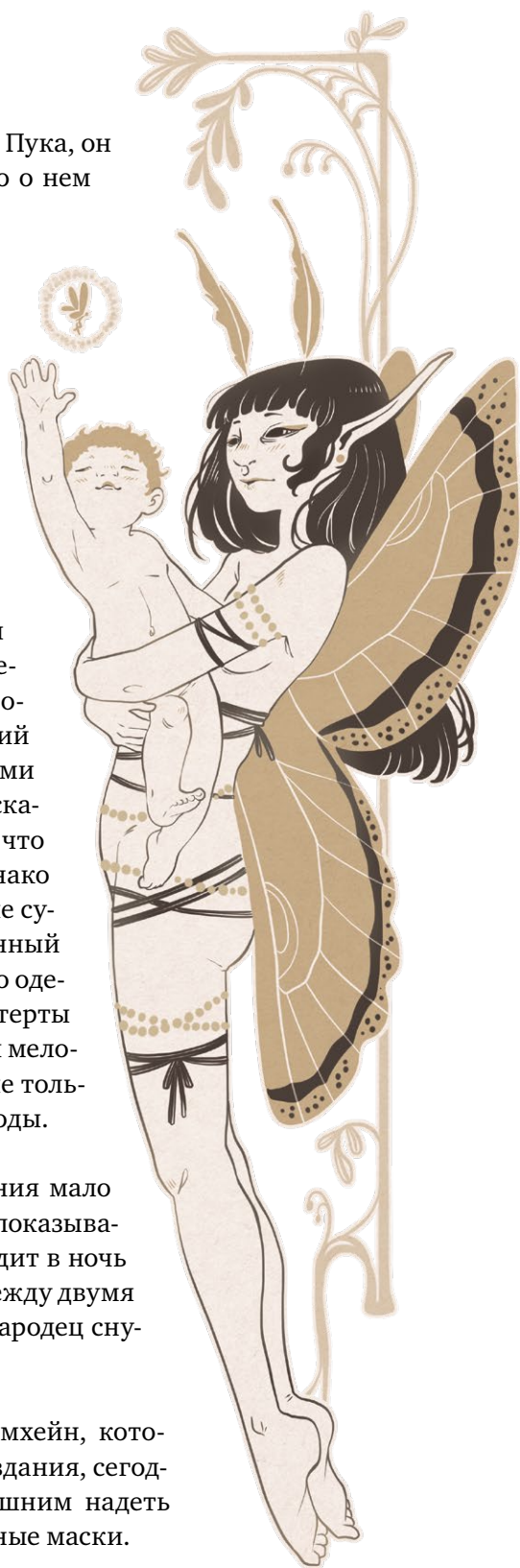
Одного из их лучших музыкантов зовут Пука, он умеет играть на скрипке и волынке, но о нем мы поговорим позже.

Когда сиды веселятся, то все вокруг превращается в сущее безумие и весь лес стоит на ушах от их бешеных плясок и залихватских песен. Иногда они угоняют домашний скот, свиней и ослов, из стойл и разъезжают на них верхом, загоняя бедных животных до смерти.

Порой в те особые ночи, когда границы между нашим и потусторонним миром становятся размытыми и зыбкими, некоторые люди, к своему несчастью, попадают в хороводы, что водит маленький народец. Перед их волшебными песнями так сложно устоять, что ноги сами пускаются в пляс, подгоняемые энергией, что поднимается прямо из-под земли! Однако когда танец заканчивается и крошечные существа бесследно исчезают, одурманенный человек вдруг обнаруживает, что вся его одежда порвана в лохмотья, а башмаки стерты до дыр. Люди, зачарованные волшебной мелодией, могут танцевать в таких кругах не только дни и недели напролет, но и целые годы.

Большую часть года волшебные создания мало вмешиваются в дела людей и редко показываются на глаза. В основном это происходит в ночь с 31 октября на 1 ноября, когда двери между двумя мирами распахиваются и маленький народец снует среди нас.

В эту ночь, прежде известную как Самхейн, которую мы, безрассудные человеческие создания, сегодня называем Хеллоуином, будет нелишним надеть на детей страшные костюмы и кошмарные маски.

Дело в том, что волшебные существа иногда подменяют человеческих детей на своих, кажущихся им уродливыми и капризными (в английском языке это явление даже имеет собственное название *Changeling*). Если сид обнаружит миленького и приятного младенца, то он может похитить его, оставив взамен своего ребенка, что, впрочем, происходит далеко не всегда. Некоторые люди полагают, что похищенные дети живут в другом мире намного счастливее, чем жили бы здесь, и, возможно, в этом есть своя правда, однако помните, что такого ребенка больше никто и никогда не увидит, а если и увидит, то он все равно уже не будет прежним.

Существует множество разновидностей сидов, все их невозможно перечислить, поэтому ниже я упомяну лишь о трех наиболее известных. В первую очередь это, конечно, лепреконы, чье название происходит от ирландского словосочетания *Leith Borg*, которое можно перевести как

«левый башмак». Традиционно лепрекона изображают в виде странного бородатого гнома, который чинит дырявый ботинок.

В мире Сиды лепреконы как раз занимаются башмачным ремеслом, весьма востребованным и почетным, учитывая, сколько обуви стаптывают волшебные существа в своих постоянных танцах. За свой труд лепреконы получают плату и со временем накапливают целые горшочки золота, которые прячут и ревностно охраняют среди ирландских холмов. Если вы вдруг обнаружите под кустом лепрекона, то можете попытаться поймать его, чтобы он раскрыл вам, где спрятал сокровища, однако стоит вам хотя бы на миг отвлечься, как гнома-башмачника и след простынет.

Другой разновидностью сидов являются клуриконы. Они покидают лесное укрытие, чтобы поселиться в погребе какого-нибудь близлежащего дома, где напиваются и съедают все съестное, какое только найдут. Иногда хозяева дома не прогоняют их, а, напротив, предлагают им пиво и сладости. Тогда клуриконы становятся их верными друзьями и оберегают их жилища от шалостей других жителей Сиды.

Наконец, третьей разновидностью сидов являются фар дарриг (от ирландского Fear Dearg), или «красные человечки» — прозвище, которое закрепилось за ними, поскольку они постоянно носят красные колпаки и широкие красные пальто. Фар дарриг — зловерные существа, которые любят проказничать. Их проделки, конечно, не столь ужасны и смертельны, как проделки других волшебных созданий, но все равно крайне раздражающие. Никто никогда не видел, чтобы эти представители маленького народца сделали хоть что-то хорошее для других, и, вероятно, никто никогда этого так и не увидит.

Народ мха

Немецкие леса густо заселены народом мха, хотя обнаружить его невероятно сложно, поскольку он ведет крайне скрытный образ жизни. Эти крошечные существа похожи на людей и хорошо сложены, их тельца покрыты твердой и гладкой кожей и на ощупь напоминают камни. Однако дотронуться до них или увидеть их очень сложно, поскольку с ног до головы они облачены во мхи, лишайники и всякие мелкие растения. На некоторых участках их тел, как, например, на подбородке, груди и макушке, растительный слой настолько толстый, что напоминает бороды и волосы.

Их лица с выдающимися скулами и огромным гротескным носищем посередине кажутся весьма грубыми и примитивными. Внешность этих крошечных созданий может показаться забавной и абсолютно безобидной, однако не стоит их недооценивать. Народ мха обладает невероятной силой, а благодаря растительному покрову способен с легкостью сливаться с окружающим лесом и становиться практически невидимым.

Живет этот народец в потаенных гротах и пещерах, стараясь держаться подальше от людей, однако бывает, что кто-то из них, из-за голода или оказавшись далеко от родного дома, крадет еду из обеденных корзин лесорубов. Стоит, правда, заметить, что эти существа никогда ничего не берут, не оставив что-нибудь взамен, так что обокраденный дровосек всегда может надеяться на возмещение убытка — на чистый и прибранный дом или погреб, полный угощений.

Иногда в лесу можно наткнуться на потерявшегося малютку-ребенка, который принадлежит народу мха. Если вы подберете кроху и вернете его семье, то эти существа в знак благодарности дадут вам камешки. Но не спешите выкидывать эти подарки! Как только вы придете домой, камни превратятся в крупные слитки золота. А вот если, к своему несчастью, вы бросите малыша или тем более причините ему вред, лесные существа впадут в ярость и будут вам мстить, разрушив ваше жилище или даже убив вас!

Общество народа мха матриархально. Многие столетия ими мудро и добродетельно правит старая королева Чащобная бабушка, Buschgroßmutter. Восседает она на скалистом троне, где в окружении верных подданных

оглашает свои решения и новые правила, по которым должен жить ее народ. Чашобная бабушка внешне очень похожа на остальных представителей народа мха и, как и все, не носит ни одежды, ни украшений. Единственное, что отличает ее от них, — это распущенные длинные-предлинные белые волосы, которые достигают земли. Из них торчат грибы и листочки, а внутри обитают мириады крошечных блошек. Эти малюсенькие насекомые часто кружат по лесу и приносят королеве самые важные новости.

Сама же Чашобная бабушка крайне редко спускается со своего трона. Лишь в отдельные ночи, когда ей хочется подышать свежим воздухом, она собирает большую процессию, садится в паланкин и вместе со своими подданными устремляется в дикую скачку по лесу. В такие вечера лучше запереться дома от греха подальше, чтобы не столкнуться с мчащимися во всю прыть крошечными чело-
вечками.

Дриады и гамадриады

В древнегреческой мифологии нимфы — невинные девушки, которые символизируют чистоту и девственность дикой природы. Эти существа делятся на различные типы в зависимости от природных объектов, с которыми они связаны. Существуют морские, речные и даже горные нимфы, но мы будем говорить о нимфах древесных — дриадах и гамадриадах.

Первоначально они охраняли исключительно дубы, и их название происходит от греческого слова *Drys* («дуб»), однако со временем эти существа стали ассоциироваться и со всеми прочими деревьями и растениями. Говорят, что каждое новое растение рождает на свет молодую гамадриаду, которая живет в полном симбиозе с ним и обязана заботиться о нем и защищать его от рук вандалов.

При этом гамадриады не бессмертны, и их жизнь теснейшим образом связана с их растением: если оно погибает, от старости или под ударом топора, несчастные создания тоже обречены на гибель.

В отличие от них, дриады более свободны и независимы: обычно они оберегают целые

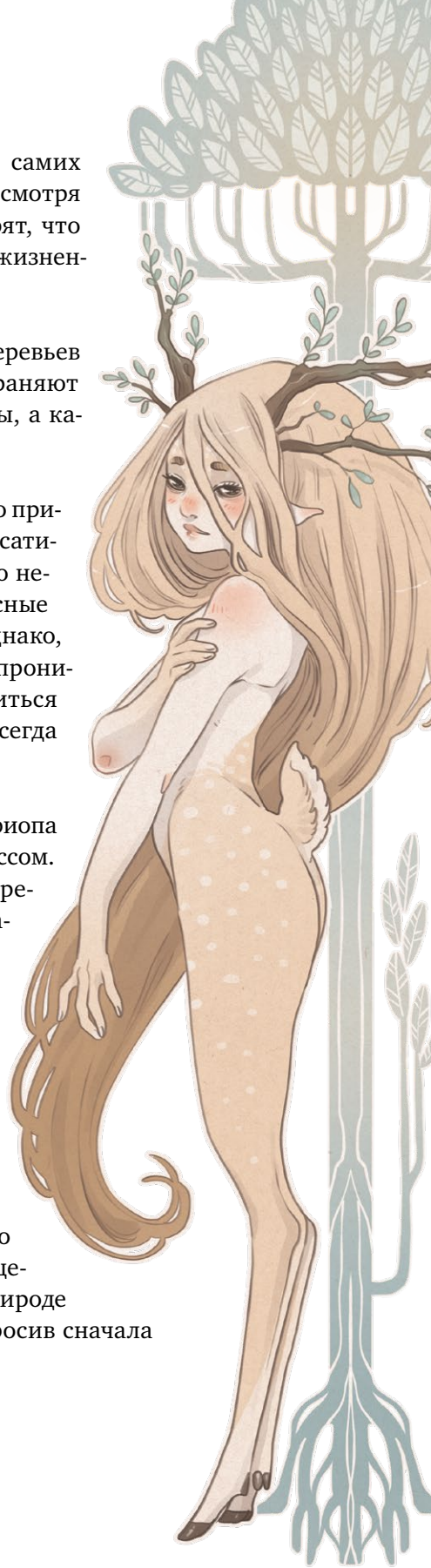
рощи, но жизнь и здоровье непосредственно самих деревьев не влияют на них так сильно. Несмотря на это, дриады тоже не бессмертны, но говорят, что продолжительность их жизни достигает трех жизненных циклов феникса.

С некоторыми особенно важными видами деревьев связаны отдельные типы дриад: так, мелии охраняют ясеневые рощи, эпимелиды — яблоневые сады, а кариатиды защищают ореховые деревья.

Непорочная красота и игривое поведение часто привлекают к дриадам нежелательное внимание сатиров, людей и самих богов. Чтобы сберечь свою невинность от похотливых воздыхателей, древесные нимфы убегают и прячутся в лесных чащах, однако, если преследователь окажется настырным и проникательным, они вынуждены будут превратиться в деревья, чтобы спастись, и из-за этого навсегда утратят человеческий облик.

Рассказывают, что давным-давно принцесса Дриопа играла на берегу озера со своим сыном Амфиссом. Чтобы развлечь малыша, девушка решила срезать несколько цветков лотоса, которые плавали на поверхности воды. Но как только она это сделала, из срезанных растений ручьями заструилась алая кровь.

Дело в том, что в действительности то были не обычные кувшинки, а дриада по имени Лотида, которая за много лет до этого превратилась в цветок лотоса, спасаясь от похотливого бога Приапа. В наказание за содеянное Дриопа тоже начала превращаться в дерево и только и успела прошептать своему плачущему сынишке, чтобы тот всегда заботился о природе и никогда не срывал цветы и растения, не спросив сначала разрешения.

В этой печальной и жестокой истории, изложенной Овидием в поэме «Метаморфозы», едва ли не впервые отчетливо проявляется идея о том, что нужно заботиться о природе.

Наши времена

Многие авторы посвящали свою прозу и поэзию дриадам, гамадридам и нимфам в целом, часто используя их образы как метафоры возделенной чистоты, к которой герой испытывает сексуальное влечение, но которую не может получить.

Главный герой романа Владимира Набокова «Лолита» Гумберт Гумберт называет нимфетками девочек, к которым испытывает влечение. Он определяет их еще невинными и незрелыми, но при этом осознающими свою привлекательность, что выделяет их среди сверстниц.

В поэме французского автора Стефана Малларме «Послеполуденный отдых Фавна» рассказывается о Фавне, грезящем о «приключениях» с лесными нимфами. На основе этого произведения композитор Клод Дебюсси создал симфоническую поэму «Прелюдия к послеполуденному отдыху Фавна», которая в 1976 году была переосмыслена в комедийном и пародийном стиле в мультипликационном фильме «Не очень весело» (в оригинале — *Allegro Non Troppo*) итальянским карикатуристом и художником Бруно Боццетто.

Кодама

Несомненно, кодама — одни из самых древних персонажей японского фольклора: по всей видимости, легенды о них возникли еще до изобретения японской письменности. В японском языке используется несколько систем письма, и по этой причине у слова «кодама» существует несколько значений. Наиболее общепризнанное происходит от соединения двух иероглифов-кандзи* Ко («дерево») и Дама («душа»), что в итоге дает словосочетание «душа дерева». По другой версии, слово «кодама» в действительности представляет собой один иероглиф, который обозначает «эхо, звук». Эти духи, подобно дриадам, живут в симбиозе с отдельными деревьями и являются истинными хранителями леса. Если на земле, за которой они следят, растет много пышных и здоровых деревьев, то кодама спокойны и здоровы, но если их лес будет загрязнен или вырублен, то и они начнут болеть и иссыхать, пока не погибнут.

В прежние времена японские лесорубы непременно спрашивали разрешения у кодама, прежде чем срубить дерево в их владениях. И даже слегка задеть древесный ствол, служивший жилищем лесного духа, считалось недопустимым. Так дровосек мог навлечь на себя нескончаемые беды! По этой причине у японских крестьян была традиция привязывать к священным деревьям кодама веревку, которую называли симэнава.

* Кандзи — китайские иероглифы, которые используются в японской письменности наряду с другими типами графических знаков. *Прим. пер.*

Подобные веревки, сплетенные из пеньки и рисовой соломы, и по сей день используют в Японии, чтобы отделить мир духов от нашего. Если однажды вам случится увидеть такую веревку на дереве, скальном камне или каком-либо другом предмете, то знайте, что это место оберегает кодама или иной дух, которого не следует беспокоить. Оставьте небольшое угощение и не сомневайтесь, что хранитель места будет вам за это очень благодарен.

Учитывая то, что кодама редко показываются на глаза, их внешность до сих пор является предметом жарких споров. В древности полагали, что у них нет как такового собственного обличья, они просто принимают форму дерева, которое находится под их защитой. Первоначально кодама считались настоящими божествами — ками, но в период Эдо их стали считать «простыми» лесными духами — ёкаями.

В 1776 году художник Торияма Сэкиэн создал цикл из четырнадцати гравюр, посвященных духам и чудовищам японского фольклора. На одной из них изображены кодама — пожилые мужчины и женщины в крестьянской одежде, которые собираются почистить свои деревья соломенными метелками. Этот образ хозяйственных кодама действительно хорошо подходит им. Они неагрессивны и нападают на человека, только если их спровоцировать или серьезно рассердить.

Говорят, если ночью из леса доносится громкое эхо от упавшего дерева, но наутро от него нет и следа, значит, то был голос кодама. Такой сильный шум лесные духи, опечаленные участием заболевшего дерева, могут издавать, чтобы выплеснуть свою ярость.

Одно из самых знаменитых и популярных изображений кодама, без сомнений, встречается в анимационном фильме «Принцесса Мононоке», созданном гением Хаяо Миядзаки. Лесные духи здесь представлены в виде маленьких белых существ с тремя черными кругами на лицах. В произведении Миядзаки они по-прежнему выполняют роль хранителей леса, хотя жители тех мест и позабыли о них, до такой степени, что первый же крестьянин, который их повстречал, называет их духами смерти. В фильме кодама иногда трясут своими крошечными головками, производя звук, похожий на мелодию, издаваемую деревянными барабанами.

Пэн-хоу

В различных текстах и рассказах о китайской мифологии часто упоминается Пэн-хоу — странный и своеобразный древесный дух. Его тело похоже на тело маленькой бесхвостой собачки с темной шерстью, но при этом вместо собачьей морды у него лысоватая человеческая голова с обезьяньими чертами, огромными остроконечными ушами и постоянно смущенным выражением лица. Такая комичная внешность вкупе с маленькими размерами вызывает у всех, кому посчастливится встретить Пэн-хоу, не столько страх, сколько умиление.

Обитает это создание только внутри очень старых деревьев, возраст которых насчитывает не менее тысячи лет, и лучше всего он себя чувствует в камфорных деревьях. Когда Пэн-хоу поселяется внутри древесного ствола, ничто не может заставить его покинуть свое жилище, кроме, разумеется, тех случаев, когда это дерево попадает под топор дровосека.

В древней китайской легенде рассказывается о военачальнике Шу Цзине, который приказал своим людям срубить огромное камфорное дерево, чтобы использовать его для постройки военного лагеря. Однако, как только солдаты ударили по стволу топорами, из него обильными струями потекла кровь, перепачкав все лезвия.

Будучи знатоком чудовищ и волшебных существ, Шу Цзин тут же понял, что в дереве живет Пэн-хоу, и, просунув руку в щель в стволе, вытащил диковинное создание. Военачальник принес его в лагерь, где приказал повару сварить его и подать на ужин тем же вечером.

Повар отрезал Пэн-хоу голову, освеживал его, приправил и сварил вместе с бобами. Тем же вечером кушанье было подано на стол, и все отмечали его изысканный вкус.

Эта история показывает, что к Пэн-хоу, в отличие от большинства древесных духов, люди не испытывали ни особого почтения, ни уважения, а относились к нему как к дичи, мясо которой считалось деликатесом. Как описывают некоторые источники, по вкусу мясо Пэн-хоу напоминает собачье и в прежние времена считалось изысканнейшим блюдом у китайских поваров.

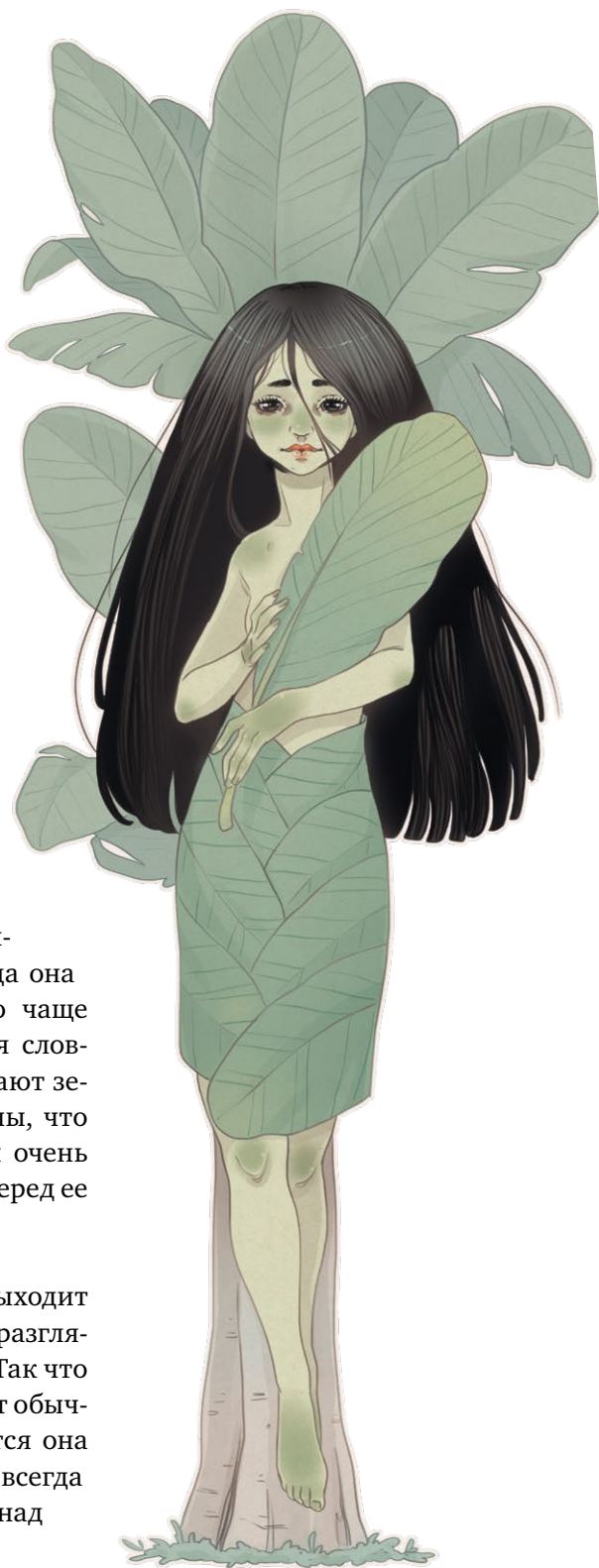
Неловкий, несмышленный, лишенный каких-либо магических сил, Пэн-хоу представляет собой беззащитное существо, которое легко поймать, стоит его только обнаружить. Из-за своей слабости и неприспособленности к жизни со временем он стал очень редким созданием. Так что, если вдруг вы наткнетесь на камфорное дерево, прошу вас: не трогайте бедолагу Пэн-хоу.

Нанг Тани

В Таиланде растет очень похожее на банан фруктовое дерево, которое местные жители называют Klui Tani. Его плоды несъедобны, и никому не советуют сажать его в селении или рядом со своим домом. Все потому, что внутри него часто обитает особый призрак, который предпочитает селиться именно в этих деревьях. У него много имен: Phi Tani, или Банановый Призрак, Phrai Tani — Банановый Дух, но самое распространенное — Nang Tani — Банановая Дева.

Нанг Тани — женский призрак, который, как правило, предстает в виде черноволосой молодой девушки с бледной зеленой кожей. Иногда она является полностью голой, однако чаще заворачивается в банановые листья словно в парео. Ее кожа и волосы отливают зеленым цветом, а губы настолько алы, что сверкают даже во тьме. Нанг Тани очень красива, и мало кто может устоять перед ее пленительным очарованием.

Во время полнолуний она иногда выходит из дерева, и порой очень сложно разглядеть во тьме зеленый цвет ее кожи. Так что единственный способ отличить ее от обычной девушки — посмотреть, касается она ногами земли или нет: Нанг Тани всегда парит в нескольких сантиметрах над поверхностью.

Как и в случае с нимфами и духами-кодама, не стоит рубить дерево, в котором живет Нанг Тани: это может навлечь беду. Чтобы избежать ее гнева, следует просто отметить такие деревья веревкой. В действительности же Нанг Тани, как правило, неагрессивны и очень любят подарки: благовоения, сладости и букеты цветов. В знак благодарности Банановая Дева всегда позволит сорвать со своего дерева несколько листьев, в которые тайландцы заворачивают съестные припасы и которые используют при лечении кожных язв.

Стоит, однако, заметить, что Нанг Тани могут быть очень недоверчивыми и агрессивными по отношению к мужчинам и относятся с крайней жестокостью к тем из них, кто бьет и истязает женщин: Банановые Девы нападают на насильников и без всякой жалости наносят им страшные раны.

Батибат

На предыдущих страницах этой книги мы уже увидели, что большинство древесных духов не злые, а скорее нейтральные по отношению к людям и вмешиваются, только если человек неуважительно относится к природе. Но батибат явно не входит в их число. Этот ужасный демон из филиппинского фольклора селится внутри деревьев с широкими стволами. Его любимое занятие — душить спящих людей.

Часто это существо принимает облик огромной старухи с бледной кожей и очень жирным и дряблым телом. У нее узкие впалые, как у мышей, глаза, острый вытянутый нос и рот с зубами-бритвами. Длинные волосы батибат отливают цветом зеленой тины и обмазаны странным маслянистым и вонючим веществом. Сказать по правде, подобный малопривлекательный внешний облик отлично соответствует злобному и жестокому нраву батибат. Стоит держаться подальше от деревьев, зараженных этими демонами, поскольку батибат сделают все, чтобы дотянуться до вас и сожрать вашу душу.

Рассказывают, что однажды в безлунную ночь некий путешественник искал подходящее место для ночлега и решил разместиться возле корней большого тенистого дерева. Однако стоило ему только заснуть, как он попал в кошмарный удушающий

сон, от которого никак не мог проснуться. В том кошмаре он обнаружил, что его грудь сдавливает сидящая на нем батибат. Силы уже почти покинули несчастного путника, когда он собрал остатки былой ясности и в полудреме сумел укунить большой палец на своей руке, так что из него потекла кровь. От внезапной боли мужчина проснулся и тут же, вскочив на ноги, бросился наутек подальше от заколдованного дерева. У этой истории благополучный финал, однако встречи с батибат редко заканчивались хорошо.

Узнать зараженное дерево не так-то просто, но отличить его можно по поведению животных, которые прекрасно чувствуют демоническую силу батибат. Ни одна птица никогда не сядет на ветви такого дерева, а собаки, приближаясь к месту, где скрылось злое существо, обычно становятся беспокойными.

Одна из сложностей, без сомнений, состоит в том, что батибат очень живучи: демон способен оставаться внутри дерева даже после того, как его срубили. Поэтому крайне опасно использовать зараженную древесину для изготовления различных предметов и для строительства зданий, поскольку это существо остается в каждой, даже самой маленькой щепке.

Единственный способ избавиться от батибат — сжечь дерево, в котором она поселилась. При этом стоит удостовериться, что вы сожгли его полностью, от корней до листьев, потому что злое существо ужасно мстительно по отношению к тем, кто пытался его убить.

Ямауба

Говорят, что в высокогорных японских лесах живет ужасная Ямауба, или Горная Ведьма. Она часто является путникам на лесных тропах в виде старухи с иссохшим морщинистым лицом и длинными грязными и спутанными седыми волосами, одетая в грязное красное кимоно. Сначала загадочная старуха кажется доброй и приветливой и настойчиво приглашает путника в свой уютный дом. Как только гость соглашается и входит в ее жилище, она предлагает ему отдохнуть и погреться у камина.

Когда же спускается ночь, ведьма удаляется в запертую комнату, предупредив гостя: «Что бы ни случилось, не заглядывай сюда!» В эту минуту следует как можно скорее покинуть дом и бежать прочь без оглядки, однако если путник окажется слишком храбрым или глупым и не прислушается к словам старухи, то его ждет ужасающее зрелище.

Заглянув в тайную комнату, он обнаружит, что она заполнена человеческим мясом и костями, а из угла доносится равномерный скрежет длинного и грубого клинка, который точит ведьма. В этот миг уже ничто не спасет несчастного: страшная старуха заколет его насмерть и сожрет в сыром виде. Без сомнений, Ямауба наводит настоящий ужас, ее особенности — это сверхъестественная физическая сила и безумная страсть к человеческому мясу.

Считалось, что ведьмами становились женщины, которых обвинили в том или ином преступлении и изгнали в горы, где они бродили без цели и не имели крыши над головой. Случалось также, что в крестьянских семьях портились съестные припасы, и главе семьи приходилось кого-то выгонять прочь, чтобы прокормить остальных: его выбор обычно падал на младшего ребенка или... на престарелую мать. Если из дома прогоняли старую женщину, то гнев и печаль несчастной превращали ее в Ямаубу — настоящее средоточие ненависти.

Однако не все легенды представляли Горную Ведьму злобным существом. В более древних историях Ямауба обычно была молодой отшельницей, которая вела добродетельную и спокойную жизнь в уединенном жилище на вершине горы.

Согласно одной из таких историй, Ямауба нашла в лесу выброшенного ребенка, которого вырастила со всей любовью и научила уважать лес. Впоследствии этот малыш станет Кинтаро, Золотым Мальчиком, мифическим героем японского эпоса. Вероятно, образ женщины, уединенно живущей в горах, со временем стал казаться неправильным все более патриархальному обществу Страны восходящего солнца и по этой причине из нее сделали своего рода страшилку, чтобы опорочить и выставить ее в неприглядном свете, точно так же, как случилось с ведьмами и колдуньями в Европе.

Наши времена

Возможно, странный облик Ямаубы вдохновил режиссера Хаяо Миядзаки на создание двух ведьм, Юбабы и Дзенибы, в мультипликационном фильме «Унесенные призраками». Кроме того, оба имени являются двумя различными словами для обозначения ведьмы. Ко всему прочему, сын Юбабы, Бо, напоминает огромного ребенка Кинтаро, который в японских легендах был приемным сыном Ямаубы.

Лихо

Старинная русская пословица гласит: «Не буди лихо, пока оно тихо». Она очень напоминает итальянскую «Не буди спящую собаку» и имеет то же значение, лишь чуть более злое.

В действительности лихо — персонаж русских сказок, который олицетворяет неудачи и злую судьбу, неслучайно его имя является синонимом беды, несчастья. Очень высокое и худое — до такой степени, что видны все кости, это существо постоянно бродит по лесу в поисках добычи. На его безжизненном сероватом лице, прямо на лбу, гноится единственный глаз, а рот его неестественно растянут в жуткой улыбке. Длинные и узловатые пальцы лиха шевелятся во все стороны словно змеи.

Неизвестно точно, какого пола это существо: в некоторых историях оно предстает как старуха, в других — как мужчина. Вероятно, первоначально, в глубокой древности, оно не было ни женщиной, ни мужчиной. В конце концов, зло бесполо. Это чудовище обладает превосходным слухом и острым зрением, как у орла. На своих тощих ногах лихо перемещается со скоростью ветра, а длинными и сильными руками способно задушить даже медведя.

Лихо — несчастное создание, и единственное, что доставляет ему радость, — это мучить людей, чем оно и занимается большую часть времени. В некоторых историях рассказывается, что оно убеждает дровосеков в своей доброте, но, как только те расслабляются, тут же накидывается на них и безжалостно разрывает на куски. Бесполезно даже пытаться убежать от него: лихо вцепится в шею и нет ни единого способа заставить его ослабить хватку! Если жертва в панике прыгнет в воду, надеясь, что монстр захлебнется, то вместо этого окажется на дне и утонет, после чего лихо полакомится трупом несчастного. Это чудовище не нуждается в воздухе, чтобы жить, а единственная его потребность — свежее человеческое мясо.

По другим легендам, лихо носит на шее талисман. Это прозрачный камень, внутри которого переливается странная сверкающая и пульсирующая жидкость, напоминающая нечто живое. Это не что иное, как счастливые и радостные воспоминания, которые лихо забирает у своих жертв, чтобы хладнокровно запрятать в своем амулете, обрекая тем самым несчастных на печальную и скорбную жизнь. Если лихо схватит вас, сохраняйте ясность ума и забудьте о страхе. Самое уязвимое место лиха — его огромный глаз: если вам удастся выколоть его и тем самым ослепить монстра, то у вас появится возможность сбежать. Если же вам хватит мужества, то вы можете попробовать сорвать с лиха его талисман; этот волшебный предмет очень хрупок, и, разбив его, вы освободите все безмятежные воспоминания, которые оно похитило. Как только это случится, лихо упадет в такое отчаяние, что вам остается только улучшить момент и со всех ног броситься прочь без оглядки и скрыться от монстра!

Хотя конкретные свидетельства об этом и отсутствуют, но вполне можно предположить, что писательница Джоан Роулинг вдохновлялась именно образом лиха, когда создавала своих дементоров. Как и славянское чудовище, эти монстры, стражи темницы Азкабан, способны высасывать из людей хорошие воспоминания, используя их в качестве пищи. Да и внешний облик дементоров имеет много общего с лихом, хотя, в отличие от последнего, у них вообще нет глаз.

Баньши

Если оказаться в лесах Ирландии или Шотландии глубокой ночью, когда все вокруг погружается в абсолютную тишину и туман окутывает землю, можно услышать жалобный вой, наполненный пронзительной печалью. Этот звук издает баньши — существо, которое бродит по земле и плачет навзрыд. Ее облик представляет собой душевраздирающее зрелище, от которого кровь стынет в жилах. Самое страшное — это, конечно, ее призрачный голос, звучащий беспрестанно! Страдальческий вой баньши оглушает, проникает внутрь черепной коробки, заставляет стучать зубами и нередко сводит с ума того, кто его слышит. Несмотря на это, баньши в действительности не злы: им абсолютно безразлична участь большинства людей, а их единственная цель — выпустить свою безграничную боль.

Баньши — волшебные создания, фейри, которые магическим и неразрывным образом связаны с древними прославленными ирландскими и шотландскими кланами. Они незримо присутствуют возле очага семьи, которой покровительствуют, желая быть ее частью и будучи неспособными изменить свое призрачное обличье. Баньши не жаждут мести, но очень сильно сочувствуют собственному клану и обладают особым даром предвидения. Когда ночами они рыдают и воют от горя, то делают это не для того, чтобы напугать людей. Они знают, что совсем скоро кто-то из членов их любимой семьи умрет, и начинают оплакивать его заранее.

Если же несколько баньши сходятся в едином вое, значит, стоит ждать смерти какой-то важной персоны — возможно, святого или даже правителя страны. К сожалению, фейри не владеют человеческим языком, а потому их предупреждения остаются непонятыми. Только у чистокровных ирландских и шотландских семей есть одна или две баньши: это привилегия. Такие семьи обычно легко отличить по приставке «О» или «Мак» перед фамилией, но бывают и исключения. У баньши нет какого-то определенного внешнего вида. Вероятно, он меняется в зависимости от семьи, к которой принадлежит волшебное создание. Уверенно можно сказать, что баньши являются в облике очень худых и высоких девушек, которые медленно парят в тумане. Говорят, что иногда они облачены в длинные зеленые платья, а вокруг их скорбного стана колыхаются светлые волосы, сверкающие в отблесках луны, словно покрытые слизью улитки.

В других случаях баньши предстают в белых одеждах и с красными волосами, яркими и пунцовыми, словно свежая кровь. Возраст их тоже неясен: при первом взгляде они могут показаться прелестными молодыми девушками, но затем — старухами с таким морщинистым лицом, какое вы никогда в жизни не видели.

Рассказывают, что в северной части ирландской провинции Манстер обитает королева баньши по имени Эйбелл. Именно она приснилась великому королю Бриану Бору накануне его смерти. Во сне правитель увидел, как она с рыданиями и воем стирала в реке одежды его солдат, пока речные воды не окрасились в кровавый цвет. В тот момент король и проснулся. На следующий день случилась битва при Клонтарфе, в которой Бриан Бору с честью пал в поединке один на один.

Эйбелл не единственная королева баньши. В Южном Манстере ими правит Клиодна. Королевы соперничают и с немалым удовольствием испытывают взаимную ненависть, не упуская случая нанести друг другу тяжелые оскорбления, которые затрагивают в том числе их семьи.

Пука

В кельтском фольклоре есть волшебный гоблин-оборотень Пука, от которого лучше держаться подальше. Это существо с безумными и злыми мыслями, которые оно часто воплощает в виде ужасных и жестоких выходов, причиняя вред своим несчастным жертвам. Пука способен менять свой внешний вид, и никто никогда не видел его настоящее обличье. Иногда он появляется в виде осла, в других случаях в виде зайца, но чаще всего он предстает в облике огромного козла со сверкающими, словно горящие угли, глазами. Поэтому и считается, что его имя происходит от кельтского слова Рос, то есть «большой козел». Иногда Пука любит появиться перед усталыми путниками или пьяными людьми в виде скакуна. Он ждет, пока наивные простаки залезут ему на спину в надежде облегчить себе путь, а после утаскивает их в глубину леса.

Пука не из нашего мира и не способен испытывать такие чувства, как жалость и эмпатия. Он, однако, весьма жаден и невероятно эгоцентричен, так что подарок или добрый поступок по отношению к нему может порой его смутить или заставить гордиться собой до такой степени, что он позабудет о своих злодейских планах.

Как и другие представители маленького народа, Пука знает стихи и песни, способные вскружить голову, и любит музыку и бешеные пляски.

Одна ирландская легенда рассказывает о заурядном музыканте из графства Голуэй, которого однажды ночью похитил Пука и принес к развалинам огромного древнего замка. Он сделал это по заданию Эйбелл, королевы баньши, которая поручила ему раздобыть волынщика на свой праздник. Бедный музыкант знал лишь одну мелодию, да и ее не умел толком играть, однако Пука велел ему все равно исполнить ее со всей убедительностью, пообещав помочь. Похищенный юноша так и сделал, и действительно, когда он приложился к волынке, из нее понеслись такие энергичные и заводные мелодии, что они заставили бы пуститься в пляс даже самого большого скромника в мире, превратив его в мастера танцев. Конечно, за всем этим стоял именно Пука, который благодаря своей магической силе руководил губами и руками музыканта.

Воодушевленные музыкой, фейри тут же бросились в безудержный пляс и танцевали до тех пор, пока их башмаки не начали дымиться. Тогда они осыпали юношу золотыми монетами и, довольные, отпустили его домой. Потрясенный музыкант вернулся к себе и заснул, но на следующий день обнаружил, что все золото превратилось в совершенно бесполезные дубовые листья.

Однако он очень хорошо запомнил урок Пуки, так что с того дня во всей Ирландии не было волынщика, равного ему.

Полное имя волшебного гоблина — Пука на Самха (Ноябрьский Пука). Говорят, что в ночь Самхейна коварный фейри блуждает по лесам, держа в руках ядовитый лист. Стоит этому листку прикоснуться к дереву, как оно начинает сохнуть и терять цвет, что знаменует начало зимы. В такую ночь не стоит выходить из дома, ведь даже одной капли яда с листа хватит, чтобы иссушить вас и свалить замертво.

An illustration of a forest scene. In the center, a young woman with long blonde hair and blue eyes stands with her arms raised, holding onto the branches of a large tree. She is wearing a headband with small white flowers and has a serene expression. In the foreground, a young man with brown hair and a beard, wearing a white tunic and a gold armband, looks up at her with a reverent expression, his hands raised towards her chest. The background is a soft-focus forest with green leaves and brown tree trunks.

**Часть
третья**
*Мифы,
легенды
и истории*

Мифы, легенды и истории

Мы поговорили о деревьях, животных и различных невероятных существах, которые населяют леса всего мира. Но разве знали бы мы о них, если бы не мифы, легенды и истории, которые превратили их в важных персонажей лесного мира? С древних времен люди любят рассказывать истории. В одних с помощью мистики объясняются непонятные физические явления, другие созданы, чтобы передать следующим поколениям важные моральные правила и значение определенных символов, наконец, есть и те, которые слагали просто ради удовольствия поведать о чем-нибудь захватывающем и интересном.

Если сегодня подобные рассказы все чаще воспринимаются как пустая трата времени для бездельников и детей, то в прошлом знание мифов и историй собственного народа считалось признаком великой мудрости и внутренней силы. Чаще изучали и хранили легенды шаманы и колдуньи, однако нелишним это было и для воинов и искателей приключений. Славная история холодной ночью в плавании или во время тяжелого перехода через пустыню могла спасти жизнь. Рассказы об Арджуне, Зигфриде или Одиссее, их подвигах и приключениях, победах и поражениях могли даже робкому сердцу дать необходимые силу и храбрость, чтобы соответствовать деяниям легендарных кумиров. Речь шла не о детских сказках. Речь шла о героях!

К сожалению, как это часто случалось в истории человечества, богачи и властители искажали мощную суть сказаний и легенд и использовали их, чтобы сломить волю народа и заставить людей следовать навязанной сверху воле. Вера, что героическая гибель в битве дарует право вечно пировать в залах Вальгаллы в компании Фрейи и Одина, заставляла викингов бесстрашно бросаться в гущу сражения. Страх греха и божественного наказания, вселяемый священнослужителями своей пастве, усиливал их контроль, которым они пользовались, чтобы заставить людей отвергнуть все, что угрожало власти церкви.

Несмотря на это, мы никогда не должны забывать о важных символических и мистических истоках, которые скрываются в глубине всех религий, от буддизма до христианства. Какими бы порой жестокими

и бессмысленными ни выглядели верования наших предков, важно не принижать их значение, а всегда анализировать их, проявляя интерес и любопытство, потому что часто они скрывают в себе куда больше истины, чем мы можем вообразить.

Кроме того, невероятно интересно отслеживать, как различные легенды и мифы влияли друг на друга в течение всей истории человечества. Порой речь шла о настоящей культурной апроприации, как в случае с римской и древнегреческой мифологией, но порой остается только изумляться тому, как народы с противоположных концов Земли каким-то непостижимым образом воссоздавали и использовали одинаковые архетипы и символы в своих сказках и легендах.

Согласно философу и психологу Карлу Густаву Юнгу, у человечества есть настоящий котел с символами и архетипами, к которому привязано сознание каждого из нас, — так называемое коллективное бессознательное. Общая память, состоящая из ценностей и идей, которые меняются со временем и к которым все мы, начиная с нашего первопредка, постоянно неосознанно обращаемся. По сей день отдельные архетипы используются в современных художественных произведениях. Достаточно вспомнить наставления мудрого учителя Йоды, которые сильно напоминают каноническое Евангелие или изречения из даосских мифов. В любом случае, каким бы ни было их происхождение, никогда не принижайте важность этих историй, поскольку они хранят в себе сердце и душу человечества как такового и только благодаря им мы сможем вновь соединиться с нашим прошлым и, не исключено, узнать что-то о будущем.

А теперь хватит болтать, давайте прочитаем парочку историй!

Аполлон и Дафна

Аполлон знал, как он прекрасен. У него были карие глаза с огненно-красными крапинками и длинные золотистые волосы, которые обрамляли загорелое лицо, являя собой подлинное божественное великолепие. Но не только изумительным телом мог похвастаться юный бог, его таланты и способности тоже были достойны восхищения. Во всей Греции, пожалуй, лишь Орфей мог тягаться с ним в игре на кифаре и создавать такую же нежную и пленительную музыку, которую почти магическим образом извлекал из струн Аполлон. Не говоря уже о выдающейся стрельбе из лука — другом таланте этого бога.

Стрельба из лука была, определенно, любимым занятием Аполлона, и с годами он стал настолько хорош в этом, что мог с любого расстояния поразить любую цель. Некоторые самонадеянные храбрецы бросали ему вызов, будучи убеждены, что превосходят Аполлона в меткости, и каждый раз это заканчивалось для них плачевно. Вступить в поединок с богом — настолько же отважный поступок, насколько и безрассудный. Когда Аполлон натягивал тетиву, крепко удерживая ее средним и указательным пальцами, его дух становился единым целым с луком. Изогнутое тисовое оружие дрожало и дышало вместе с ним, превращаясь из простой вещи в живое пульсирующее существо. Глаза Аполлона сливались с наконечником стрелы, мышцы его напрягались словно тетива, а душа скользила по изгибам деревянной дуги лука. Затем он отпускал тетиву и всегда поражал свою цель. И когда Аполлон довольно смеялся, смахивая со лба прядь взмокших волос, ни один смертный не стал бы спорить с тем, что видит перед собой самое великолепное и восхитительное создание, над которым когда-либо всходило солнце.

Наша история начинается именно со стрелы, которая вонзилась в пасть огромного Пифона, убив его. То был гигантский чудовищный змей, покрытый коричневой чешуей, длинный и могучий, словно горный массив. Зубы его напоминали мраморные колонны, а в глазах сверкал огонь. Аполлон решил сразить его и, конечно же, не отступился от своего намерения. Поединок получился неимоверно тяжелым и изматывающим, и назвать его эпичным было бы преуменьшением. Пифон оказался ужасающим и изворотливым, но и Аполлон не отставал от него, и в конце концов именно кровь монстра пролилась на землю. Вновь Аполлон сразил врага с помощью своего непобедимого лука, однако наша история повествует не об этой победе.

Я поведаю вам о первом поражении Аполлона и о том, как благодаря этому появилось на свет лавровое дерево. Воодушевленный победой над чудовищным змеем, Аполлон принес весть о своем подвиге на вершину горы Олимп, где находилось жилище богов. Все начали праздновать, поднимая наполненные нектаром кубки и восхваляя юного бога. Минерва была поражена его хитростью, Марс — храбростью, и даже Диана, сестра-близнец Аполлона, которая обычно насмехалась над ним, принижая его умения, на этот раз вынуждена была присоединиться к хвалебному хору.

Внезапно Купидон, маленький лучник со стрелами любви, приблизился к Аполлону, чтобы поговорить с ним.

— Ты был невероятен! — взволнованно произнес малыш. — Только рука настоящего мастера способна сделать такой выстрел, которым ты пронзил пасть чудовища!

Опьяненный всеобщим восхищением, Аполлон уже настолько уверился в своей доблести и силе, что даже в словах похвалы увидел, что его достоинства умаляют.

— Да что ты в этом понимаешь! — усмехнулся он в ответ на слова Купидона. — Ты даже не знаешь, что значит поразить цель!

— Позволь, но я тоже лучник! — обиженно парировал Купидон, указывая на свой золоченый лук и колчан со стрелами, висевший на его обнаженной спине. — Конечно, я не так хорош, как ты, но...

— Даже не смей продолжать! — перебил его Аполлон. — Мои стрелы способны сразить могучих существ и непобедимых воинов, а на что годны

твой? Они лишь приносят немного любви и сладострастия в сердца хрупких юнцов, детская забава, да и только. Даже в шутку не смей сравнивать наши таланты, мальчишка. И думать забудь об этом!

Затем Аполлон поднялся и, сделав напоследок большой глоток из чаши с нектаром, решил прогуляться, чтобы немного размять ноги.

— Хороший лучник, понимаете ли! Забудь об этом! — продолжал он насмехаться над крылатым богом, уходя.

Однако Купидон не забыл о нанесенной ему обиде. В его раненом сердце теперь бушевало лишь одно безудержное чувство: жажда мести. Он решил проучить этого напыщенного гордеца. Купидон знал, что его лук способен принести куда больше ущерба, чем оружие Аполлона, так что он вытащил из колчана две стрелы — одну золотую и одну бронзовую — и, злорадно улыбаясь, спустился за обидчиком с Олимпа.

В Фессалии есть бурная и резвая река Пеней, которую оберегал одноименный бог. У этого речного бога было много дочерей, но самой прекрасной, без сомнений, считалась Дафна, изумительная нимфа, которая своей улыбкой озаряла лесные поляны и заставляла цвести и зеленеть травы и прочие растения. Пеней так сильно желал внуков, что уже долгое время пытался найти мужа, достойного красоты его дочери. Однако Дафна была строптива, мужчины вызывали у нее страх и отвращение, и мысль соединиться телом и душой с одним из них нисколько ее не прельщала. Ее кумиром была Диана — непорочная дева-охотница, и нимфа стремилась оставаться такой же невинной, как и она. Когда Дафна поведала об этом отцу, тот, конечно, сильно расстроился, но каждое желание дочери было для него законом, так что речной бог прекратил искать ей суженого.

В день, когда случилась эта история, Дафна, напевая и радостно танцуя, собирала в лесу цветы. Аполлон услышал этот пленительный голос и, охваченный любопытством, замер и спрятался за кустом, чтобы узнать, кто же поет чудесную песню. В тот миг, когда он увидел Дафну, собиравшую цветы среди трав, его сердце почти остановилось. Светлые волосы незнакомки, казалось, были усеяны драгоценными камнями, а ее грациозные движения, с которыми она срывала цветы, напоминали танец голубки. У юной девы была тонкая белоснежная шея, идеальное тело, грудь, похожая на два спелых яблочка, и стройные ноги с превосходными изящными ступнями. Аполлон почувствовал, как что-то ужалило его в шею, и в тот же миг любовная искра превратилась в безжалостный пожар,

сжигая остатки разума и заставляя юного бога подняться на ноги и выйти из своего укрытия, чтобы явить себя нимфе. Дафна замерла как камень, выпустив из рук цветы, которые рассыпались у ее ног словно шеренга павших воинов, а потом попятилась, не сводя взгляда с Аполлона.

— Не бойся, — спокойным голосом произнес тот, подобрав один цветок с земли и поднеся его к своим ноздрям.

Дафна же почувствовала, как что-то слегка ущипнуло ее за икру, и тут же ужас начал расти у нее в груди. Каждый шаг Аполлона ей навстречу был для нее мучителен. Этот светловолосый и ослепительный юноша казался ей самым ужасным и омерзительным существом, какое когда-либо извергала преисподняя. Юная нимфа больше не могла совладать с собой. Она отвернулась от незнакомца и отчаянно бросилась бежать прочь. Конечно, Аполлон не собирался упускать свою большую любовь и, справившись с изумлением, помчался за молчаливой беглянкой.

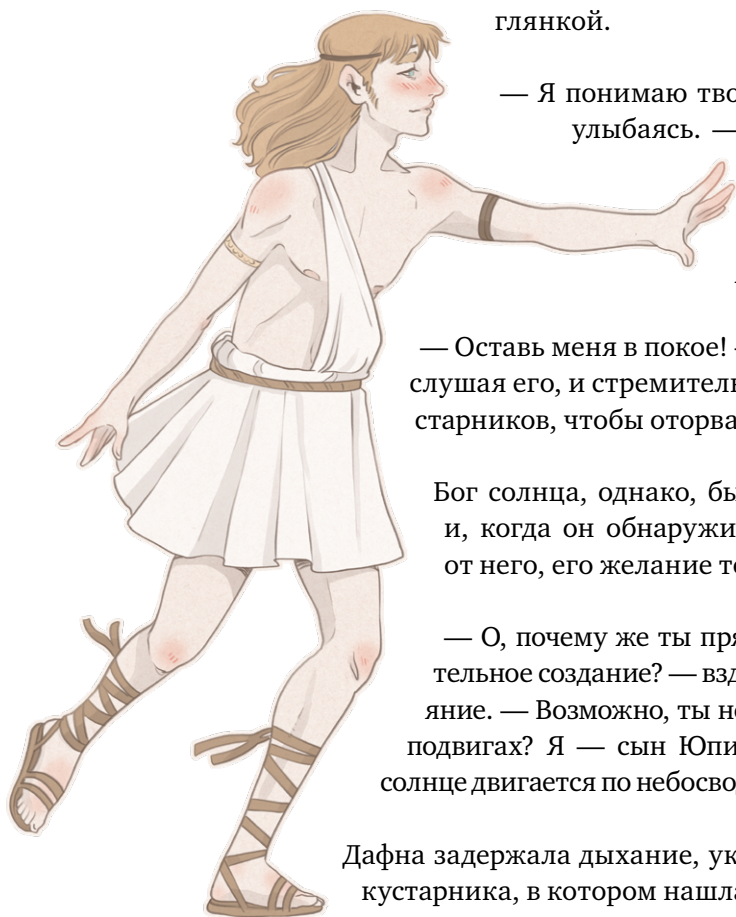
— Я понимаю твой страх, — кричал он ей улыбаясь. — Вероятно, ты меня просто не узнала: я не какой-то похотливый человечиска, а сам бог Аполлон!

— Оставь меня в покое! — воскликнула Дафна, не слушая его, и стремительно нырнула в заросли кустарников, чтобы оторваться от преследователя.

Бог солнца, однако, был стремителен как заяц, и, когда он обнаружил, что девушка скрылась от него, его желание только усилилось.

— О, почему же ты прячешься от меня, очаровательное создание? — вздохнул он, изображая отчаяние. — Возможно, ты не слышала обо мне и моих подвигах? Я — сын Юпитера и брат Дианы, само солнце движется по небосводу, повинуюсь моей власти.

Дафна задержала дыхание, укутанная ветвями густого кустарника, в котором нашла укрытие.

— Я — мастер пения и игры на кифаре! — продолжал тем временем Аполлон. — Лучший лучник и, как ты можешь это хорошо разглядеть, прекрасный, как изумительный рассвет. Сладкое создание, разве ты не видишь, что мы просто созданы друг для друга? Прекрати прятаться и позволь нашим золотистым волосам переплестись в высшем наслаждении.

Произнося эти слова, Аполлон с хитрой улыбкой заглянул в заросли, но нимфу, казалось, ничуть не привлекала его красота: издав сдавленный крик, она снова бросилась бежать без оглядки. Долго продолжалась эта лесная погоня, и бедная Дафна уже почти выбилась из сил, когда вдруг увидела за деревьями блеск голубых вод реки Пеней. С невероятной скоростью, почти летя, нимфа подбежала к кромке реки и уже собиралась нырнуть в приветливые и спасительные волны, как Аполлон в последний миг кошачьим прыжком настиг девушку и, схватив ее за запястье, отдернул назад.

— Почему ты бежишь? Ответь мне! — воскликнул он, начиная догадываться, что эти увлекательные догонялки в действительности были чем-то ужасным для девушки.

— Отпусти! — закричала Дафна, отчаянно вырываясь, однако Аполлон был сильнее и не собирался ослаблять хватку. Напротив, чем больше нимфа пыталась вырваться, тем крепче сжимал он свои пальцы и прижимал ее к себе.

Мысль, что какая-то девушка хотела сбежать от него, была для него невыносимой. Никто и никогда не осмеливался отвергнуть его, напротив, все всегда почитали за честь стать его любовницами и были благодарны за это! Разочарование только подстрекало Аполлона взять девушку силой и сделать ее своей.

Издав покорный всхлип, Дафна потеряла всякую надежду на спасение и поникла в крепких объятиях Аполлона, который зарылся лицом в ее сверкающие волосы и, изнемогая от желания, принялся трогать ее бедра в поисках того драгоценного сокровища, что утолило бы его любовную жажду.

— Умоляю тебя, отец, — прошептала нимфа, пока безудержные слезы текли по ее розовым щекам, а дыхание Аполлона все учащалось, — не дай этому монстру осквернить мою непорочную чистоту, прошу тебя об этом!

Пеней действительно наблюдал из речных вод за своей любимой дочерью, зажатой в тиски объятий Аполлона. Но что мог сделать он, речной бог, которому было далеко до олимпийцев? Если бы Пеней вмешался, то бог солнца испепелил бы его одним взглядом, или это сделали бы молнии Юпитера, едва тот узнал бы, что отец Дафны осмелился встать на пути у его сына. Аполлон был олимпийским богом, и нельзя было препятствовать его воле. Так что Пеней мог только одним способом спасти дочь. Способом столь же действенным, сколь и трагичным и ужасным. Но любое желание дочери было для Пенея законом, так что он окутал волшебством весь берег.

Все произошло стремительно: ступни Дафны, еще мгновение назад такие неуловимые, вдруг неожиданно начали укореняться в прибрежной почве. Затем нежные ножки нимфы стали деревенеть и покрываться узлами, а странное превращение продолжалось и уже достигло ее женского естества.

— Нет! — воскликнул Аполлон, пока девушка безмятежно улыбалась: оба уже поняли, что происходит с ней.

В последнем отчаянном желании прикоснуться к любимой юный бог попытался поцеловать ее, но вместо мягких и сочных губ натолкнулся на шершавую кору дерева, которое раскинуло свои пышные ветви перед ним. На месте, где еще несколько мгновений назад стояла любовь всей его жизни, Аполлон лицезрел свершившуюся месть Купидона. Поразив Аполлона золотой стрелой, а Дафну — бронзовой, Купидон вселил в их сердца невзаимные чувства — пылкое желание и презрительное отвращение соответственно, доказав тем самым, что его лук мог быть страшнее оружия бога солнца.

Аполлон оплакивал утраченную любовь и так сильно погрузился в свою печаль, что даже не понял, почему все случилось именно так. Невозможно описать его разочарование от неудовлетворенности и грусть, которые скручивали его изнутри, пока он нежно ласкал блестящие зеленые листья, шелестевшие перед ним. Аполлон знал, что девушка исчезла по его вине, но понимал он и то, что не желает забывать ту, что пусть и на мгновение, но стала для него источником любви и воодушевления.

— Пусть оно всегда будет зеленым, — произнес бог солнца, и дерево впитало в себя волшебную силу. — Даже в самое суровое время года его листья будут сверкать словно золото, которое окрашивало волосы моей возлюбленной.

После этого безутешный Аполлон покинул дерево. Как это часто случается с капризными и легкомысленными богами, юный Аполлон не извлек из этого урок, и не слишком много времени потребовалось, чтобы он позабыл об угрызениях совести и чувстве вины, а большая любовь освободила место для новых влюбленностей. Однако дерево никогда не забывало о словах юного бога и всегда оставалось зеленым, как летом, так и зимой. И по сей день лавровые листья украшают головы победителей в память о Дафне и ее непорочной чистоте.

Миф об Аполлоне и Дафне, пересказанный в «Метаморфозах» Овидия в начале I века до н. э., впоследствии часто воспроизводился на художественных полотнах и в скульптурах.

Великие художники, такие как Джамбаттиста Тьеполо и Якопо Робусти, прозванный Тинторетто, изображали превращение Дафны, однако самой знаменитой интерпретацией мифа, без сомнения, является одноименная скульптура работы Джованни Лоренцо Бернини, созданная в 1625 году. Наполненная страстью и динамикой, скульптура завоевала огромную славу и восхищение и по сей день считается одним из неоспоримых шедевров мастера. К ней был также прикреплен картуш с изречением папы римского Урбана VIII: «Тот, кто любит и гонится за наслаждением ускользящей красоты, наполняет руку листьями и собирает горькие ягоды». Эта надпись, содержащая христианскую мораль, которая отсутствовала в оригинальном мифе, позволила поставить скульптуру внутри виллы кардинала Боргезе.

Король Лаурин

и Розовый сад

На протяжении столетий в земле ладинов, в Доломитовых Альпах, правил король гномов по имени Лаурин. Он жил в подземном дворце, внутри горы Катиначчо, где его подданные трудились с утра до вечера, строя запутанные лабиринты из подземных коридоров и шахт. В пещерах гномы, вооруженные кирками и светильниками, добывали самые разные драгоценные камни: изумруды, зеленые будто кошачьи глаза, огромные бриллианты величиной с кулак великана, — а также золото и серебро, из которых они создавали громадные кубки, украшенные рубинами, и роскошные браслеты с драгоценностями.

Все гномы были богачами, но, очевидно, самым богатым из них был король Лаурин. Он владел неизмеримыми сокровищами, и день за днем его состояние только росло, так что ему приходилось постоянно расширять свои хранилища. Однако помимо обычных драгоценностей правитель гномов обладал и двумя волшебными предметами, созданными самыми талантливыми мастерами его королевства. Одной из этих магических вещей был золотой пояс, украшенный сапфирами, который даровал своему владельцу недюжинную силу. Другим сокровищем был плащ, легкий словно птичьи перья и скользящий по плечам будто поток воды. Он делал невидимым любого, кто его надевал.

Однако больше всего на свете, больше всех своих сокровищ и магических предметов и даже больше собственного королевства, Лаурин дорожил Садам роз. Годами он заботливо и с любовью возделывал его за пределами своего дворца.

И вскоре сад разросся так сильно, что занял целую долину. У короля не было ни жены, ни детей, так что большую часть времени он занимался садом, заботясь о нем с усердием и самозабвением. Так продолжалось довольно долго.

В той же части Альп жил король людей, и была у него такая прекрасная дочь, что во всех его владениях не говорили ни о чем другом, кроме как о ней. Однажды он объявил, что устраивает огромный праздник, на который приглашены все знатные господа. Там, среди подарков и развлечений, принцесса решит, кому посчастливится стать ее супругом. Приглашения были отправлены всем самым видным принцам Европы, и новости о празднике стремительно передавались из уст в уста, так что наконец достигли и ушей короля Лаурина. Сам пир его нисколько не интересовал, однако его возмутило, что он не получил даже намека на приглашение.

— Да как они посмели? — возмущался король Лаурин, наворачивая круги по своему тронному залу.

Долго он размышлял над этим, пока наконец не решил, что стоит преподавать хороший урок людям за нанесенное ему оскорбление. Тогда Лаурин надел свой волшебный пояс, завернулся в плащ-невидимку и бодрым шагом отправился на праздник.

Король людей был абсолютно доволен, потому что многие знатные особы прибыли на его торжество, привезя с собой изумительные украшения, диких зверей, вкусные угощения и сверкающее оружие. Гости веселились, уплетая роскошные кушанья и запивая их пивом из золотых кубков. Единственным человеком, кто наблюдал за этим водоворотом развлечений с равнодушием, была принцесса собственной персоной. С самого начала празднества она лишь презрительно фыркала. К большому разочарованию отца, ее не прельстили ни сражение на мечах, ни рыцарский турнир, и даже все эти изумительные и удивительные дары не привлекли и капельки внимания капризной красавицы. Что уж говорить о самих претендентах, на которых она не желала даже взглянуть.

Целый день вереница гордецов, преисполненных манией величия, тянулась и тянулась к королевскому дворцу, и каждый из них надеялся привезти домой чудный трофей с волосами цвета воронова крыла. Был среди них и принц Уберто, который казался весьма славным и обходительным, но у него изо рта пахло так дурно, словно из разверзшейся пасти дракона. Был там и граф Грибальдо из холодных северных земель, обладатель поразительной выносливости и челюсти, словно вытесанной скульптором. Но знатный гость без зазрения совести шествовал по дворцу в окружении любовниц и наложниц, что, разумеется, совсем не понравилось принцессе. Маркграф Бидоллио был слишком грубым и низкорослым, граф Аремберто казался бы превосходным, если бы не его нечленораздельная речь.

Герцог Нубальдо желал для полного счастья иметь не менее пятнадцати наследников. Множество тщеславных женихов предстало в тот день перед девушкой, и каждый раз она недовольно качала головой, а король лишь ворчал в ответ.

Когда наконец-то Лаурин, невидимый благодаря волшебному плащу, прибыл в тронный зал, очередь из претендентов на руку принцессы подошла к концу. Всю долгую дорогу, пока король гномов добирался до дворца, он придумывал, какую шутку сыграть с этой невоспитанной знатью, однако, едва он увидел личико принцессы, его размышления внезапно оборвались. Нельзя, конечно, сказать, что он отменно разбирался в женщинах, но у него не возникло ни малейшего сомнения, что перед ним — самое изумительное создание, какое он когда-либо видел. У принцессы была белоснежная кожа, как у подземного протоя, черные и блестящие волосы цвета прекраснейшей наковальни и глаза будто два янтаря в недрах скалистой горы. Впервые в жизни что-то, кроме драгоценных роз, заставило сердце короля Лаурина бешено колотиться, и правитель гномов, словно околдованный, приблизился к трону скупающей принцессы.

— Принц Теодорих! — объявил тем временем королевский паж, отвесив чересчур старательный и напыщенный поклон. — Последний претендент!

Девушка фыркнула, закатив глаза к небу. Она уже порядком устала от этой шутовской церемонии и парада лицемеров и хвастунов.

— О, как бы я хотела уйти отсюда, — прошептала она, поправляя прядь волос.

— Если ты по-настоящему этого хочешь, то все можно устроить! — с готовностью ответил ей король гномов, стоявший рядом с ней.

— Конечно, я этого желаю! — рассмеялась принцесса, посчитав, что просто-напросто услышала голос в своей голове. Но едва она произнесла эти слова, как Лаурин смахнул с себя волшебный плащ и быстро схватил девушку словно легкую былинку, отчего она тут же в ужасе потеряла сознание.

— Значит, решено! — раскатисто засмеялся гном. — С этого момента принцесса будет моей и отправится жить со мной в подземное королевство!

В тронном зале воцарилась тишина. Все ошеломленно смотрели на бородатого человечка, не понимая, идет речь о дурном розыгрыше слишком

предприимчивого шута или лишь о видении, вызванном пьяным бредом. Не встретив никаких возражений, Лаурин соскочил с трона, держа на руках принцессу, и бодрым шагом зашел к воротам замка.

— С-стража! — заорал король, очнувшись наконец от охватившего его оцепенения. — Остановите похитителя!

Королевская стража выставила алебарды и преградила путь Лаурину, но гном, на котором был волшебный пояс, одним взмахом раскидал солдат в стороны будто пушинки. Снаружи он увидел крестьянина, державшего за узды коня, и, вырвав поводья из его рук, запрыгнул на скакуна и тут же помчался во всю прыть к горам Катиначчо.

— Горе мне, горе! — воскликнул король, и его обрюзгшее лицо затряслось. — Мою любимую дочурку увели прямо у меня из-под носа! Вы должны что-нибудь сделать, кто-то должен спасти ее от этого уродца!

Маркизы, принцы и виконты с сомнением переглянулись.

— Видели, как он раскидал стражников? — сказал один.

— Да, он, безусловно, силен! — согласился другой.

— И к тому же принцесса не была с нами учтива! — подхватил третий.

— Вот-вот! Может быть, это наказание небес за то, что она проявила мало уважения к нам! — добавил кто-то.

— Так что пусть спасается сама! — подытожил еще один гость.

Все закивали, и королю оставалось только обвести их потрясенным взглядом.

— Я пойду ее спасать! — произнес принц Теодорих — тот самый последний претендент на ее руку и сердце. — Я люблю принцессу, как никто другой в мире, и готов пожертвовать моим королевством и жизнью ради нее!

— Вот это другое дело! — радостно захлопал в ладоши король.

— Я отправлюсь по следам похитителя и не вернусь до тех пор, пока не добуду принцессу, — заключил Теодорих.

После этого храбрый принц вскочил в седло и под аплодисменты военачальников отправился вслед за Лаурином. Король гномов неплохо оторвался от Теодориха, но тот был умелым охотником, и ему не составило труда отыскать след коня на торной тропе. Весь оставшийся день принц и король гномов скакали по еловым лесам и бесконечным горным грядам. Наконец Лаурин заметил вершины Катиначчо и въехал в свой любимый Сад роз. Там он остановил коня и вылез из седла. Затем он с большой осторожностью положил принцессу рядом с чудесной розой кварцевого цвета. Лаурин подумал, что будет лучше начать знакомство девушки с его миром именно с этого цветущего рая. Гном уже собирался коснуться щеки принцессы, чтобы разбудить ее, как увидел Теодориха, стремительно спускавшегося по склону. Резво спрыгнув с коня, принц тут же направился к Лаурину, который с усмешкой смотрел на него.

— Вот те на! — промолвил удивленный король гномов. — Тебе хватило мужества преследовать меня так далеко, паренек! Видимо, тебе не терпится умереть?

— Шутки в сторону, злодей! — с серьезным видом ответил принц, обнажая свой меч. — Сразись со мной в честном поединке и пусть победитель получит принцессу!

Лаурин с уважением посмотрел на меч Теодориха. Оружие принца было тонким и очень острым, куда более элегантным и смертоносным, чем все те массивные куски железа, которые обычно таскали с собой люди. Эта штука будет отлично смотреться в его сокровищнице, подумал гномий король.

— До последней капли крови? — вызывающим тоном спросил Лаурин.

— До последней! — отозвался принц, и едва он произнес эти слова, как гном, сжав кулаки и стиснув зубы, ринулся на него с развевающейся по ветру бородой.

Теодорих был изумлен этим яростным натиском, но не застыл как вкопанный, а резко увернулся. Лаурин был намного ниже его и безоружен, однако кулаки у гнома были такими мощными, что одним щелчком пальца он

мог запросто раскроить череп принца. Но и доблестный рыцарь не был простым воином, и за его почти хрупкой внешностью скрывалась отличная сноровка, а ноги его двигались по земле с сумасшедшей скоростью. Замысел юноши был ясен: ловко избегая ударов соперника, он оставался на безопасном расстоянии от него, чем приводил короля гномов в ярость.

— Прекрати увиливать, девчонка! — гудел Лаурин, усталый и раздосадованный от такой нечестной борьбы.

Чем дольше длился поединок, тем медленнее и неповоротливее двигался гном, а Теодорих довольно посматривал на него. Наконец, полностью выйдя из себя, Лаурин в отчаянном прыжке бросился вперед, раскрывшись противнику. В тот же миг принц резко взмахнул своим мечом, будто хлыстом, и срезал волшебный ремень с пояса гнома.

— Нет! — взревел Лаурин, падая на землю.

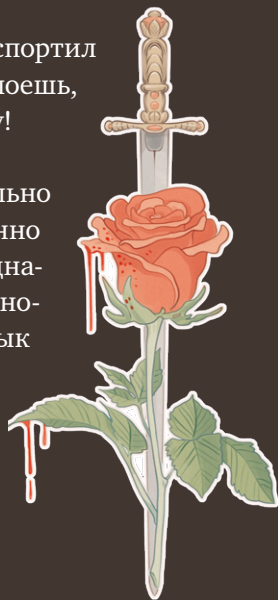
— А вот и да! — насмешливо отозвался Теодорих, поднимая высоко свой клинок. — И теперь ты погибнешь от моего меча!

Но Лаурин совсем не собирался прощаться с жизнью и, накинув на себя плащ, внезапно исчез.

— Так нечестно! — в раздражении воскликнул принц. — Это не по-рыцарски!

— А мне какое дело до рыцарей? — отозвался гном. — Ты испортил мой пояс, но у меня остался мой плащ. Посмотрим, как ты запоешь, когда я накинусь на тебя сзади и сломаю твою тонкую шейку!

После тишина опустилась на долину. Теодорих внимательно смотрел по сторонам, пытаясь не паниковать, и напряженно вслушивался, чтобы не пропустить звук шагов Лаурина. Однако, несмотря на все усилия, он ничего не слышал. Король гномов крался бесшумно, словно кошка. Принц прикусил язык и заморгал. Нервы его были натянуты словно тетива лука. Внезапно, время словно распрямилось как пружина, Лаурин прыгнул к горлу юноши. Раздался страшный грохот, а за ним нечеловеческий крик. И в следующий миг кровь гномьего короля брызнула на розы. Меч Теодориха вонзился в бок гнома.

— Это невозможно, — горестно простонал Лаурин, — ты не мог услышать мои шаги.

— Да, я их не слышал, — ответил юноша.

— Но тогда как тебе это удалось? — простонал гном.

— Твой плащ делает тебя невидимым, но ты по-прежнему осязаем. Каждый раз, когда ты двигался, цветы колыхались от твоих прикосновений. Эти розы выдали мне тебя, — объяснил Теодорих.

— Меня предал мой любимый сад? — зарыдал подавленный король гномов, трясая головой. — Мерзкие розы, я проклинаю вас все, с первой и до последней! Красота этого места уйдет со мной в могилу! Ни днем, ни ночью никто и никогда не сможет увидеть Сад роз в Катиначчо. Такова последняя воля короля Лаурина...

Произнеся это, король гномов рухнул наземь, испустив дух. Теодорих засунул меч в ножны и подошел к принцессе, которая лежала в забытьи среди цветов. Чтобы разбудить девушку, юноша провел ладонью по ее щеке.

— Г-где я? — очнувшись, пробормотала принцесса, смущенно озираясь по сторонам.

— Неважно, любовь моя, — отвечал Теодорих. — Главное, что вы спасены.

— А вы кто? — удивленно спросила девушка.

— Я — принц Теодорих, будущий король остготов и последний претендент на вашу руку. Этот бесчестный гном прервал церемонию именно в тот момент, когда я собирался просить вас стать моей супругой, — объяснил спаситель.

Девушка осмотрела юношу: у него были кудрявые каштановые волосы, небольшая бородка, говорящая о его молодости, и, главное, у него не во- няло изо рта.

— Вам нужно много наложниц? — спросила принцесса.

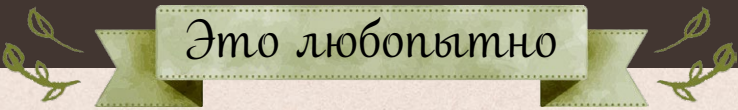
— Единственная любовница, которую я страстно желаю, — это вы, — отвечал Теодорих.

— А сколько детей вы хотите? — продолжала девушка.

— О, хватило бы и одного наследника, — сказал принц.

— Тогда я согласна! — кивнула принцесса.

Молодые соединились в страстном поцелуе и были настолько увлечены этим, что даже не заметили, как розы вокруг них стали исчезать одна за другой, обнажая горную долину. Сбывалось последнее веление короля гномов: его сад был обречен исчезнуть в забвении. Однако в предсмертной агонии Лаурин был недостаточно точен в словах. Он действительно упомянул день и ночь, но забыл о том времени, когда одно время суток сменяется другим. Так с того самого дня на заре и на закате высокие горные вершины Катиначчо окрашиваются в тот же розовый цвет, что был и у сада короля Лаурина. Этот цвет не поблек до сих пор, и поныне, глядя на Доломитовые Альпы, можно восхититься его красотой на рассвете дня и в вечерних сумерках.

Это любопытно

Легенда о короле Лаурине рассказывает о появлении оптического феномена, который реально существует и именуется энросадирой, или розовым альпийским сиянием. Солнечные лучи, преломляясь о скальный известняк Доломитовых Альп, окрашивают его в яркие цвета, от розового до оранжевого, а в некоторых редких случаях и в фиолетовый.

У героя Теодориха тоже есть реальный прототип — Флавий Теодорих Великий, король остготов, который расширил свое королевство, полностью завоевав Апеннинский полуостров. Этот правитель был персонажем многих германских легенд и саг, в том числе «Тидрек-саги», где его история пересекается со сказаниями о Зигфриде и Брюнхильде из саги о Вэльсунгах.

В итальянском городе Больцано есть статуя с изображением короля Лаурина и Теодориха. В годы фашизма она не раз подвергалась актам вандализма и была демонтирована, поскольку считалась недостаточной националистической и слишком связанной с немецкой культурой. Только в 1944 году после серии протестов со стороны местных жителей власти вернули ее на место.

Поль Баньян

и Великий Снегопад

Никто и никогда не видывал прежде такой снежной бури. Уже наступило утро, с восхода прошло несколько часов, однако солнце было скрыто за пеленой плотных туч, которая затянула все небо. Как обычно, Джонни — Чернильная Душа поднялся с постели namного позже лесорубов лагеря Биг Пайн Кэмп, и едва он высунул свой острый нос на улицу, как его зубы так бешено застучали от холода, что запросто могли откусить язык. Ветер был настолько порывистым и ледяным, что казался дыханием самого дьявола, и бедному Джонни пришлось немало потрудиться, чтобы наконец-то снова закрыть входную дверь.

— О небеса! О небеса! — заикаясь, повторял он, пока, задубев от холода, ковылял до печурки. — Вот беда! Вот беда!

Дровосеки его лагеря, вероятно, уже были в лесу и рубили деревья, а снега на дворе тем временем насыпало больше метра в высоту, и снежные хлопья все падали и падали. Джонни — Чернильная Душа хорошо знал этих лесорубов, поскольку был счетоводом лагеря Биг Пайн Кэмп уже столько лет, что даже не помнил точно, когда начал здесь работать. Никто никогда не жаловался на него: Джонни был неумом и каждый день исписывал по восемь склянок чернил своим острым эбонитовым пером. Он пользовался только синими чернилами, о чем несложно было догадаться по синим пятнам, что постоянно покрывали его с головы до пят.

— Эти ребята будут работать, не замечая ничего вокруг! — ворчал Джонни, шевеля кочергой дровишки, чтобы те получше разгорелись. — Они ведь продолжат валить деревья, пока не превратятся в ледяные фигуры, а тогда будет уже слишком поздно!

Дровосеки обладали нестигаемым духом, который вкупе с их закалкой и чувством долга мог привести к печальной гибели от холода. Джонни должен был что-то предпринять. Так что он, щуплый дохляк Джонни, надел свое пальтишко, нацепил теплую шапку и натянул шерстяные варежки на свои костлявые руки. Затем он подошел к входной двери и собрался с духом, чтобы снова ее открыть, хотя уютная печка притягивала его взгляд и желание остаться в тепле и уюте только усиливалось в сердце. Наконец Джонни тряхнул головой.

— Ладно, хватит терять время! — проворчал он сам себе. — Рано или поздно огонь потухнет! Мне нужно спасти жизни этих несчастных или мне придется научиться копать могилы!

Движимый желанием помочь, Джонни распахнул дверь и посеял в сторону леса, в то время как снег и ветер продолжали нескончаемо бить его по лицу и телу.

— Эх, если бы только Поль Баньян был здесь, — бормотал Джонни.

Джонни был прав. Поль Баньян точно решил бы эту проблему, но, к сожалению, в тот день его здесь не было. Поль был дровосеком, но не таким, как все: он был самым большим лесорубом в Соединенных Штатах. Большим во всех смыслах! Наверняка вам известно, что детей приносит аист. Так вот, маленького Поля принесла стая аж из пяти аистов! Едва появившись на свет, малыш уже весил сорок килограммов и был размером с восьмилетнего ребенка. Чтобы прокормить его, требовались целые телеги картофеля и наполненные до самых краев цистерны молока. Так что бедным родителям Поля пришлось изрядно потрудиться и принести немало жертв, чтобы вырастить его, но за эти тяготы и они, и вся Америка были вознаграждены появлением великого героя.

Повзрослев, Поль вымахал размером с целый дом и стал силен как стадо бизонов. Однако, несмотря на такую мощь, он не был высокомерным, а, напротив, сохранил добрый нрав и всегда был готов прийти на помощь нуждающимся. Все, кто его знал, отзывались о нем как о хорошем парне. Не был Поль и простофилей! С годами он так поднатерел в ремесле дровосеков, что открыл свой лагерь Биг Пайн Кэмп и начал поставлять древесину в местные лесопилки. Семь лучших лесорубов штата Мэн работали на него, и каждого из них, одного за другим, Поль отобрал самолично, он же нашел и счетовода Джонни-Писаку, который стал одним из его лучших друзей.

Великан Поль, конечно, не отличался способностями в математике, а потому честь заниматься счетами и бумажной волокитой и все связанные с этим заботы предоставил старине Джонни. При этом сам Баньян обладал превосходным практичным умом и хладнокровием, что не раз помогало ему справляться с самыми трудными ситуациями. В те дни Поль Баньян отсутствовал, потому что отправился на осмотр лесов Мэна, но чего не знал счетовод Джонни, так это того, что тем утром дровосек-великан бодрым шагом направлялся обратно, намереваясь прибыть в лагерь еще до обеда.

Вместе с Полем шла его верная Бейб — гигантская голубая корова. Баньян встретил ее, когда еще был ребенком: беднягу оставили одну-единешеньку посреди снегов и она так сильно замерзла, что ее шерсть полностью посинела. Без сомнений, так бы она и умерла от холода, если бы юный дровосек не пришел ей на помощь. С того самого дня Поль и корова стали неразлучными друзьями, и лесоруб прозвал ее малышкой Бейб.

Они уже добрались до Биг Пайн Кэмп, когда обнаружили, что не могут разглядеть ни построек со спальнями, ни кухонь, ни даже домика с кабинетом Джонни. И действительно, хотя снег не валил уже несколько часов и солнце весело согревало долину, сугробы были настолько высокими, что даже великан Поль утонул в них по самый пояс. Коровке Бейб нравился снег, да и сам Поль Баньян наслаждался им не меньше, так что великан-лесоруб не подумал, насколько смертельно опасной могла быть ситуация для людей обычного роста.

— Хорошая Бейб! Хорошая! — повторял Поль, пытаясь умиротворить корову, которая тянула его во все стороны и подпрыгивала в нетерпеливом ожидании, когда он отпустит ее порезвиться по этой расстилавшейся перед ними белоснежной глади.

Однако Поль Баньян, еще мгновение-другое назад пребывавший в добром настроении, теперь озадаченно почесывал густую черную бороду, что делал всегда, когда над чем-нибудь размышлял. Из всех сил напрягая глаза, он тщетно пытался обнаружить своих работников, поэтому он сложил руки перед ртом и зычно крикнул:

— Джейк! Джеймс! Друзья мои, где же вы? Джонни! Максвелл!

Тишина опустилась на лес, и ни один звук не долетал в ответ до громадных ушей Поля Баньяна.

Наконец спустя несколько минут послышались крики:

— Мы тут, Поль! Мы тут!

Лесоруб смущенно огляделся по сторонам, а Бейб потянула носом, пытаясь унюхать резкий запах свежесрубленной древесины. В конце концов Поль увидел своих товарищей: вся семерка дровосеков сидела на верхушках тех немногих сосен, которые выглядывали из-под толщи снега.

— Эй, птахи! — рассмеялся счастливый Поль, обнаружив, что никто из его людей не околел от мороза. — Ну и каково вам глядеть на мир с высоты моего роста?

— Эх, могло быть и получше! Я предпочел бы застрять здесь с двумя светлыми красотками! — отозвался Дэвид, один из лесорубов.

— С двумя? — переспросил Поль.

— Ага, с блондинкой и кружкой светлого пивка! — объяснил Дэвид.

Все тут же принялись хохотать словно пьяные гиены. Но смешки быстро уступили место чиханию и стуку зубов, желание шутить ослабело, и бедолаги снова почувствовали холод.

— Какое счастье, ты вернулся, Поль! — воскликнул один из лесорубов. — Если бы мы не вскарабкались как белки на эти стволы, то уже все бы предстали перед Создателем в виде сосулук!

— И не то чтобы сейчас стало теплее! — добавил Джеймс.

— Верно! Простите меня, друзья мои! — воскликнул великан и, собрав своих работников с древесных ветвей, словно спелые плоды, укрыл их своим огромным теплым шерстяным беретом.

Итак, товарищи были спасены, оставалось найти дома и постройки.

— Иди-ка сюда, Бейб! — позвал Поль свою коровку. Та повернулась с грустным взглядом, поскольку ей явно хотелось просто порезвиться в снегу, а теперь, понимала она, сначала придется неплохо потрудиться.

— Развлечемся потом, озорница! — утешил ее великан, ласково потрепав по голове своей крепкой рукой. — Дома должны быть где-то здесь, под снегом, так что вперед, нам придется повозиться.

Поль и Бейб принялись живо раскапывать сугробы: один — огромными волосатыми ручищами, другая — внушительными белыми рогами. Через некоторое время перед ними показалась бревенчатая крыша хижины. Поль и Бейб довольно посмотрели друг на друга и вернулись к работе с еще большим рвением. Очень быстро они полностью очистили весь лагерь, и теперь он напоминал гигантский кратер посреди заснеженной равнины.

Поль Баньян даже не успел отпраздновать спасение, как увидел, что из печной трубы над кухней струится дым.

— Только не говорите мне, что... — усмехнулся он про себя, просунув голову в окошко, и увидел внутри зрелище, которое изумило его, хотя и не слишком.

Повар лагеря, Сэм Пышка-Худышка, бодро сновал между плитой и печкой, помешивая подливки и шинкуя овощи, словно снаружи ничего и не стряслось.

— Что это ты делаешь, Сэм? — с улыбкой спросил Поль.

— Готовлю обед, босс! Сказать по правде, я немного задержался! — отозвался повар.

— А ты разве не видел снег? — снова спросил Баньян.

— Снег? Какой снег? Хватит надо мной шутить и не мешайте работать! — разворчался Сэм.

Поль пожал плечами и рассмеялся. Старина Сэм был таким: когда он принимался застряпню, то вкладывал в это занятие всего себя, полностью забывая обо всем вокруг. И не напрасно, ведь о таких ароматных и вкусных хлебцах любой лесоруб мог только мечтать. Что уж тут говорить о сэндвичах, начиненных приправами и сыром, — просто пальчики оближешь, настоящий деликатес, достойный самого знаменитого парижского шеф-повара!

Полю хватило вдохнуть лишь немного восхитительного аромата, который шел из кастрюль, как его желудок заурчал словно тромбон, заставив содрогнуться землю. Разыгравшийся аппетит, однако, напомнил лесорубу об одной очень важной вещи! Да будет вам известно, что первое правило любого дровосека гласит: едим досыта — работаем без продыху. Однако это правило справедливо в обе стороны, и в тот день Биг Пайн Кэмп должен был отправить как минимум три сотни сосновых стволов для лесопилки в низовьях реки! Удостоверившись, что его товарищи уже согрелись и пришли в себя, Поль Баньян вынул их из своей шапки и поставил перед домиками.

— Эй, ребята, сколько стволов вы сегодня уже срубили? — спросил он.

Лесорубы печально посмотрели друг на друга, почесывая бороды и качая головами.

— Ни единого, Поль! — проворчал Джейк, сплевывая на землю. — Метель застала нас врасплох, и мы ничего не успели сделать.

— Понимаю, — кивнул великан.

Проблема была в том, что за пределами очищенного им лагеря лес по-прежнему находился под горами снега! А лесорубы Поля Баньяна, немногим выше двух метров, конечно же, не смогут там ничего срубить, если деревья останутся под снежными завалами. Нужно было что-то придумать, и Поль принялся снова теревить свою бороду. В досаде оттого, что любимый хозяин, казалось, совершенно забыл о ней, Бейб стала лизать его руку, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Бейб! — прикрикнул на нее Поль. — Я еще занят, понятно? Разомнемся попозже...

Однако, поглядев на то, как играют мускулы у коровки, Поль кое-что придумал.

— Тысяча топоров! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу. — Старушка моя, ты права, это самое что ни на есть подходящее время для игры!

Корова изумленно посмотрела на Поля и принялась прыгать и брыкаться с такой силой, что хижины того и гляди могли рухнуть.

— Но как же, босс? — прогудел Дэниел. — А три сотни проклятых деревьев?

— Спокойно! Кто сказал, что игру и работу нельзя совмещать, хотя бы один раз? — спросил Поль.

На лице великана появилась безмятежная улыбка, но остальные лесорубы продолжали смущенно смотреть на него.

— Слушайте меня: сейчас я поставлю вас на вершины этих снежных сугробов, а вы найдете все высокие деревья, которые торчат из снега.

Лесорубы сосредоточенно кивнули.

— Затем привяжете их как можно крепче к хомуту Бейб, и по моему сигналу она рванет вперед и вырвет все стволы, так что нам не потребуются ни топоры, ни пилы!

— Да это гениально! — закричали радостные дровосеки, немедленно приступив к работе.

Весь лагерь превратился в огромную мешанину из веревок, и каждый раз, когда Поль давал сигнал, Бейб бешеным галопом мчалась вперед, унося за собой сосны, привязанные к ее хомуту. Когда вокруг больше не осталось торчащих из снега деревьев, лесорубы вооружились лопатами и принялись раскапывать сугробы, пока не нашли под ними новые деревья. Тогда они проделали все то же самое, что и в прошлый раз, и повторяли это до тех пор, пока все триста сосновых стволов, очищенных от веток и аккуратно сложенных штабелями, не заполнили склады. Победные радостные крики огласили Биг Пайн Кэмп, и теперь оставалось только отправить всю добытую древесину.

Наверное, вы знаете, что в те времена еще не было грузовиков, а у лесорубов не было столько денег, чтобы позволить себе личный поезд, поэтому сосновые стволы сплавляли по рекам. Таким образом деревья проплывали по воде мило за милей, преодолевая бурные водопады и густые леса, чтобы в конце концов достичь сетей возле лесопилки, где их вытягивали и передавали владельцам. Так собирался поступить и здоровяк Поль Баньян, но невиданная снежная буря превратила реку в сплошной лед. Еще одна проблема, но не было ничего, с чем бы сообразительный лесоруб не смог справиться!

— Бейб, настал час покататься с горки! — задорно сказал Поль своей коровке.

Это было одной из любимых игр коровы-великанши: она обожала скатываться с огромного зеленого холма и плюхаться с грохотом в реку. Баньяну даже не пришлось повторять свою просьбу, и не успел он моргнуть, как Бейб уже неслась вниз по заснеженному склону. Когда ее массивное тело стукнулось о поверхность реки, раздался такой оглушительный грохот, что казалось, лопнут барабанные перепонки, и лед треснул на тысячи кусочков, разлетевшись так далеко по всей округе, что на юге в Огасте, в штате Джорджия, еще две недели шел град! Река наконец-то была освобождена от ледяного панциря, и веселые работники могли теперь спускать стволы на воду, но именно в этот момент зазвонил обеденный колокол. Лесорубы молнией метнулись к столу, пуская слюнки и урча животами. Поль восседал на огромном деревянном стуле, изготовленном из калифорнийской секвойи, которую он собственноручно и срубил. Бейб разлеглась рядом с ним, измотанная за день беготней. Все были готовы к началу обеда.

— По правде говоря, я приготовил всего лишь парочку мелочей, — сообщил Сэм-Заквас, однако никто не придавал этому никакого значения, поскольку повар говорил так каждый раз.

В действительности же на столе стоял просто божественный обед: луковая яичница, куриный пудинг, шпинатная запеканка, рагу из пельменей и, как и подобает трапезе хорошего дровосека, несколько центнеров сэндвичей с сыром. Все уже собирались пожелать друг другу приятного аппетита и приступить к обеду, как повар Сэм поставил на стол возле единственного пустующего места дымящуюся плошку. Из нее доносился аромат супа из гремучих змей — любимого блюда Джонни-Писаки.

— А где же Джонни? — изумленно спросил Поль, обнаружив, что его друг отсутствует за столом.

Лесорубы вопросительно посмотрели друг на друга.

— Рано утром он пришел к нам, чтобы предупредить о метели, — произнес Джона, — а потом куда он делся?

Дровосеки снова переглянулись, пытаясь вспомнить, что случилось после визита счетовода. Они так сильно напрягали свои головы, что из ушей у них пошел черный дым.

— А! Я вспомнил! — воскликнул Джейк спустя несколько минут. — Он поднялся вместе с нами на верхушку одной из сосен, но ему было так холодно, что он решил спрятаться в дупле, которое обнаружил в стволе!

За столом послышались согласные возгласы, и все довольно засмеялись. Однако Поль, напротив, нахмурился:

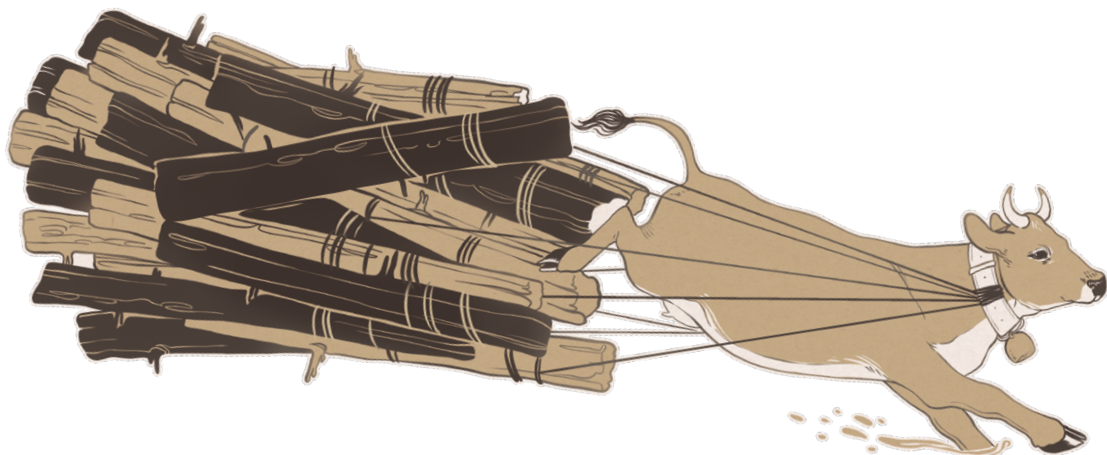
— Парни, если речь идет об одной из сосен, что торчала из сугроба, значит...

Он запнулся на полуслове, но все и так поняли, к чему клонит их босс, и беспокойно переглянулись.

— Мы выкинули старину Джонни в стремнину! — заорал Джейк, трясая головой.

— О небеса! Мы убили его! — хором отозвались остальные и принялись рыдать навзрыд.

— Стойте! Стойте! — попытался успокоить их Поль. — Рано еще его оплакивать. Сколько времени требуется стволам, чтобы доплыть до водопадов в Смертельных Скалах?

— Около четверти часа, — отозвался кто-то из лесорубов.

— Тогда у нас еще есть время! — воскликнул Баньян. — Запрыгивайте мигом на Бейб!

Итак, Поль Баньян побежал вдоль речной излучины, сопровождаемый верной коровкой, на спине которой сидели его работники. Как только великан заметил стволы, стремительно плывшие по реке, он подошел к Бейб и что-то прошептал ей на ухо. Корова кивнула, сделала глубокий-преглубокий вдох, наполнив легкие воздухом, и принялась пить воду из реки.

— Проклятье! Сейчас не время напиваться! — чертыхнулся Дэвид.

Но Бейб не слушала его и продолжала пить, пить и пить! Никто не мог поверить собственным глазам: спустя несколько минут река полностью исчезла! О ней напоминало лишь илистое дно, по которому прыгали рассерженные лососи. Затем Поль спрыгнул с берега в осушенное русло и помчался к застрявшим в грязи бревнам. Он быстро осматривал их, ища дупло, в котором мог спрятаться Джонни, пока остальные напряженно наблюдали за ним с берега.

Наконец Поль нашел замерзшего счетовода, скрюченного и оцепеневшего. Баньян аккуратно вытащил его, но старичок Джонни не двинул и мускулом. Дровосеки опустили взгляды и, безутешные, понуро побрели обратно в лагерь. Там Поль посадил Джонни на стул, но неподвижный счетовод выглядел как безжизненная кукла. Лесорубы снова расселись по своим местам, но у всех уже пропал всякий аппетит. Однако едва аромат змеиной похлебки достиг ноздрей замерзшего счетовода, как

он распахнул глаза, схватил ложку и принялся жадно хлебать варено. От удивления дровосеки только рты разинули.

— Что такое? — произнес Джонни, когда заметил их изумленные взгляды. — Вы что, никогда не видели счетовода, который ест?

В тот же миг все принялись хохотать и радоваться, и во время обеда то тут, то там раздавались тосты в честь Поля Баньяна! Свою награду получила и великанша Бейб: ей отсыпали три вагона сладкого батата и целую гору яблок, которые коровка проглотила в один присест.

Когда все было съедено, Поль, раздувшийся как яйцо, раскурил свою трубку и сделал несколько затяжек. Хватило двух или трех клубов горячего дыма, чтобы снег во всей долине тут же начал таять, заполняя русло реки водой, по которой бревна продолжили свой путь. На этом завершился очередной захватывающий денек Поля Баньяна и его коровки Бейб в лагере лесорубов Биг Пайн Кэмп.

Многие исследователи полагают, что фигура Поля Баньяна — пример «псевдофольклора». Иными словами, речь идет о персонаже, которого придумали специально ближе к концу XIX века, но выставляли героем американских народных историй.

Так это или нет, но на протяжении всего XX столетия дровосек-великан был героем многочисленных книг и рассказов и превратился в настоящий туристический символ Соединенных Штатов, в честь которого по всей стране стоят статуи и памятники. Студия Диснея посвятила Полю Баньяну короткометражный фильм, а его скульптура появляется в заставке мультсериала «Грэвити Фоллс» (Gravity Falls).

Если прозвища повара Сэма-Закваса и счетовода Джонни-Писаки (Sam Sourdough и Johnny Inkslinger в оригинале) говорят сами за себя, то фамилия самого Поля Баньяна, вероятно, происходит от квебекского возгласа удивления и изумления «Bon yenne!».

Василиса Прекрасная

Много лет назад жил-был на Руси купец. Двенадцать лет прошло с его женитьбы, и хотя он всем сердцем любил свою супругу, но у них была лишь одна дочка, Василиса, — прекрасная, как ромашковое поле, омытое утренней росой. Василиса была хорошей девочкой, сообразительной и дружелюбной, жизнерадостной и упрямой, и родители крепко ее любили.

Но однажды, когда девочке едва исполнилось восемь лет, ее мать серьезно заболела и многие месяцы провела в своей постели, не имея сил подняться. Когда жена купца почувствовала, что скоро умрет, то позвала к себе малышку Василису.

— Тебе уже лучше, мамочка? — спросила девочка, чьи глаза блестели от слез.

— О нет, мое сокровище. Думаю, что скоро моя душа отправится на небеса, — честно ответила ей мать.

Услышав эти слова, Василиса зарыдала, уткнув лицо в подушки на ложе своей матери, а та долго-долго гладила светлые волосы дочери, пока она не успокоилась.

— Крепись, мое любимое дитяtko, — прошептала женщина девочке, вытиравшей лицо платочком. — Суровое время минует, и даже слезы однажды высохнут, но моя любовь никогда не исчезнет и будет сопровождать тебя до скончания времен. Даже после моей смерти.

Затем жена купца протянула Василисе прелестнейшую куколку, одетую в рубаху соломенного цвета и красносиню юбку. Ее длинные золотистые волосы были собраны в косу. Внешне она походила на саму девочку.

— Я сделала ее собственными руками за долгие месяцы болезни, — произнесла женщина. — Носи ее всегда с собой и, когда будешь в опасности, спроси у нее совета — она всегда придет тебе на помощь.

Василиса молча кивнула, а затем обнялась с матерью, и когда разомкнула свои объятия, то жена купца уже лежала на постели бездыханная.

Долго Василиса с отцом оплакивали утрату, но, как и говорила мать, даже самые горькие слезы рано или поздно высыхают. Купец был еще молод и хорош собой и однажды решил, что пора найти себе новую супругу, которая смогла бы позаботиться о его прекрасной дочке.

Жила в том городе симпатичная вдова, которая растила двух дочерей — сверстниц Василисы. Купец поразмыслил, что эти девочки будут добрыми подругами для его обожаемой дочурки, да и сама женщина была добросердечной и трудолюбивой, так что он решил взять ее в жены. Однако хотя перед купцом мачеха и ее дочери показывали себя приятными и дружелюбными, в действительности они ужасно завидовали красоте Василисы и не упускали случая, чтобы поиздеваться над бедной девочкой.

— Неблагодарная! — каждое утро говорила ей мачеха. — Ты разве не видишь, что дома грязно? Что огонь в печи того и гляди погаснет? Что в огороде беспорядок? Хватит прохлаждаться, принимайся-ка за работу!

— Да, матушка, — кивала Василиса, отвечая улыбкой даже на самую ужасную ругань, а затем бежала убираться, приводить в порядок огород и колоть дрова.

За ужином девочка всегда припрятывала немного еды и, отправляясь в постель, кормила свою куколку.

— Куколка моя, я так тебя люблю, прошу, скушай кусочек и послушай о моих горестях, — словно волшебное заклинание повторяла Василиса, после чего кукла садилась на сундук и начинала ее слушать.

— Мачеха и сводные сестры ненавидят меня и хотят сжить со свету! Если они так и будут заставлять меня делать всю эту работу, то им недолго придется ждать моей гибели.

Тогда кукла утешала Василису, которая единственная могла слышать ее, и обещала ей, что поможет со всем справиться. Так и происходило. Каждый раз, когда Василиса чувствовала себя усталой, куколка вырастала в размерах и выполняла за девочку самую тяжелую работу, пока та отдыхала в лесу, собирая цветы и ягоды. Злая мачеха со своими дочерьми надеялась, что из-за работы девочка совсем зачахнет: кожа

у нее станет красной и прыщавой, волосы начнут выпадать, а ноги искривятся из-за тяжелой ноши. Но Василиса, наоборот, день ото дня становилась все краше и краше, пока не превратилась в высокую молодую девушку со стройным телом, сверкающими на солнце волосами и пышной грудью.

Каждый день дом купца осаждали молодцы, которые просили руки Василисы, но раз за разом мачеха прогоняла их. Жене купца вовсе не хотелось, чтобы падчерица вышла замуж раньше ее собственных дочерей. Однако сводные сестры Василисы совсем подурнели, поскольку целыми днями бездельничали, сидя дома: глаза их впали, щеки осунулись, а тела стали вялыми. Никто бы никогда и не подумал брать их в жены, так что зависть сестер к Василисе продолжала расти.

Так прошло несколько лет. Одним злополучным днем купец вынужден был отправиться в долгое путешествие по торговым делам. Так что отец Василисы попрощался с женой и дочерьми и направился в столицу, где должен был сесть на корабль и отплыть на запад, чтобы разобраться со всеми трудностями.

Теперь муж не мешал мачехе, и она наконец-то стала полновластной хозяйкой в доме, обратив на Василису всю свою жестокость и превратив жизнь девушки в сущий ад. Под надуманным предлогом она перевезла всех дочерей в избушку на границе с лесом. Жители деревни говорили ей, что дом стоит заброшенный, потому что в лесу избушка на курьих ножках, в которой живет Баба-яга, но мачеха и слушать никого не хотела.

Напротив, она все чаще звала Василису и приказывала ей сходить в лес то за хворостом, то за грибами или цветами, но, несмотря ни на что, девушка каждый раз возвращалась живой и невредимой благодаря наставлениям своей куколки, которая помогала ей держаться подальше от заколдованного жилища Бабы-яги. В ярости мачеха однажды решила, что пора окончательно разделаться с ненавистой падчерицей.

— Мне нужно сходить в город за покупками, — сообщила она, хотя уже вечерело и на лес медленно опускались сумерки. — Вам я оставлю одну горящую свечу, и смотрите, чтобы она не потухла, иначе мы останемся без огня, и я сильно на вас разгневаюсь.

После жена купца вышла на улицу, хлопнув дверью, и оставила девушек одних за работой при свете свечи. Старшая сестра плела кружево,

младшая вязала чулки, а Василиса пряла лен. Не прошло и получаса, как старшая сестра, потянувшись, нечаянно задела свечку, а та упала и потухла.

— О нет! — делано запричитала девушка. — Что же мы теперь будем делать? Когда мать вернется, она устроит нам взбучку! Нужно отправиться к Бабе-яге и попросить у нее огонька! Кто пойдет?

— Ах, точно не я! — проворчала вторая сестра. — Мои спицы сверкают даже во мраке, так что я смогу вязать чулки и дальше, поэтому мне незачем туда идти.

— И правда! — эхом отозвалась первая сестра. — Я превосходно вижу свои иглы и, конечно, смогу плести кружево даже в темноте. А вот ты, Василиса, не сможешь прясть без света, поэтому тебе и идти!

— Но я... — попыталась возразить Василиса, однако сестры даже и слушать не стали и вытолкали ее прочь из избы, захлопнув дверь.

— И не смей возвращаться без огня, Василиса, или мы расскажем матушке, что это ты уронила свечку! — прокричали они ей в спину.

В отчаянии Василиса разрыдалась. Затем она вынула из передника любимую куколку и поднесла к ее рту кусочек еды.

— Куколка моя, я так тебя люблю, прошу, скушай кусочек и послушай о моих горестях, — жалобно заговорила Василиса. — Мои лживые сестры хотят, чтобы я в одиночку отправилась к Бабе-яге, а та, без сомнений, разорвет меня на части, если к тому времени я еще не окажусь у волка в пасти!

Куколка отвечала, чтобы Василиса не печалилась и успокоилась, потому что любовь матери всегда оберегает ее и никто никогда не сможет причинить ей вреда.

Выслушав куклу, Василиса перестала плакать и решительно зашагала по тропинке, которая

вела через лес. Вокруг становилось все темнее и темнее, и все в лесу казалось еще страшнее и опаснее.

Ветви деревьев, словно костлявые руки, царапали лицо девушки, холмы и вершины казались огромные чудищами, готовыми в один присест проглотить ее, а за каждым кустом мог таиться дикий зверь, который разорвал бы ее на кусочки. Василиса вздрагивала от каждого уханья совы, но бесстрашно продолжала свой путь, глядя только вперед.

— Любовь матери защитит меня! — повторяла она для смелости. — А ночь, как и лес, рано или поздно закончится!

Каждый раз, когда девушка подходила к развилке, она опускала руку в передник и крепко сжимала куколку, и тут же правильная дорога представляла перед ней ясно и отчетливо, словно озаренная божественным светом.

Так Василиса шла и шла, пока не добралась до небольшой полянки, где ветви деревьев расходились в стороны и открывали над головой кусочек звездного неба с луной. Внезапно Василиса почувствовала, что у нее за спиной кто-то есть, и, оглянувшись, увидела дивного всадника, который ехал той же тропой, что и она. В белых доспехах и прекрасном узорчатом плаще, он был вооружен длинным острым копьём и восседал на белоснежном скакуне, который, казалось, сверкал в темноте леса.

— Рассвет! — воскликнула Василиса, взглянув на небо, забрезжившее сквозь ветви деревьев.

— Так и есть, красна девица, — отвечал витязь юным голосом, поправляя свободной рукой свои длинные серебристые усы.

— О, быть может, у вас есть часы, Белый Витязь? — спросила Василиса.

— Часы? Неужели я похож на колокольню с часами? — удивился незнакомец.

— Да нет же! Я говорю про карманные часы! — воскликнула девушка.

— И каков же должен быть карман, чтобы вместить их? Что за выдумки! Должно быть, ты устала от дороги, поэтому советую тебе без лишних промедлений найти местечко для отдыха! До встречи! — отозвался всадник и мигом прищипорил своего скакуна, не дав Василисе времени на ответ, после чего скрылся в чаще леса.

Девушка продолжила свой путь, а солнце тем временем поднималось все выше и выше, освещая ей дорогу, как вдруг за спиной у Василисы возник еще один всадник. На этот раз его доспехи, плащ и конь были огненно-красного цвета. Он тоже смотрел прямо перед собой, но выглядел куда более горделивым и прекрасным, чем предыдущий всадник. У него были длинные рыжие волосы и пылающий меч, от жара которого воздух вокруг становился горячим.

— Как же жарко, — заметила Василиса, отирая пот со лба.

— Может быть, вам это не по нраву? — раздраженно спросил всадник.

— Нет, конечно, Красный Витязь, — отвечала Василиса, — я просто обратила на это внимание.

— Понятно! В конце концов, разве может кто-то не испытывать радости от этого тепла, полного сил и жизни?

— Думаю, мои сводные сестры могли бы, — призналась Василиса. — Они всегда сидят дома.

— Несомненно, они ни на что не годятся, — отозвался всадник. — А теперь прости меня, красна девица, но мне пора возвращаться к своей службе!

Издав радостный клич, всадник пришпорил коня и галопом помчался вперед, пока не скрылся в лесной чаще. Василиса пожала плечами и тоже продолжила свой путь. Долго брела она

по лесу, и, когда солнце уже начало клониться к закату, за ее спиной внезапно появился третий всадник. Едва Василиса его увидела, как мурашки пробежали у нее по спине, настолько мрачным он был. Всадник сидел на черном-пречерном скакуне и был облачен в длинный плащ такого же цвета, украшенный большим месяцем и звездами, а за поясом у него висел огромный, остро заточенный топор.

— О небеса! — воскликнула Василиса. — Как же стемнело!

— Тебе стоило бы возрадоваться, красна девица, — хриплым голосом отвечал всадник. — Вот уже и сумерки, а значит, очередной день, полный страданий и печали, подходит к концу.

— Что за мрачные слова, — отозвалась Василиса.

— Не слова мои мрачны, а мир вокруг.

— О, но это не повод отчаиваться, Черный Витязь! Жизнь слишком хороша и чудесна, чтобы рушить ее такими мыслями! — возразила девушка.

— Жизнь? Это не что иное, как опасная дорога, усеянная шипами и кишашая дикими зверями, которую человек страстно желает преодолеть, только чтобы опуститься в безмятежные объятия смерти, — произнес всадник.

Сказав это, он пришпорил коня и тут же растворился во тьме.

— Что за странные встречи происходят в этом месте! — подумала Василиса и не успела закончить фразу, как услышала такой сильный грохот, словно к ней шел огромный змей.

Затем из-за деревьев раздался душераздирающий резкий крик, и перед Василисой возникла избушка на огромных курьих ножках. С хрустом она присела на лапы и опустилась на землю, а затем из ее кладовой вывалилось множество человеческих костей, которые тут же образовали вокруг частокол, и каждый столб был увенчан человеческим черепом со светящимися глазницами.

От ужаса Василиса не могла пошевелиться, а из дверей тем временем показалась низенькая старушка с длинным посохом в руке.

— Кто это там? Кого ты ищешь в этой чаще? — завопила старуха.

— Я... я Василиса, — слабым голосом отвечала девушка. — Я ищу Бабу-ягу.

— Это я — Баба-яга, соплячка! Что тебе нужно от старой ведьмы вроде меня?

— М-м-мы с сестрами погасили последнюю свечу, что была у нас дома, и теперь сидим в темноте. Нам нужно немного огня! — объяснила Василиса.

— Хе-хе, огня? — усмехаясь, переспросила Баба-яга. — Есть у меня огонек, лучший во всех окрестностях, да что там, во всем мире! Однако, Василиса, тебе придется заслужить его! Ты готова к этому?

— Думаю, да, бабушка, — отвечала девушка.

— Ты свое «думаю» лучше убери куда подальше, если не хочешь, чтобы я разорвала тебя на части! И давай-ка заходи внутрь, а то у меня все кости ломит, пока я торчу здесь, снаружи!

Василиса глубоко вздохнула и, крепко сжав куколку, переступила порог. Внутри оказалось весьма уютно. Деревянный пол был покрыт узорчатыми ковриками, а в печке весело потрескивали дрова, от которых исходило приятное тепло.

В избе Бабы-яги не было никаких странных вещей наподобие лягушачьей кожи или лисьих зубов, расставленных в стеклянных банках по полкам. Нет, изнутри она выглядела словно комната обычной старушки. У Бабы-яги были седые волосы, запятанные под красно-синюю косынку, вытянутый подбородок и такой же длинный морщинистый нос, но, несмотря на очевидную старость, двигалась она резво, а глаза ее зорко и внимательно осматривали бедную Василису.

— Ну и чего встала? Не знаешь, что делать? — фыркнула старуха, выдернув Василису из оцепенения. — Давай-ка приготовь мне ужин. Я оставила тебе припасы на столе.

Василиса молча кивнула и побежала на кухню, но, когда оказалась там, разинула рот от удивления: на столе лежало столько мяса и овощей, что ими можно было накормить целое войско.

— Что именно вы хотите, чтобы я вам приготовила? — удивленно спросила девушка.

— А ты, я смотрю, не слишком сообразительная! — закричала Баба-яга. — Я же тебе сказала, что оставила все припасы на столе, вот и приготовь то, что там лежит!

Василиса решила больше не задавать вопросов и, закатав рукава, приступила к работе: нарезала овощи, помыла мясо и поставила в печку вариться. Спустя час тяжелой работы перед голодной старухой предстал обильный ужин, достойный царского застолья. Василиса поела немного овощей, как обычно, припрятав угощение для куколки, тогда как Баба-яга с аппетитом проглотила все остальное.

— Молодец! — похвалила старуха девушку, вытирая рот платком размером со скатерть. — Теперь мне нужно поспать, но не думай, что на этом все! Поутру я уйду и вернусь только к вечеру, и по возвращении я хочу увидеть, что весь дом сверкает от чистоты! Приберись в нем, постирай белье и приготовь мне ужин. Затем перебери пшеницу и берегись: если я обнаружу, что ты чего-то не сделала, то мигом тебя съем!

Сказав это, Баба-яга рухнула в постель и тут же громко захрапела. Как только Василиса удостоверилась, что старуха крепко спит, то тут же расплакалась и вынула из передника куклу.

— Куколка моя, я так тебя люблю, прошу, скушай кусочек и послушай о моих горестях. — И Василиса рассказала кукле обо всех заданиях, которые приказала выполнить старая ведьма.

И снова куколка в ответ успокоила девушку и пообещала, что сама обо всем

позаботится. Ободренная ее словами, Василиса со спокойным сердцем заснула. Едва вошло солнце, как Василиса очнулась, однако Баба-яги уже давно и след простыл. Потягиваясь у окошка, девушка снова заметила белого витязя, который проезжал по лесу, но на этот раз он даже не удостоил ее взглядом.

— Ладно, чем раньше начну трудиться, тем раньше смогу отдохнуть, — подумала Василиса, оглядываясь вокруг, и вдруг с удивлением обнаружила, что в избе уже чисто и прибрано.

То была работа куколки, которая выполнила почти все задания, и Василисе оставалось только приготовить ужин, после чего она могла отдохнуть. Так что день протекал спокойно и неспешно, и в самый его разгар девушка увидела, как мимо избышки проезжает красный всадник, а спустя несколько часов вслед за ним проскакал и черный. К тому времени вернулась Баба-яга. Она мчалась по лесу в огромной ступе, держа в одной руке пест, который помогал отталкиваться и скакать вперед, а в другой — помело, чтобы тут же заметать за собой следы. Когда Баба-яга вошла в избу, то, даже не взглянув на Василису, тут же принялась осматривать каждый закуток своего жилища.

— Уф, хорошая работа! — произнесла она, осмотрев всю избу, а затем кликнула своих верных помощников, чтобы те просеяли толченое зерно и сделали из него муку.

Тут же из ниоткуда возникли три пары рук, которые живо приступили к работе и так усердно трудились, что пыль от муки летала по всей избе словно золотистый снегопад.

— А теперь ужинать! — фыркнула старуха, когда дело было сделано, и снова съела столько, сколько хватило бы целому войску, а затем, сытая, подозвала к себе Василису:

— Завтра сделай все то же самое, что и сегодня, но, ко всему прочему, еще очисти семена мака от шелухи! Хочу, чтобы в одной куче лежали только семена, а в другой — все остальное, и уж постарайся сделать все как следует, иначе я тебя съем!

После этого довольная Баба-яга отправилась спать, а Василиса села с куколкой в уголок и, как обычно, накормила ее припасенным угощением.

Следующим утром Василиса проснулась, когда старуха уже умчалась прочь, и весь день девушка трудилась вместе с куколкой, чтобы колдунья была довольна. Каждый раз, когда Василиса выглядывала в окно, она видела, как мимо избы проезжают все те же всадники, и, когда мимо промчался черный всадник, колдунья вернулась домой.

— Кажется, все в порядке, — со смешанным чувством удовлетворения и досады заметила Баба-яга, увидев груды очищенных маковых семян.

Затем она позвала своих слуг, и три пары летающих рук вновь возникли из воздуха и принялись давить маковые зернышки, изготавливая из них густое золотистое масло. Наконец старуха с девушкой сели за стол и принялись за угощения, которые приготовила Василиса. Вдруг, впервые за все то время, что девушка находилась у Бабы-яги, та, прекратив на мгновение заглатывать еду, бросила на нее любопытный взгляд.

— Почему ты все время молчишь? — сварливым голосом спросила старуха. — Тебе что, кот язык откусил, когда ты рот разинула?

— О, нет же, бабушка! — тут же ответила Василиса. — Я молчу лишь потому, что не осмеливаюсь говорить, но если вы мне позволите, то я бы с удовольствием вас кое о чем спросила.

— Давай! Однако запомни: чем больше ты на этой земле знаешь, тем хуже спишь! — отвечала старуха.

— Кто тот белый витязь, что каждое утро разъезжает по лесу? — мигом спросила Василиса.

— А! Это День мой ясный. Знаешь, он тот еще болтун и считает, что очень умен, но, по правде говоря, у него ум младенца! — поведала Баба-яга.

— А тот, с пылающим мечом, который всегда появляется в полдень? — продолжила расспросы девушка.

— Ты имеешь в виду лучезарное солнце? Это Солнышко мое красное. Он очень храбрый и достойный воин, правда, иногда туповат, — пояснила старуха.

— А тот, мрачный и черный? — не унималась Василиса.

— Это Ночь моя темная. Он очень умен и часто говорит истину, однако не стоит его слушать, если хочешь прожить жизнь спокойно, — произнесла Баба-яга. — Они мои самые верные помощники, которые денно и нощно несут мне службу!

Василиса зачарованно слушала Ягу и чувствовала, как в сердце закрадывается любопытство, но тут же вспомнила слова старухи.

— Итак, есть еще что-то или вопросы закончились? — произнесла Баба-яга.

— Чем больше знаешь, тем хуже спишь, разве не так? — парировала Василиса.

— Ах ты, умная какая! — загоготала на всю избу старуха. — Молодец, мне не нравятся детишки, которые всюду суют свои носы, а того, кто меня сильно раздражает, я мигом проглочу!

Василиса в страхе замерла, но Баба-яга успокаивающе подмигнула ей:

— Сиди спокойно, я не собираюсь тебя есть. Ты хорошо себя ведешь и выполнила все, что я тебе приказала. Так что теперь я задам тебе один вопрос!

— Конечно же, бабушка, слушаю вас, — отвечала Василиса.

— Как это тебе удалось не моргнув глазом справиться со всеми моими заданиями? — удивленно спросила Баба-яга. — Может быть, ты дочка какой-нибудь колдуньи?

— О нет, бабушка, — ответила Василиса, не привыкшая обманывать, и показала Бабе-яге свою куколку. — Когда моя матушка умерла, она оставила мне благословение в этой куколке.

— Это уже слишком! Благословенная кукла в моем доме? — воскликнула колдунья. — Если это так, то убирайся прочь! Вон отсюда! В этой избе нет места для благословенных людей!

Баба-яга провела девушку до двери и, прежде чем выпустить ее наружу, схватила одну черепушку со светящимися глазницами, насадила ее на палку и вручила Василисе:

— Это — твой огонь, ты его заслужила, а я не забываю о своих обещаниях! А теперь проваливай и никогда сюда не возвращайся!

Дверь избы захлопнулась за спиной Василисы, и девушка побежала по лесу, а огненные глаза черепа на посохе освещали ей дорогу до дома. Всю ночь и весь следующий день Василиса ни на минуту не останавливалась, пока уже на закате не добралась наконец до своего дома. Тогда она посмотрела на череп с пылающими очами и подумала, что за все то время, что она отсутствовала, мачеха с сестрами, несомненно, должны были раздобыть огонь. Девушка уже собиралась выкинуть ведьмин подарок, когда череп раскрыл рот и прокричал:

— Не выкидывай меня! Отнеси меня лучше к своей мачехе: я ей нужен!

Василиса послушно вошла в дом и удивилась, обнаружив, что внутри все еще царит тьма!

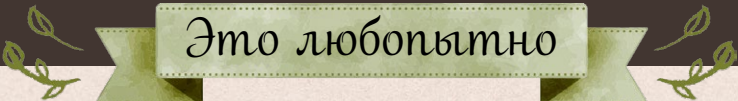
— Где тебя носило? — отчаянным голосом закричала мачеха, которая вместе с дочерьми кинулась навстречу Василисе. — Давай же, заходи вместе с огнем! Все свечи, что мы зажигаем, тут же гаснут, словно проклятые. Может быть, твоё пламя продержится дольше!

Но едва Василиса переступила порог, как огонь в глазницах черепа разгорелся еще сильнее и метнулся на мачеху и ее дочерей. Те даже вскрикнуть не успели, как от них остались лишь черные угольки. На следующий день Василиса закопала череп в землю и заколотила дверь в избу, а сама направилась в город. Там она пережила еще много других приключений, но с Бабой-ягой так ни разу больше и не повстречалась.

Рассказывают, что девушка стала искусной прядильщицей и ее ткани были мягкими словно облака и настолько тонкими, что могли пролезть в игольное ушко. Сам царь носил только рубашки, сотканные Василисой. А когда царь

увидел красоту Василисы, то мигом предложил ей руку и сердце, на что та радостно согласилась.

Однажды из долгого путешествия вернулся отец Василисы и переехал на царский двор к дочери и зятю, где все вместе они жили долго и счастливо. Но как День, лучезарное Солнце и угрюмая Ночь каждый в свой срок мчались через лес, так и Василиса всю оставшуюся жизнь по-прежнему не расставалась с куколкой своей любимой матери.

Это любопытно

Вероятно, образ Бабы-яги вдохновлен одним или несколькими древними славянскими божествами, которые играли роль проводников душ и были связаны с миром живых и миром мертвых.

Хотя в сказке о Василисе Прекрасной она выглядит преимущественно пугающим и жестоким персонажем, в действительности можно заметить неоднозначность ее образа. Три всадника являют собой связь Бабы-яги с ходом времени и циклом смерти и возрождения.

Происхождение ее имени до сих пор толком неясно: если первая его часть, очевидно, является производной от слова «бабушка», то насчет второй есть разные точки зрения.

На протяжении многих лет образами Бабы-яги и ее избушки на курьих ножках вдохновлялись многие творцы, от композитора Модеста Мусоргского, включившего в сюиту «Картинки с выставки» композицию о фольклорной старухе, до режиссера Хаяо Миядзаки, который использовал их при создании ведьм Юбабы и Дзенибы, а также волшебного Ходячего замка.

Пер Гюнт

Победитель троллей

Много лет назад в Норвегии, в деревеньке Квам, жил молодой охотник по имени Пер Гюнт. С тех пор как он смог держать в руках ружье, охота стала его главной страстью, а лес — вторым домом. Или, лучше сказать, первым домом. Действительно, Пер предпочитал долгие походы по крутым горам и темным лесам теплу своей маленькой уютной хижины. Поговаривали, что в действительности парня подкинули тролли — только так можно было объяснить его страсть к дикой природе, но все это было лишь беспочвенными слухами и пустой болтовней. Пер казался весьма угрюмым и нелюдимым, но в действительности он не был злым человеком, и все в деревне желали ему добра.

Однажды утром в начале зимы Пер сидел перед небольшим камином в хижине, поглаживая своих псов Сколла и Хати. Всего несколько недель оставалось до Рождества, и сезон охоты был практически завершен, так что, как обычно, Пер Гюнт собирался провести это время в тепле домашнего очага, наслаждаясь добычей, пойманной осенью. Он всегда так делал, и это было самым разумным решением.

Однако в тот день Пер чувствовал беспокойную дрожь в ногах и жжение в плечах. Все его тело изнывало от непреодолимого желания отправиться навстречу лесным приключениям, так что он оделся, перекинул через плечо сумку и верное ружье и, покинув приятное тепло своего жилища, направился в морозные объятия гор. Ледяной ветер в лесу пробирал до самых костей, но Пер ни минуты не усомнился в своей затее и веселым шагом прокладывал себе путь по непроходимой тропе, сопровождаемый Сколлом и Хати.

— Эй, Пер! — услышал он чей-то голос.

То был Ганс, старый козопас, который жил в лачуге неподалеку от леса. Он был бодрым и приятным стариком, хотя иногда, по мнению Пера Гюнта, чересчур болтливым.

— Куда это ты собрался? Рождество уже на носу, — засмеялся старый пастиух. — Чего ты в лесу забыл?

— Я спешу, — коротко ответил Пер.

Тогда старый пастух почесал усы, а его лицо сразу же стало серьезным:

— Парень, послушай совет старика. В это время горы кишмя кишат троллями и прочими чудищами, с которыми не стоит связываться. Ты разве не слышал о трех дочерях молочника? Все три пропали в лесу. И даже их косточек так и не нашли.

— Спасибо, старик. Я буду внимателен, — ответил Пер.

— Проклятье! — вскипел пастух. — Возвращайся домой, Пер! Поохотишься весной. Зачем же рисковать сейчас?

Парень только пожал плечами и молча пошел дальше, оставив старика с его козами и беспокойством.

— Смотри у меня, чтобы вернулся живым! — закричал пастух вслед Перу, скрывшемуся за лесными деревьями. Затем старик, качая головой, вернулся к животным и продолжил их кормить.

Пер знал эти леса как свои пять пальцев, однако каждый раз находил в них нечто новое, что его впечатляло. Он быстро потерял счет времени, наслаждаясь дорогой и рассматривая новый, еще неизведанный пейзаж, и, только когда солнце стало клониться к горизонту, ему пришлось в голову, что пора искать ночлег.

Пер оглядел окружавшие его деревья и мох на них и понял, что находится недалеко от горной хижины, в которой летом отдыхали пастухи во время выпаса овец. Зимой же она стояла заброшенная, однако там была крыша и хоть сколько-нибудь дровишек, из которых можно разжечь костер, чтобы отогреть замерзшие пальцы. Большого молодому охотнику и не требовалось. Так что Пер Гюнт бодрым шагом направился к пастушьей хижине, намереваясь добраться до нее еще до наступления темноты.

Чем дальше он шел, тем ниже опускалось солнце и тем плотнее смыкались ветви деревьев, пока он не оказался в крошечной тьме. Пер помахал рукой перед лицом, но не смог разглядеть даже палец. Тьма была непроглядной, однако, к счастью, Пер умел двигаться по лесу даже вслепую, так здорово он знал здешние тропы, а кроме того, с ним были его верные псы. Таким образом, считая каждый шаг, он побрел к хижине.

Внезапно Сколл и Хати зарычали. Пер потянул носом: воздух вокруг насквозь пропах плесенью, отчего даже перехватывало дыхание. Вонь стояла такая, будто целая армия разлагающихся мертвецов принимала ванну. Парень унял собак, да и сам решил успокоиться, но даже такой бывалый охотник, как он, начал понемногу испытывать тревогу.

Пер сделал шаг вперед, и тут же его нога на что-то наткнулась. Что-то очень большое. Вслепую парень ощущал препятствие. У предмета была странная поверхность. Очень холодная и покрытая слоем непонятной липкой маслянистой жидкости, от которой исходил неприятный запах. Однако больше всего юношу потрясло, что этот предмет дышал.

— Кто здесь? — спросил Пер Гюнт с плохо скрываемой дрожью в голосе.

— Ох! — ответило существо во мраке. — Здесь лишь я, Кривой!

После этого снова наступила тишина, и Пер подумал, что он так ничего и не понял. Однако, учитывая не слишком охотный ответ, парень решил не задавать больше вопросов и просто обойти липкое существо стороной. Так Пер и поступил, но стоило ему сделать десять шагов вбок и снова направиться к пастушьей хижине, как он опять уперся во что-то липкое и чертовски большое.

— Кто здесь? — снова спросил Пер, начиная испытывать раздражение.

— Ох! Да все я — Кривой! — раздался ответ.

— Ладно, кривой ты или ровный, тебе придется пропустить меня, если не хочешь получить пулю в лоб, — гневно произнес Пер Гюнт, понимая, что Кривой, скорее всего, полностью заслоняет собой хижину пастухов.

Услышав эти угрозы, странное существо отодвинулось в сторону, позволив охотнику пройти вперед. Войдя в хижину, Пер Гюнт с облегчением вздохнул. Однако внутри, казалось, было еще темнее и воняло еще сильнее, чем снаружи. На ощупь скользя руками по стене, охотник принялся искать огниво и дрова, но когда он наконец-то обнаружил очаг, то снова наткнулся на странный предмет. И он тоже был очень липким и холодным.

— Какого черта, кто здесь? — выругался в сердцах Пер.

— Ох! Да снова же я! Здравяк Кривой! — послышался ответ.

От странного скрежещущего хохота все вокруг несчастного Пера Гюнта задрожало, и он понял, что окружен.

— Плохи дела, — прошептал парень. — Этот проклятый Кривой и снаружи, и внутри, а здесь хватит места только для одного из нас.

Охотник успокоил своих псов, которые жалобно скулили из-за гроыхавшего вокруг смеха, а затем крепко схватился за ружье и зарядил его. Пусть и казалось, что этот жуткий смех выходит сразу из всего тела чудовища, но должен же, в конце концов, быть у него рот.

— Найду пасть — найду и голову, — подумал Пер и принялся успокаивать себя, чтобы сконцентрироваться на звуке. Спустя некоторое время он наконец смог определить, откуда исходит этот кошмарный грохот, тут же бросился наружу и побежал с ружьем наперевес к тому месту, где, как он надеялся, находилась голова Кривого.

Наконец смех прекратился.

— Итак, серьезно спрашиваю: кто ты такой? — положив дрожащий палец на курок, снова обратился к неведомому чудовищу Пер Гюнт.

— Ох! Да я же, Кривой! Самый огромный тролль во всем Этнедале! — отозвалось существо.

Как только монстр произнес слово «тролль», Пер Гюнт, не теряя времени, трижды выстрелил в него, уповая на то, что попал именно в голову чудовища.

— Я еще не убит... — захрипел тролль. — Быстрее, стреляй же еще!

Однако Пер Гюнт не был простаком и прекрасно знал, что четвертая пуля, выпущенная в тролля, всегда отскакивает назад и насмерть поражает самого стрелка, так что охотник не поддался на уговоры чудовища.

Когда стало ясно, что Кривой умер, Пер Гюнт позвал своих псов, чтобы те помогли ему вытащить тушу из хижины. Сделав дело, парень вместе с собаками, не на шутку измотанные этим опасным приключением, направились обратно внутрь, когда лесные деревья задрожали от других громогласных смешков.

— Вы видели? Вы это видели? — заулюлюкали скрывавшиеся во тьме тролли.

— Разрази меня гром, если я это видел! Пер Гюнт тащил труп Кривого! — не унимался один из них.

— Хотя его собаки тащили еще сильнее! Вот белоручка, скажу я вам! — вторил другой.

— Заткнитесь! — закричал Пер Гюнт. — Еще один смешок, и я позвоню в колокольчик!

Как вы, конечно же, знаете, если и есть что-то, что тролли ненавидят больше солнечного света, так это колокольный звук, так что после слов охотника тишина наконец-то снова окутала лес. А Пер, Сколл и Хати могли теперь отдохнуть и отвлечься от странной встречи.

На следующий день Пер Гюнт встал рано, приготовил скромный завтрак из хлеба и нескольких кусков вяленого мяса и принялся ждать, когда взойдет солнце, после чего снова отправился в путь. Тот день был намного теплее, чем предыдущий, и в небе не было ни облачка. В такую погоду, если повезет, вполне можно обнаружить парочку зверей, которые еще не впали в спячку и продолжали бродить по лесу в поисках еды.

Внезапно с высоты одного из склонов Пер Гюнт разглядел пастушку, которая пасла отару овец на широкой поляне. Он решил подойти к ней, чтобы предупредить о троллях. Старик-пастух не ошибался: эти горы могли быть опасными, если относиться к ним легкомысленно. Кроме того, вид девушки взволновал юношу, привыкшего к одиночеству в горах.

Однако когда Пер Гюнт добрался до поляны, пастушки вместе с отарой и след простыл, а на их месте находилась большая стая медведей.

— Что это за медведи, которые сбиваются в стаи? — недоуменно покачал головой Пер Гюнт. — Небывалое дело!

В этот момент из-за небольшого холма чей-то голос начал напевать:

«Охотник замешкал,
но язык не устал!
Ружье у Пера Гюнта,
и смерть по пятам!»

Затем смех растекся во все стороны и грянул из каждого уголка леса. Тут же с другого холма раздался второй голос:

«Целит Пер Гюнт своим языком,
конечно, замечен подвох!
Но нам сегодня опять везет,
Поскольку не мылся пройдоха!»

Охотник недовольно фыркнул, сплюнул на руки и, не обращая внимания на шутки и словесные игры троллей, выстрелил в воздух из ружья. Медведи продолжили спокойно искать еду, лишь один напряг уши и бросился в страхе наутек от грохота выстрела. Тогда парень закрыл один глаз, аккуратно вскинул ружье на плечо и, задержав дыхание, прицелился в убегающего зверя и выстрелил ему в лапу. Медведь тут же рухнул наземь, корчась от боли. Одно за другим остальные животные исчезли с поляны, словно их и не было, и Пер Гюнт спокойным шагом подошел к своей добыче.

— Тебе стоило бы быть осторожнее! — заскрежетал кто-то из-за дерева.

— А я что, знал? — засмеялся в ответ другой голос.

Пер Гюнт решил по-прежнему не обращать на них внимания и вонзил охотничий нож прямо в сердце подстреленного медведя, чтобы избавить того от мучительной смерти. Затем охотник освежевал зверя, срезал немного мяса с его туши и прихватил с собой медвежью голову в качестве трофея. То, что осталось от туши, он закопал неподалеку от валуна, преклонив колено перед медвежьей могилой в знак уважения. Затем Пер позвал псов, и вместе они продолжили путь.

На обрывистой горной тропинке охотник повстречал лису, которая что-то выискивала впереди.

— Ох, мой ягненок! Как же ты растолстел! — с наигранным плачем произнес чей-то голос из-за холма.

— А ты что, не видел, как высоко держит свое ружье этот Пер Гюнт?! — отвечал ему другой голос.

Парень снова вскинул ружье и подстрелил лису. И в этот раз он освежевал убитого зверя, отрезав его голову как трофей, а останки почтительно похоронил возле тропы. Довольный охотой и в то же время обеспокоенный вчерашней встречей с троллями, Пер запихал добычу в рюкзак и поспешил к пастушьей хижине.

Как только он вошел в нее, то тут же положил обе трофейные головы на полку, затем промыл мясо и разжег в очаге уютный огонь. Солнце стремительно катилось над долиной к горизонту, и стоило быть готовым к скорой темноте. Довольные Сколл и Хати глодали кости, а Пер варил суп из мяса и трав, которым, словно чудодейственным средством, хотел согреть свое замерзшее нутро.

Однако довольно-таки скоро дым из очага заполнил всю хижину, так что сильно зажгло глаза и стало сложно разглядеть, что происходит вокруг. По-видимому, печная труба засорилась, а у Пера Гюнта не было под рукой ничего, чем он мог бы ее прочистить, поэтому он просто проделал в стене повыше дыру, чтобы выпустить дым. Но не успел он закончить дело, как длинный нос тролля проник в щель и принялся снова по хижине, пока не добрался до кастрюли с супом, который бурлил на огне.

— Я чую своим носищем вкусный запах! — раздался снаружи возглас тролля.

— Возьми-ка кусочек и проверь, готов ли он уже! — ответил Пер и в тот же миг плеснул кипящую воду на огромный нос тролля. Тот сразу исчез из хижины, а снаружи кто-то завопил нечеловеческим голосом на весь лес.

— Старый Гюри попробовал супчика Пера Гюнта! Хороша похлебка! — захохотали остальные тролли.

— Слышу колокол! — раздраженно крикнул в ответ Пер, и лес тут же погрузился в тишину.

Парень снова принялся помешивать суп в кастрюле, но едва он решил, что все в порядке, как струя воды брызнула из дыры в стене, погасив огонь и погрузив хижину во мрак.

— Страшно! Страшно! — глумливо закричали тролли. — Пер Гюнт струхнул, будто три молочницы на скотном дворе в Валле!

От этих насмешек терпение Пера Гюнта лопнуло. Он зажег масляный светильник, который предусмотрительно подготовил заранее, собрал свои пожитки и вышел из хижины вместе с псами.

— Скотный двор в Валле, должно быть, не так уж и далеко отсюда, — процедил он сквозь зубы и отправился в путь.

Когда Пер Гюнт наконец достиг пастбища возле скотного двора, то заметил, что это место окружено тучей, которая была чернее ночи.

— Волки, — нервно сглатывая, проговорил охотник.

В следующий миг, будто черная косматая лавина, стая оскаленных волков с небывалой яростью бросилась навстречу Перу и его псам. Те волки не были обычными зверями: тела их истопились до самых костей, а глаза сверкали красным огнем, словно разгорающиеся угли во мраке. Сколл и Хати сражались со всем неистовством, и Пер бился с меньшей силой и не прекращал стрелять и размахивать прикладом, чувствуя, как кровь бешено стучит в висках. А затем волки растворились во тьме так же неожиданно, как и появились из нее.

Пер даже не стал задаваться лишними вопросами, потому что в этом не было смысла. Вместо этого охотник со всех ног помчался в пастушью хижину, что стояла возле пастбища. Их было четверо. Четыре ужасных горных тролля, известных по всей Норвегии. Звали их Густ — Воздушный Вихрь, Валь — Горный Владыка, Тьестель — Водяной Поток и Рольф — Огненный Столб. У дверей на страже стоял Густ, и Пер быстро прицелился и выстрелил в него, однако во тьме не смог разглядеть, попал или нет. В любом случае тролль Густ, вместо того чтобы смело вступить в бой, тут же бросился наутек и скрылся в ночи.

Пер Гюнт глубоко вдохнул и пинком открыл дверь в хижину. В центре на полу лежали в слезах три бедные молочницы. Юбки их были разорваны в клочья, а лица покрыты синяками и ссадинами.

Три огромных тролля нависали над ними, но как только чудища увидели Пера, то мигом уменьшились в размерах от страха. Тьестель попытался выскользнуть в окно, однако Сколл и Хати были проворнее и, схватив его за загривок, отволокли и бросили в пылающий очаг, где от тролля во все стороны полетели искры и копоть.

— Привет, Пер Гюнт! Ты уже знаком с моими верными змейками? — прошамкал Валь — Горный Владыка, который имел привычку называть волков змеями.

— Конечно. Скоро ты отправишься к ним! — спокойно ответил охотник и выстрелом раскроил троллю морду.

Затем Пер повернулся к Тьестелю, который все еще пытался справиться с псами. Парень прицелился и нажал на спусковой крючок. Однако ружье не выстрелило, поскольку в нем больше не было пуль. Увидев это, тролль с воплем ринулся на Пера, пытаясь укусить его, однако охотник не спасовал. Крепко схватив ружье, он с силой ударил прикладом по грубой роже Тьестеля. А затем еще и еще. Пер наносил удар за ударом, пока безжизненное тело тролля не рухнуло наземь. Что до Рольфа, то тот, похоже, в страхе бежал прочь, и Пер, переводя дух, сплюнул на пол.

Три девушки смотрели на своего кровавого спасителя, и лица их были блее простыней и казались еще более испуганными, чем прежде.

— Идите за мной, теперь вы свободны, — процедил Пер Гюнт, — но не заставляйте меня повторять дважды.

Как ни крути, но все-таки он был простым охотником, а не учтивым принцем. Когда козопас Ганс увидел, как Пер Гюнт возвращается с тремя дочерями молочника, он, мягко говоря, опешил, однако изумление быстро сменилось беспокойством, и старик тут же поспешил предложить девушкам немного сыра. Те не произнесли ни слова, да и сам Пер Гюнт был молчаливее прежнего. Даже старик замолк и не стал задавать никаких вопросов, чтобы не нарушать эту звенящую тишину. Подкрепившись и удостоверившись, что девушки ранены нетяжело, Пер Гюнт приласкал псов и без лишних слов толкнул дверь.

— Ты возвращаешься? — спросил старик.

— Мне нужно закончить дело, — отозвался Пер.

— В Довре, — набравшись мужества, произнесла одна из девушек.

Пер едва заметно повел головой, а его уши будто у собаки зашевелились в сторону девушки.

— В Довре, на северо-востоке, — запинаясь, продолжила молочница, — живет старый тролль, их король, я думаю. Все тролли собираются там в Рождество.

Пер Гюнт одобрительно кивнул.

— Надеюсь, ты не сунешься туда? — пробурчал старик. — Скоро снегопад, и дорога до Довре станет непроходимой.

— Это точно, — повысив голос, отозвался охотник, — мне стоит поспешить.

— Это безумие! Рисковать жизнью, чтобы отправиться в пасть короля троллей?! Никто в здравом уме на это не пойдет! — разозлился старик.

— Вот потому это должен сделать я, — отвечал Пер.

После этого парень захлопнул за собой дверь и, глядя на первые снежинки, что уже летели с неба, направился в Довре. Дорога была долгой и трудной, и не раз Перу Гюнту казалось, что ему не справиться с ней, но он продолжал уверенно идти вперед, ночуя в заброшенных хижинах, и достиг города Довре утром в канун Рождества. Молодой охотник сильно устал, однако времени на отдых у него не было. Тролли собирались встретиться на ферме, что стояла на кромке густой лесной рощи. Когда Пер добрался до места, чтобы познакомиться с хозяевами, то увидел, как те нагружают повозку тюками с вещами.

— Мы уезжаем отсюда, — пробурчал глава семейства. — Прошлый год был ужасен, и я не хочу, чтобы моим детям снова пришлось пережить это. Пусть тролли забирают себе ферму на Рождество, а мы переждем в гостях у сестры моей жены.

— Разрешите мне войти в ваш дом, и обещаю, что тролли больше не доставят вам хлопот, — попросил Пер.

— Ну раз ты так просишь, парень, — отозвался фермер, — валяй, но не докучай сильно троллям, когда они заявятся.

— Этого я обещать не могу, — ответил молодой охотник.

Пер проводил взглядом трясущуюся повозку, которая отдалялась от фермы, затем потянулся и стремительно вошел в дом. Первым делом он наведалься в кладовую: ему и его псам требовалось изрядно подкрепиться перед сражением. Хороший охотник знает, что сначала лучше набить себе брюхо, а уж затем набить ружье свинцом. Перекусив сыром и выпив несколько кружек доброго сидра, парень проверил каждый закуток фермы, от амбара до чулана. Это было мудрым поступком, к тому же ему удалось раздобыть несколько полезных вещей для ловушки.

Пока солнце неумолимо клонилось к закату, а Сколл с Хати охраняли вход в жилище, Пер, вооружившись кистью и ведром смолы, замазал с улицы все окна в доме, чтобы через них нельзя было ничего разглядеть. Довольный, он вернулся внутрь, вынул медвежью и лисью шкуры, которые принес с собой в сумке, и сшил их вместе, а сверху обвязал веревкой, будто петель.

— Отличный гигантский башмак получился! — довольно кивая, подумал Пер.

Тем временем собаки начали поскуливать, последние солнечные лучи исчезли несколько минут назад, так что Пер закончил свои приготовления как раз вовремя. Он скорее окликнул Сколла и Хати, и вместе они мигом скрылись в чулане. Долго ждать не пришлось. Вскоре тролли с шумом ввалились в дом, с силой распахнув дверь, которая только чудом не слетела с петель, и все жилище немедленно провоняло их нестерпимым смрадом.

Были здесь и Рольф — Огненный Столб вместе с Густом — Воздушным Вихрем — те самые тролли, что ранее сбежали от Пера, однако самым суровым и загадочным из всех выглядел низкорослый старый тролль с длинной седой бородой — король троллей из Довре. Чудовищам не потребовалось много времени, чтобы учинить беспорядок по всей ферме. Они высыпали на стол гору ящериц и жаб, а затем, отталкивая друг друга, стали хватать их и набивать свои рты с твердыми и острыми зубами. Громкий хохот троллей сотрясал весь дом, пока они развлекались драками, производя адский шум. Затем, спустя несколько часов этого кавардака, внезапно все разом прекратили галдеть, и на ферму опустилась тишина.

— Эй! Кто это оставил там этот огромный башмак?! — прервал молчание тролль с писклявым голосом.

— Он такой большой, что в него влезут все наши ноги... — заметил другой тролль.

— А почему бы нам не попробовать?! — наконец предложил первый, и товарищи одобрительно загалдели, поскольку тролли просто обожают незамысловатые и глупые затеи, и тут же все принялись расталкивать друг друга, чтобы просунуть грязные лапищи в башмак.

Пер терпеливо ждал своего часа и, едва все тролли оказались одной ногой в башмаке, выскочил из чулана и дернул за веревку, которая накрепко связала ничего не подозревавших чудищ внутри башмака-ловушки. Тролли тут же начали бешено дергаться и пинаться, но шкуры, из которых Пер сшил ловушку, оказались слишком крепкими, чтобы их можно было разорвать. Охотник с издевкой смотрел на связанных жертв: все вышло как он и планировал.

— Хороший ход, Пер Гюнт! — захлопал в ладоши старый король троллей, который, будучи слишком мудрым, предпочел сидеть на своем месте, а не соваться в башмак. — Однако не все рыбки в реке такие несмышленные.

Охотник ничего не ответил, прикусив губу. Старый тролль выглядел слабым и беззащитным, но Пер хорошо знал, что этих существ нельзя недооценивать.

— Что ты хочешь взамен? — спросил повелитель троллей. — За свободу моих подданных чего ты хочешь?

Пер взвесил слова старика и отвечал:

— Чтобы вы убрались отсюда и никогда больше не беспокоили людей.

— Мне кажется это не слишком честной платой, — ответил король, задумчиво поглаживая бороду.

— А мне кажется, что вы не в том положении, чтобы ставить условия, — произнес Пер.

— И то верно, — сказал тролль. — Хорошо, пусть будет так! Вот моя рука!

Король троллей поднялся, прошлепал на своих коротких ногах к Перу Гюнту и протянул ему руку. Парень недоверчиво взглянул на нее,

но в конце концов дал свою. Едва их пальцы сплелись в рукопожатии, как король троллей поднял Пера в воздух и с нечеловеческой силой швырнул об стол, а после развязал своих подданных. Троллям было больше не до шуток. Они заперли Сколла и Хати в чулане и окружили Пера.

— Никогда не доверяй троллю, — покачал головой король, наблюдая, как парень пытается снять слизней со своих волос.

Пер вынул из кармана часы и посмотрел на время. В этот момент король троллей поднял руку, и все в ярости кинулись на молодого охотника. У Пера оставался последний шанс. Он сдернул с пояса колокольчик и что есть силы затряс им. Леденящий душу ор троллей тут же наполнил комнату, и монстры бросились врассыпную. Кто-то побежал к выходу, кто-то кинулся в окно, а кто-то полез в камин. Пер Гюнт осенил себя крестом, молясь, чтобы его ловушка сработала, а затем помчался за ними.

Когда спустя несколько дней фермерская семья вернулась домой, то обнаружила, что холм усеян телами окаменевших троллей. Как и рассчитывал Пер Гюнт, солнце уже встало, когда тролли в ужасе от пронзительного звона колокольчика выскочили наружу, и рассветные лучи превратили их в каменные статуи. Даже король троллей недооценил

хитрость Пера Гюнта, который специально заранее закрасил окна в доме сажей, чтобы чудища потеряли счет времени и не обнаружили, что солнце уже взошло.

Семья фермера повсюду разыскивала паренька, который освободил их от гнусных чудищ, но его самого и его верных псов уже и след простыл. С того самого дня о молодом охотнике слышали только в мифах и легендах, и если сегодня по норвежским лесам можно гулять спокойно, то это случилось во многом благодаря подвигам храброго и хитрого Пера Гюнта — Победителя троллей.

На основе этой и других норвежских легенд драматург Генрик Ибсен создал свою прославленную поэму «Пер Гюнт», которая со временем стала куда известнее оригинальной истории. Произведение Ибсена представляет собой в некотором роде пародию на старинную легенду. В поэме место отважного молодого охотника Пера занимает жалкий хвастун и неумеха, который воплощает в себе образ человека, лишённого каких-либо ценностей и готового пожертвовать всем ради себя самого. По мнению драматурга, человечество как раз вступило на такой путь. Друг Ибсена, композитор Эдвард Григ, написал к поэме музыку, создав два произведения — «Утро» и «В пещере горного короля», — которые вошли в число канонических и наиболее известных классических произведений.

УДК 398.4
ББК 82.3
С36

Оригинальное название:
I misteri del folklore: boschi e foreste

На русском языке публикуется впервые

Научный редактор Елена Левкиевская

Сильвестре, Якопо

С36 Волшебные и страшные мифы леса. От феникса до Иггдрасиля / Якопо Сильвестре, Blackbanshee ; пер. с ит. Ф. Каузова ; [науч. ред. Е. Левкиевская]. — Москва : МИФ, 2024. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-00214-523-2

От темных северных чащ до влажных тропических джунглей лесные своды манят и пугают людей. Эта книга — настоящее путешествие по мифам, легендам и традициям, главными героями которых стали леса и существа, населяющие их по всему миру: от Японии до Италии, Ирландии, Норвегии, России и Америки. Увлекательное собрание древних историй с изумительными иллюстрациями Blackbanshee.

УДК 398.4
ББК 82.3

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения владельцев
авторских прав.*

*Все описания мифических существ, обрядов
и ритуалов, а также пересказы сказок и легенд
даются в авторской интерпретации.*

ISBN 978-5-00214-523-2

I misteri del folklore: boschi e foreste
by Jacopo Silvestre, illustrated by Marga Biazzi
(Blackbanshee) © ReBelle Edizioni 2022.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

МИ∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifculture

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/culture

mifculture

КУЛЬТУРА

Научно-популярное издание

Сильвестре Якопо

**ВОЛШЕБНЫЕ И СТРАШНЫЕ
МИФЫ ЛЕСА
От феникса до Иггдрасиля**

Иллюстрации Blackbanshee

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственный редактор *Анастасия Устинова*

Литературный редактор *Александра Хоменко*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Анастасия Новик*

Дизайн обложки *Александр Мануйлов*

Дизайнер-верстальщик *Надежда Кудрякова*

Корректоры *Дарья Ращупкина, Надежда Критику*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,

д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifculture

От темных северных чаш до влажных тропических джунглей лесные своды манят и пугают людей. Эта книга — настоящее путешествие по мифам, легендам и традициям, главными героями которых стали леса и существа, населяющие их по всему миру: от Японии и России до Италии, Ирландии, Норвегии и Америки. Увлекательное собрание древних историй с изумительными иллюстрациями **Blackbanshee**.

Слушайте внимательно — и вы услышите предания, которые листья шепчут на ветру: о священных деревьях, дриадах и оборотнях, рогатых зайцах, кицунэ и единорогах. Возьмите свой фонарь — и отправимся вместе под свод темных ветвей, чтобы извлечь на свет все тайны дикого леса.

#мифылеса

МИО mann-ivanov-ferber.ru @mifculture